

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF HISTORICAL STUDIES**

№ 2 (62)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2026**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Геворкян Е. Н. председатель	доктор экономических наук, профессор, академик РАО, и. о. ректора ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия
Агранат Д. Л. заместитель председателя	доктор социологических наук, доцент, проректор ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия
Комаров Р. В. заместитель председателя	кандидат психологических наук, доцент, проректор ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Кириллов В. В. главный редактор	кандидат исторических наук, директор, профессор Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
Омельянчук И. В. заместитель главного редактора	доктор исторических наук, доцент, профессор департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
Андреев И. Л.	кандидат исторических наук, доцент, профессор департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
Брэдли Дж.	доктор философии по истории (PhD), заслуженный профессор Университета Талса, Александрия, Вирджиния, США
Васильев Д. В.	доктор исторических наук, доцент, профессор департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
Вишняков Я. В.	доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО, Москва, Россия
Гаскуев Р. Г.	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва, Россия
Гайда Ф. А.	доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России XIX – начала XX века МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
Жангуттин Б. О.	доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Казахстана им. академика Т. С. Садыхова КазНПУ им. Абая, Алматы, Казахстан
Иванов А. А.	доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей истории России Института истории СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
Козловская Г. Е.	доктор исторических наук, профессор, директор Самарского филиала МГПУ, Самара, Россия
Копелев Д. Н.	доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
Малышева О. Г.	доктор исторических наук, профессор, профессор департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия

Матвеев Г. Ф.	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
Михайловский Ф. А.	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семёнова МПГУ, Москва, Россия
Николаев А. Б.	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.) РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
Орлов С. В.	кандидат экономических наук, доцент, заместитель председателя Московской городской думы, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
Пазин Р. В.	кандидат исторических наук, главный редактор научно-методического журнала «Преподавание истории в школе», Москва, Россия
Рокки Э. К.	магистр исторических наук (PhD), Канада, Торонто
Ртищева Г. А.	кандидат исторических наук, доцент, доцент департамента истории Института гуманитарных наук МПГУ, Москва, Россия
Селезнев Ф. А.	доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
Сорокин А. А.	кандидат педагогических наук, доцент, начальник департамента методики преподавания социальных и гуманитарных наук Института гуманитарных наук МПГУ, Москва, Россия
Токарева Е. А.	кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по учебно-методической работе и качеству образования Института гуманитарных наук МПГУ, Москва, Россия
Черникова Т. В.	доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО, Москва, Россия

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

ISSN 2076-9105

© ГАОУ ВО МПГУ, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

- Буланова А. С.** Под царским надзором: личный вклад императоров в сохранение архитектурных памятников России в XIX – начале XX в. 6
- Юдина Е. Ю.** «Приданое» для дач: загородный отдых в рекламном и новостном контенте отечественной прессы в конце XIX – начале XX в. 19
- Орлов М. А.** Государственная политика в отношении иоаннитов в конце XIX – начале XX в. 34

Новейшая история России

- Грачев А. В.** Фронтовое сибирское казачество в октябрьских революционных событиях 1917 г. в Москве: от борьбы к нейтралитету 53
- Галкин Т. О.** Новые факты о жизни и работе археолога А. В. Дмитриевской 65
- Кувшинова Е. Е., Кокарева О. В.** Деятельность образовательных учреждений, подведомственных Московскому отделу народного образования, в предвоенные годы: 1939–1940 (по материалам ЦГА Москвы) 85
- Печерский В. А.** Деятельность прокурорских органов исправительно-трудовых лагерей Красноярского края в послевоенный период (1948–1953) 102

Всеобщая история

- Алексеев К. А.** Преодоление центрально-азиатской линии разлома происхождения индоарийцев 117
- Смирнов М.** Идеология «вапсов» глазами эстонской полиции: по материалам уголовного дела 127

Историография и источниковедение

- Аманжолова Д. А.** Специфика новейшей историографии о советском прошлом республик Средней Азии и Казахстана 143

Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Исторические науки», 2026, № 2 (62)..... 158

- Требования к оформлению статей..... 161

C O N T E N T S

History of Russia: from Ancient Times to 1917

- Bulanova A. S.** Beneath royal supervision: the personal contribution of the emperors to the preservation of architectural monuments of Russia in the 19th and early 20th 6
- Yudina E. Yu.** “Dowry” for dachas: country leisure in advertising and news content of the newspapers in the late 19th – early 20th centuries 19
- Orlov M. A.** State policy towards the Johannites in the late 19th – early 20th centuries 34

Modern History of Russia

- Grachev A. V.** Frontline Siberian Cossacks in the October revolutionary events of 1917 in Moscow: from struggle to neutrality 53
- Galkin T. O.** New facts about the life and work of the archaeologist A. V. Dmitrievskaya 65
- Kuvshinova E. E., Kokareva O. V.** Activities of educational institutions subordinate to the Moscow Department of Public Education in the pre-war years: 1939–1940 (based on the materials of the Central State Archive of Moscow) 85
- Pechersky V. A.** Activities of the prosecutorial authorities of the correctional labor camps of the Krasnoyarsk region in the post-war period (1948–1953) 102

General History

- Alekseev K. A.** Overcoming the Central Asian fault line in the origin of the indo-aryans 117
- Smirnov M.** The ideology of the “vaps” through the eyes of the Estonian police: based on criminal case materials 127

Historiography and Source Studies

- Amanzholova D. A.** The specifics of modern historiography about the Soviet Past of the republics of Central Asia and Kazakhstan 143

Authors of the MCU Journal of Historical Studies,

- 2026, № 2 (62) 158

- Requirements for the Style of Articles 161

Научная статья

УДК 930.85 + 719:72

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-262-6-18

Буланова Анастасия Сергеевна

аспирантка

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

anastasiaschar@yandex.ru

ПОД ЦАРСКИМ НАДЗОРОМ: ЛИЧНЫЙ ВКЛАД ИМПЕРАТОРОВ В СОХРАНЕНИЕ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация. Статья посвящена роли российских императоров в формировании и реализации государственной политики по сохранению отечественного архитектурного наследия в XIX – начале XX в. Показан их вклад в создание законодательной базы, регулирующей вопросы защиты архитектурных памятников от повреждений и разрушений, а также в формирование условий для развития общественной инициативы в решении вопросов охраны объектов культурного наследия.

Ключевые слова: Александр I, Николай I, Александр III, Николай II, архитектурный памятник, архитектурное наследие, Российская империя, охрана памятников древности, реставрационная деятельность, общественные организации.

Для цитирования: Буланова А. С. Под царским надзором: личный вклад императоров в сохранение архитектурных памятников России в XIX – начале XX в. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2026. № 2 (62). С. 6–18. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-262-6-18>

Original article

UDC 930.85 + 719:72

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-262-6-18

Bulanova Anastasia S.

Graduate Student

Moscow City University

Moscow, Russia

anastasiaschar@yandex.ru

**BENEATH ROYAL SUPERVISION:
THE PERSONAL CONTRIBUTION OF THE EMPERORS
TO THE PRESERVATION OF ARCHITECTURAL
MONUMENTS OF RUSSIA IN THE 19th AND EARLY 20th**

Abstract. The article is devoted to the role of the Russian emperors in the formation and implementation of state policy for the preservation of the national architectural heritage in the 19th – early 20th. Their contribution to the creation of a legislative framework regulating the protection of architectural monuments from damage and destruction, as well as to the formation of conditions for the development of public initiative in addressing issues of protection of cultural heritage sites, is shown.

Keywords: Alexander I, Nicholas I, Alexander II, Alexander III, Nicholas II, architectural monument, architectural heritage, Russian Empire, protection of ancient monuments, restoration activities, public organizations.

For citation: Bulanova A. S. Beneath royal supervision: the personal contribution of the emperors to the preservation of architectural monuments of Russia in the 19th and early 20th // MCU Journal of Historical Studies. 2026. № 2 (62). P. 6–18. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-262-6-18>

Введение. Культурное наследие — важнейшее составляющее национальной идентичности государства, а его сохранение является одним из наиболее важных направлений в культурной политике. Российское государство в разные исторические периоды своего существования оказывало немалое влияние на решение вопроса охраны достижений культуры, историко-культурного наследия, в том числе и защиты отечественных архитектурных памятников.

В истории Российского государства XIX в. является ключевым этапом в развитии охранительных тенденций в области архитектурного отечественного наследия и одну из главных ролей в этом деле сыграли российские монархи, участие и контроль которых обеспечили ход вышеуказанных культурных процессов. В статье предпринята попытка исследовать вопрос значения вклада российских императоров в дело сохранения отечественных архитектурных памятников.

Начиная с XVIII в., с правления императора Петра I, постепенно складываются предпосылки для изучения и собирания памятников древностей и, что важно, для участия представителей государственной власти в этом процессе. XIX в. ознаменовался дальнейшим развитием государственной политики в данной области. Именно в этот период в правительственных и общественных кругах созревала идея важности сохранения историко-культурных памятников, что выразилось в появлении нормативно-правовых актов по охране культурных объектов и передаче Министерству внутренних дел, Министерству просвещения и Святейшему синоду функций охраны памятников, а также в создании общественных организаций и комиссий, имевших своей целью изучение и сохранение отечественного культурного наследия. Важно отметить, что указанные меры были предприняты при непосредственном контроле российских императоров и при их личной поддержке. Исходя из этого, хронологические рамки статьи ограничены периодом XIX – начала XX в. — правлением российских императоров, начиная с Александра I и заканчивая Николаем II.

Следует отметить, что проблема личного вклада монарших особ в сохранение культурного наследия Российского государства не была предметом специального научного исследования. Косвенно данный вопрос затронут в работах, посвященных общим проблемам охраны памятников старины в Российской империи. Отдельно следует отметить работу И. Л. Тихонова¹, в которой впервые было изучено личное влияние российских императоров на собирание и сохранение объектов материальной культуры в общем контексте становления и развития археологической науки в России. Тихонов приходит к выводу, что покровительство императоров российской археологии способствовало защите и восстановлению монументальных памятников древности.

Основными источниками по изучению вопроса причастности российских императоров к сохранению национального архитектурного наследия являются нормативно-правовые акты — именные указы императоров, направленные на защиту памятников от разрушений. Помимо законодательных актов источниками исследования также выступают публицистические статьи, труды общественных организаций и отчеты об их деятельности, источники личного происхождения, в которых зафиксированы конкретные меры, исходящие от императоров Александра I, Николая I, Александра II, Александра III, Николая II, (главным образом, финансовые пожертвования, поощрение деятельности археологических обществ), направленные на исследования, сбор сведений об объектах культурного наследия и на восстановление многих архитектурных памятников старины.

Ход и результаты исследования. С царствования Александра I начинает формироваться законодательная база в области охраны памятников архитектуры,

¹ Тихонов И. Л. «Это необходимо сделать, чтобы не прослыть за варваров»: российские монархи и археология // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2008. № 4-1. С. 151–161.

постепенно развивается музеефикация объектов культурного наследия. Данные процессы были закреплены на государственном уровне волей императора и, соответственно, являлись результатом его личной заинтересованности. Так, 10 марта 1806 г. вышел именной указ императора «О правилах управления и сохранения в порядке и целостности находившихся в Мастерской и Оружейной палате ценностей», согласно которому «ничего не продавать и никаким вещам из Палатского хранилища отпусков не чинить без особого указа за собственноручным Государя подписанием»².

После окончания Отечественной войны заметно усилилось внимание властей к архитектурному облику Москвы. В замечаниях императора на «вновь проектированный план столичного города Москвы» от 29 сентября 1813 г. содержалось следующее: «Стены Кремля и Китая города поддержать в первобытном их положении»³. О заинтересованности императора Александра I в сохранении культовой архитектуры свидетельствует издание им распоряжения о сохранении храма Василия Блаженного: «Лавки, закрывающие вид здания церкви Василия Блаженного, равномерно уничтожить же; но самую церковь (что важно. — *А. Б.*) оставить и поддерживать ее в прежнем виде»⁴.

Внимание императора Александра I было сосредоточено главным образом на сохранении архитектурных памятников Крымского полуострова. Интерес к культурному наследию Крыма и стремление его сохранить выразилось в законодательской деятельности главы государства: еще в 1805 г. вышло высочайшее распоряжение императора «Об ограждении от разрушения древностей Тавриды». «В нем говорилось, что если где-нибудь на обоих полуостровах (Керченском и Таманском) будут производиться раскопки, которые доставляли бы древности по истории этих земель, то следовало уведомить Академию о найденных вещах и о месте, где они вырыты»⁵. 4 июля 1822 г. было опубликовано высочайше утвержденное положение Комитета министров «О сохранении памятников древности в Крыму»⁶. Само по себе появление данного нормативно-правового акта являлось немаловажным событием в рамках охранительного направления культурной политики правительства.

В контексте культурной политики в области охраны крымских памятников архитектуры примечательны путешествия Александра I в Крым в 1818 и 1825 гг., в рамках которых происходило личное ознакомление императора с культурным наследием региона. Важным результатом этих путешествий стали конкретные распоряжения, направленные на изучение, собирание и сохранение исторических объектов. К примеру, по указу Александра I в Бахчисарайском дворце

² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание первое. Том XXIX. 1806–1807. СПб., 1830. № 22.054. С. 134.

³ Шамаев П. Указатель законов и постановлений по строительной части. М., 1814. С. 50–51.

⁴ Там же.

⁵ Федосеев Н. Ф. Керченский музей древностей // Вестник древней истории. 2002. № 1 (240). С. 155.

⁶ ПСЗРИ. Собрание первое. Том XXXVIII. 1822–1823. СПб., 1830. № 29.105. С. 322.

с 1822 по 1831 г. стали проводиться масштабные реставрационные работы. Император повелел также учредить музеи древностей в Керчи и Одессе.

Именно Александр I инициировал появление первых законодательных актов, регулирующих вопросы охраны памятников древности. Однако исследователь Ю. Р. Савельев считает, что редкие действия власти по решению вопроса сохранения культурного наследия еще не влияли существенным образом на создание системы охранения монументальных памятников во всей Российской империи⁷.

Взошедший на престол император Николай I видел задачи своего правления в укреплении основ самодержавия, заботе о сохранении чистоты православия, возрождении исконно русских традиций, что, естественно, отразилось и на культурной политике. С Николая I процесс сохранения архитектурного наследия стал делом государственной важности и получил законодательное закрепление: появился ряд важнейших правовых документов, регулировавших вопросы защиты памятников древности.

Уже 31 декабря 1826 г. был издан именной указ «О доставлении сведений об остатках древних зданий в городах и о воспрещении разрушать оные»⁸. Согласно этому документу, в губерниях должны были проводиться работы по розыску и обследованию древних зданий. Значительным шагом в развитии охранительных норм стало появление в 1832 г. в Своде законов Российской империи Устава строительного (второе издание 1842 г.), нормами которого запрещалось разрушать остатки древних зданий.

Случаи разрушения архитектурных памятников воспринимались властью как серьезное основание для издания новых законодательных актов, препятствующих дальнейшему уничтожению объектов исторического значения. Так, после получения известий о повреждении крепостной стены в городе Коломне Николай I повелел немедленно исправить повреждения и содержать крепость в первоизданном виде. Помимо этого, данный случай стал серьезным поводом для издания императором именного указа от 14 февраля 1848 г. «О наблюдении за сохранением памятников древности», который запрещал разрушение памятников старины по всей стране и обязывал обеспечивать их сохранность⁹.

Время правления Николая I отмечено подъемом национального самосознания, развитием интереса общественности к истории Российского государства, к его культурному-историческому наследию, что нашло свое отражение в создании общественных организаций, которые включили в сферу своих интересов изучение памятников зодчества и их охрану. Так, в 1839 г. возникло Одесское общество истории и древностей, ставшее первой и главной общественной

⁷ Савельев Ю. Р. Искусство историзма и государственный заказ. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2008. С. 67.

⁸ Именной указ, объявленный гражданским губернаторам управляющим Министерством внутренних дел, о доставлении сведений об остатках древних зданий в городах и о воспрещении разрушать оные // Сохранение памятников церковной старины в России XVIII – начала XX в.: сб. док. М., 1997. С. 67–68.

⁹ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXIII. Отд. 1. 1848. СПб., 1849. № 21992. С. 108.

организацией в области исследования и сохранения объектов культурного наследия в южных регионах России¹⁰. В торжественном собрании общества упоминалось о том, что его деятельность находилась под особым вниманием императора Николая I, который впоследствии предоставил обществу исключительные полномочия на проведение археологических исследований на всей территории Южной России¹¹.

В 1846 г. возникло Императорское археологическое общество, цель которого заключалась в исследованиях отечественных памятников древности¹². Создание общества стало возможным после личного разрешения Николая I: «...Признавая цель предполагаемого в С.-Петербурге Общества Археологическо-Нумизматического полезною, я не встречаю никакого затруднения к исходатайствованию Высочайшего утверждения статута его»¹³. Именно эта организация положила начало систематической работе по сохранению и изучению церковного архитектурного наследия. Общество инициировало проекты, направленные на документирование состояния церквей и создание научно обоснованных рекомендаций для их реставрации.

Активная позиция Николая I по вопросу сохранения памятников культуры оказала влияние на реставрационные процессы в стране. Решения о восстановлении значимых объектов архитектурного наследия сформировались у императора после личного посещения памятных мест. Об этом свидетельствуют следующие примеры. В 1831 г. в рамках визита Николая I в Великий Новгород императором было отдано распоряжение о прекращении несанкционированных работ по расписыванию стен новгородского Софийского собора. Посетив костромской Ипатьевский монастырь 7 октября 1834 г., Николай I выразил недовольство обветшалым видом его построек и повелел придать «более наружного величия и благолепие, но вместе с тем сохраняя все уцелевшие доселе остатки архитектуры и вкуса того времени и применяясь к ним в новой отделке монастыря»¹⁴. В 1834 г. во время визита во Владимирскую губернию при осмотре Дмитриевского собора императором было принято решение о реставрации храма, о чем свидетельствуют записи протоиерея Дмитриевского собора В. Косаткина¹⁵. В 1843–1845 гг. Николай I дважды посещал Киев и в ходе его визитов было решено начать реставрацию фресок Софийского собора. Об этом и о других реставрационных работах сообщает редакторское предисловие к опубликованным в 1876 г. воспоминаниям архитектора Ф. Г. Солнцева: «По рисункам Солнцева

¹⁰ Устав Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1839. С. 1.

¹¹ Торжественное собрание Одесского общества любителей истории и древностей 4 февраля 1840 года. Одесса, 1840. С. 3.

¹² Устав Императорского Русского Археологического общества. СПб., 1866. С. 3.

¹³ История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846–1896 / составил д. ч. Н. И. Веселовский. СПб., 1900. С. 43.

¹⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 218. Оп. 4. Д. 2. Л. 1.

¹⁵ Дмитриевский собор в губ. гор. Владимире / составил протоиерей В. В. Косаткин. Владимир, 1914. С. 19.

возобновлены в Московском Кремле царские терема, дворцовые храмы, также украшения палаты Кремлевского дворца мебелью, коврами, утварью и проч. Ф. Г. Солнцев, направляемый державной волею императора Николая, открыл и восстановил древнюю стенопись в соборе Киевской лавры, открыл древнейшие фрески Софийского собора...»¹⁶

Итак, именно с правления Николая I в Российской империи начинает формироваться законодательная база, регулировавшая вопросы охраны отечественного архитектурного наследия. Царствование императора было также отмечено значительным личным интересом к сохранению монументальных культовых сооружений, расположенных преимущественно в Центральной, Северо-Восточной и Северо-Западной России. Взятый Николаем I курс на возрождение национального характера в российском искусстве был созвучен общему настроению российской общественности, что и привело к появлению первых общественных организаций, деятельность которых заключалась в изучении и сохранении культурного наследия.

Следуя примеру своих предшественников, император Александр II также сделал культурное наследие Российской империи объектом своего покровительства. В годы его правления происходит дальнейшая эволюция законодательной базы сохранения памятников древности. В 1857 г. был утвержден новый Строительный устав, в котором были конкретизированы и систематизированы предшествующие нормативные акты и который становился основным документом, регламентирующим процессы строительства новых зданий и реставрации старых.

Эпоха Александра II стала временем, когда были впервые предприняты попытки систематизировать законодательство об охране архитектурных памятников. В течение восьми лет, с 1869 по 1877 г., шли обсуждения, приведшие к разработке двух проектов нормативных актов: Положения об охране древних памятников и Правил о сохранении исторических памятников. Приоритетная роль в сохранении древних памятников в соответствии с этими документами отводилась не ученым, а государственным ведомствам. Однако ни первый, ни второй проект реализован не был по причине отсутствия государственного финансирования.

Во второй половине XIX в. произошло значимое событие в культурной жизни страны: в 1859 г. была учреждена Императорская археологическая комиссия¹⁷ — первое государственное учреждение, которому было поручено централизованное управление археологическими исследованиями и системный подход к охране найденных исторических объектов. В Положении об императорской Археологической комиссии, утвержденном Александром II 2 февраля 1859 г.,

¹⁶ Солнцев Ф. Г. Моя жизнь и художественно-археологические труды // Русская старина. Том XV. 1876. С. 109–110.

¹⁷ Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): к 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин; под общей ред. Е. Н. Носова. СПб., 2009. С. 21.

указывалась основная задача созданного учреждения: «Розыскание предметов древности, преимущественно относящихся к отечественной истории»¹⁸.

Реформы, проведенные в России в 1860–1870-х гг., оказали серьезное влияние на общественную жизнь, став катализатором перемен. Они заложили фундамент для формирования и развития институтов гражданского общества, что привело к появлению новых организаций, которые направили свою деятельность на сохранение и приумножение культурного наследия России. В этих условиях Московское археологическое общество, созданное в 1864 г. графом А. С. Уваровым, стало ведущей организацией в области изучения и сохранения памятников старины. Общество пользовалось благосклонностью со стороны императора, что выражалось в том числе и в финансовой поддержке в форме ежегодных субсидий в размере до 5 000 тыс. руб. Помимо этого, император постановил, что на территории Российской империи ни одно старинное сооружение не подлежало сносу или реставрации без предварительного согласования с Московским археологическим обществом, о чем свидетельствуют воспоминания жены основателя Московского археологического общества П. С. Уваровой¹⁹.

Александр II не забывал о деятельности и Петербургского археологического общества, высоко ценя проделанную им работу по изучению и сохранению памятников старины. Об этом свидетельствуют личные слова императора, адресованные обществу в 1871 г. по случаю его 25-летнего юбилея: «С удовольствием выражаю этому ученому Обществу Мое благоволение за его прошедшую полезную деятельность. <...> ...Я вместе с сим повелел в дополнение к получаемому им пособию, отпускать еще по две тысячи рублей в год. Надеюсь, что и впредь Общество будет продолжать ревностно и плодотворно трудиться на пользу науки и государства»²⁰.

Эпоха Александра II стала временем возникновения различных художественных и творческих объединений, которые стремились к возрождению уникальной русской культуры и заботились о сохранении ее памятников. В 1862 г. благодаря инициативе архитектора В. А. Шрётера было создано Петербургское общество архитекторов. Москва также заняла важное место как центр, где собирались и работали русские архитекторы, и «Государь Император, по положению Кабинета Министров, 27 октября 1867 года повелеть соизволил: разрешить учреждение Архитектурного Общества в Москве»²¹.

Таким образом, правление Александра II стало важной вехой в истории сохранения культурного наследия Российской империи. В его царствование были заложены основы системного подхода к охране памятников древности,

¹⁸ РГИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 174. Л. 24–25.

¹⁹ Уварова П. С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005. С. 103.

²⁰ История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846–1896. С. 84.

²¹ Историческая записка о деятельности Московского архитектурного общества за первые тридцать лет его существования. 1867–1897. М., 1897. С. 4.

предприняты попытки унификации законодательства в этой области и, что важно, появилась первая государственная научная инстанция, регулировавшая вопросы сохранения культурного наследия, — Императорская археологическая комиссия. Реформы Александра II также стимулировали развитие гражданского общества, что проявилось в возникновении общественных организаций, а личная поддержка императора, выражавшаяся в финансовой помощи и признании значимости их деятельности, позволила научным и творческим обществам внести существенный вклад в изучение и сохранение культурного наследия.

Вступивший на российский престол император Александр III взял курс на сохранение традиционных устоев российской государственности, а также на сохранение и развитие русской национальной культуры. В его правление охрана архитектурного наследия получила свое дальнейшее развитие и стала делом государственной важности. Сам император Александр III являлся истинным ценителем старины, и в частности русской архитектуры. По словам обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева, «памятники русской старины, которые Он (Александр III. — А. Б.) изучал наглядно во время поездок по России, были всегда для Него предметом особого интереса»²². Архитектор Л. Н. Бенуа отмечал, что царствование Александра III стало периодом невероятного развития русского национального искусства, чему способствовало покровительство самого императора²³.

С «Высочайшего соизволения» императора в 1884 г. в Российской империи стали образовываться губернские ученые архивные комиссии²⁴, в задачи которых, наряду с собиранием и приведением в порядок архивных дел и документов, входило также «разыскание, описание и объяснение всяких других памятников старины»²⁵. В деятельности организаций участвовала местная общественность, которую заботили вопросы развития науки в российской провинции и сохранения отечественного культурного наследия. По мнению отечественного археолога и историка Н. В. Покровского, благодаря деятельности комиссий сохранены были многие древние храмы, иконы, утварь²⁶.

11 марта 1889 г. высочайшим повелением императора Александра III Археологическая комиссия получала «исключительное право производства и разрешения раскопок» на всей территории Российской империи. С этого момента реставрация памятников архитектуры могла производиться только по соглашению

²² Победоносцев К. П. Речь в заседании Исторического общества // Вечная память. Воспоминания о почивших / издание К. П. Победоносцева. М., 1896. С. 109–110.

²³ Бенуа Л. Зодчество в царствование императора Александра III // Неделя строителя. Прибавление к журналу «Зодчий». 1894. № 48. С. 245.

²⁴ ПСЗРИ. Собрание третье. Т. IV. 1884 СПб., 1884. № 2149. С. 226.

²⁵ Проект Положения об исторических архивах и ученых архивных комиссиях // Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Т. 1. Пг., 1916. С. 668.

²⁶ Примечания // Сохранение памятников церковной старины в России XVIII – начала XX в.: сб. док. М., 1997. С. 361.

с Императорской археологической комиссией²⁷. Таким образом, Археологическая комиссия стала ключевым государственным органом, ответственным за исследование и сохранение исторических памятников.

Первым шагом Александр III по сохранению архитектурного наследия стало решение о восстановлении соборов Кремля, что было приурочено к коронационным торжествам. Это решение «прямо указывало на исторический дух нового Государя, стремившегося воскресить исторические предания»²⁸. Современник Александра III, историк и археолог, член Санкт-Петербургского археологического общества А. В. Прахов писал: «Чрез все царствование императора идет целый ряд реставраций и забот о поддержании памятников древности. Он был начат открытием фресок в церкви бывшего Кирилловского монастыря в Киеве XII в. Не раз государь уделял из своих личных средств суммы на поддержание и реставрацию памятников русской старины: так на Углицкий дворец, на Ладожскую крепость, на доделку иконостаса к царским дверям с Куликова поля»²⁹. При Александре III в конце 1880-х гг., получив «высочайшее соизволение самого Благочестивейшего Государя Императора»³⁰, местные власти начали масштабные работы по восстановлению и украшению внутреннего и внешнего облика Успенского собора г. Владимира.

Александр III интересовался деятельностью археологических и исторических общественных организаций и поощрял их работу по изучению и сохранению культурного наследия России. Уже к моменту вступления на престол Александр Александрович являлся председателем и почетным членом многих научных организаций (Императорского археологического общества, Московского археологического общества, Императорского исторического общества), а став императором, оказывал покровительство указанным организациям, видя в их деятельности залог успеха по развитию системы охраны культурных ценностей государства.

Политика Александра III, пропитанная идеей самобытности, была направлена на возрождение и сохранение русской старины. Государь проявлял глубокий интерес к историческим памятникам, видя в них воплощение национальной красоты и духовности. Император не только выделял средства из своих личных сбережений на восстановление конкретных объектов, но и лично инициировал и поддерживал реставрационные проекты.

Новый император Николай II продолжил взятый его предшественниками курс на сохранение отечественного культурного наследия. К началу XX в., несмотря на наличие законодательных актов по охране архитектурного наследия и реализацию многих реставрационных проектов, проблема разрушения исторических памятников оставалась ключевой; усугубляло ее и отсутствие полноценных

²⁷ ПСЗРИ. Собрание третье. Т. IX. 1889. СПб., 1891. № 5841. С. 95.

²⁸ Коронационный сборник. СПб., 1899. Т. 1. С. 135.

²⁹ Прахов А. В. Император Александр III как деятель русского художественного просвещения // Художественные сокровища России. СПб., 1903. Т. III. № 4-8. С. 168.

³⁰ История кафедрального Успенского собора в губ. гор. Владимире / составил протоиерей А. Виноградов. Владимир, 1905. С. 97.

сведений о существующих памятниках на территории Российской империи. В 1901 г. вышел циркуляр министра внутренних дел, адресованный губернаторам, градоначальникам и обер-полицмейстерам о сохранении памятников древности и доставлении списков о них, в котором, помимо запрета разрушать остатки древних замков, крепостей, памятников и других зданий древности, признавалось «необходимым сосредоточить в министерстве сведения о всех существующих в Империи древних зданиях и памятниках старины»³¹.

В период правления Николая II возобновилась работа по созданию единого законодательного акта, направленного на защиту историко-культурного наследия. Старт данной инициативе был дан в 1904 г. созданием специальной комиссии, задачей которой являлся пересмотр и упорядочивание действующих законодательных актов, регулирующих защиту исторических памятников. О работе этой комиссии упоминал министр внутренних дел П. А. Столыпин в своем официальном письме к министру иностранных дел А. П. Извольскому: «Задачей комиссии будет выработка основных положений нового закона об охранении не только древних памятников и зданий, но и вообще об охранении памятников старины в самом широком смысле этого слова и памятников, имеющих художественное значение»³². В результате работы комиссии к 1910 г. был подготовлен проект единого закона об охране объектов культурного наследия — Положение об охране древностей³³, в котором регламентировались вопросы охраны и реставрации историко-культурного наследия. Проект был вынесен на рассмотрение Государственной думы, однако дальнейшие рассуждений о сущности проекта и необходимости его доработок дело не пошло. Осложнение международной обстановки и начало Первой мировой войны приостановили реализацию проекта. Однако даже в военных условиях в 1916 г. министром внутренних дел А. Н. Хвостовым было принято решение вновь вынести Положение об охране древностей на новое обсуждение думы. Министр также обратился с докладом «О необходимости образования при Министерстве внутренних дел особого совещания для пересмотра законопроекта об охране памятников древности» к императору Николаю II, на что глава государства выразил свое согласие³⁴, но предпринятые попытки так и не завершились принятием нового закона.

Николай II особо ценил заслуги общественных организаций, заботившихся о сохранении культурного наследия. Покровительство царя выражалось в первую очередь в финансовой поддержке. Так, «Государь Император... Высочайше повелеть соизволил: отпустить из сумм Государственного Казначейства в пособие Императорскому Русскому Археологическому Обществу 3000 руб., и предоставить министру народного просвещения вносить в сметы, начиная

³¹ Труды Пензенской ученой архивной комиссии. Кн. 1. Пенза, 1903. С. 15.

³² РГИА. Ф. 1284. Оп. 186. Д. 11. Ч. I. Л. 224–224 об.

³³ Положение об охране древностей: проект // Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Т. 1. Пг., 1916. С. 578–586.

³⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 186. Д. 11. Ч. III. Л. 132.

с 1898 г., на пособие Археологическому Обществу ежегодно по 8000 рублей»³⁵. Оказывал император помощь и Московскому археологическому обществу: в знак «Высокой Милости к Обществу... <...> ...Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше соизволить на отпуск Обществу из сумм Государственного Казначейства 5000 рублей... Нельзя не смотреть на таковой знак Монаршего благоволения Обществу, как на могучий импульс к продолжению его научной деятельности...»³⁶. Николай II выражал свое благоволение и Императорской археологической комиссии: «Мне приятно в настоящий день 50-летнего ее существования подтвердить, что она оправдала постоянное доверие, оказанное ей Моими Предками и Мной... Я вполне уверен, что деятельности Комиссии и впредь будет неизменно стоять на высоте порученного ей ответственного научного дела»³⁷.

В начале XX в., как и в предыдущие периоды, продолжилась тенденция к созданию общественных организаций, занимающихся сохранением национального культурного наследия. С 1910 г. начинает действовать Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, задачей которого являлось «препятствовать разрушению и способствовать сохранению в России всех памятников, имеющих художественную и историческую ценность, независимо от эпохи создания их»³⁸. В 1915 г. Министерством внутренних дел был утвержден устав Общества возрождения художественной Руси, целью которого являлось «распространение в народе широкого знакомства с древним русским творчеством и дальнейшее преемственное его развитие»³⁹. Император Николай II, с заботой и глубоким уважением относящийся к культурному достоянию Российского государства, выражал свою заинтересованность в деятельности указанных обществ. Об этом свидетельствует, к примеру, ответ императора на телеграмму учредителей Общества возрождения художественной Руси: «Члену Государственного совета кн. Ширинскому-Шихматову. Петроград. Горячо приветствую добрый почин учредителей Общества. Желая быть осведомляем о всех его трудах и успехах. *Николай*»⁴⁰.

Хотя начатые при Николае II преобразования в области охраны древностей не были завершены, государственные и общественные усилия по охране культурного наследия заложили важные основы для дальнейшей работы

³⁵ История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846–1896. С. 96.

³⁶ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Московского Археологического Общества за время с 17 февраля 1902 года по 17 февраля 1903 года // Древности: Труды Императорского Московского археологического общества. Т. 20. Вып. 2. М., 1904. С. 3.

³⁷ Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Рукописный отдел (НА ИИМК РАН РО). Ф. 1. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 78. Л. 40–41.

³⁸ Цит. по: Рудаков В. Охрана памятников старины (по поводу нового «Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины») // Исторический вестник. Т. СХХIX. СПб., 1912. С. 306.

³⁹ Старые годы. Пг., 1915. Апрель – май. № 4–5. С. 104–105.

⁴⁰ Русское слово. 1915. 10 (23) апреля № 81. С. 5.

в этой области. Интерес и поддержка, оказанные императором, стали свидетельством его глубокого понимания исторического значения культурного достояния России и важности его сохранения для будущих поколений.

Заключение. Таким образом, процесс сохранения архитектурного наследия в Российской империи протекал в условиях особого государственного покровительства и высочайшего контроля со стороны российских императоров. Личное участие и инициативы Александра I, Николая I, Александра II, Александра III и Николая II заложили прочные основы для развития охраны памятников старины. Участие императоров в формировании законодательной базы в данной области, поддержка деятельности общественных научных и художественных организаций, финансовые пожертвования исследовательских и реставрационных проектов сыграли решающую роль в реализации практических мер по защите объектов отечественного архитектурного наследия. Естественно, не следует преувеличивать роль глав Российской империи, так как инициатива решения этого вопроса исходила не только от власти, но и от российской общественности, однако благосклонное внимание монархов к судьбе национального культурного достояния и заинтересованность в его защите обеспечили определенные успехи в этом деле.

Литература

1. Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): к 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин; под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 1191 с.
2. Савельев Ю. Р. Искусство историзма и государственный заказ. Вторая половина XIX – начало XX века. М.: Совпадение, 2008. 400 с.
3. Тихонов И. Л. «Это необходимо сделать, чтобы не прослыть за варваров»: российские монархи и археология // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2008. № 4-1. С. 151–161.
4. Федосеев Н. Ф. Керченский музей древностей // Вестник древней истории. 2002. № 1 (240). С. 154–178.

References

1. Imperial Archaeological Commission (1859–1917): On the 150th anniversary of its founding. At the origins of domestic archeology and protection of cultural heritage / scientific. ed.-comp. A. E. Musin; under the general editorship. E. N. Nosova. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2009. 1191 p. (In Russ.).
2. Savelev Yu. R. The art of historicism and the state order. The second half of the 19th – the beginning of the 20th century. Moscow: Coincidence, 2008. 400 p. (In Russ.).
3. Tikhonov I. L. «It is necessary to do in order not to be considered barbarians»: Russian monarchs and archeology // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2008. № 4-1. P. 151–161. (In Russ.).
4. Fedoseev N. F. The Kerch museum of antiquities // Journal of Ancient History. 2002. № 1 (240). P. 154–178. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94(47).08:659.1

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-262-19-33

Юдина Елена Юрьевна

кандидат исторических наук

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

judinaeyu@mgpu.ru; ORCID: 0009-0003-3361-0200

**«ПРИДАНОЕ» ДЛЯ ДАЧ:
ЗАГОРОДНЫЙ ОТДЫХ В РЕКЛАМНОМ И НОВОСТНОМ
КОНТЕНТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРЕССЫ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

Аннотация. Статья посвящена феномену дачи и дачному отдыху городского населения Российской империи в пореформенный период. Именно в это время закладывались особенности загородного жизненного стиля горожан, модного дачного образа. Особый акцент сделан на аспекте формирования и трансляции образа дачной рекреации в столичной и провинциальной прессе. Исследуется освещение дачного досуга в отечественных медиа: организация сезонных физических занятий в провинции с учетом дачной театральной и игровой культуры, способы популяризации оздоровления. Собрана база нарративов рекламных предложений и журналистских материалов, новостных заметок, инфоповодов, отмечены сезонность спроса и разнообразие коммерческого контента газет «Петербургский листок» и «Московский листок». В заключение подтверждается тезис о формировании устойчивого специализированного направления дачной тематики в печатной рекламе, прессе и торговых кругах.

Ключевые слова: дача, досуг, газеты, летний отдых, реклама, спорт, товары.

Для цитирования: Юдина Е. Ю. «Приданое» для дач: загородный отдых в рекламном и новостном контенте отечественной прессы в конце XIX – начале XX в. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2026. № 2 (62). С. 19–33. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-262-19-33>

Original article

UDC 94(47).08:659.1

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-262-19-33

Yudina Elena Yu.

Candidate of Historical Sciences

Moscow City University

Moscow, Russia

yudinaeyu@mgpu.ru; ORCID: 0009-0003-3361-0200

**“DOWRY” FOR DACHAS:
COUNTRY LEISURE IN ADVERTISING AND NEWS
CONTENT OF THE NEWSPAPERS
IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES**

Abstract. This article is dedicated to the phenomenon of dachas, dacha recreation, and the activities of the urban population of the Russian Empire during the post-reform period. It was during this time that the distinctive features of urban residents' country life and the fashionable dacha lifestyle began to take shape. A particular emphasis is placed on the aspect of creating and broadcasting the image of dacha recreation in both metropolitan and provincial press. The study examines the portrayal of leisure activities at «dacha» (summer cottage) retreats in domestic media, focusing on the organization of seasonal physical activities in provincial areas—incorporating the culture of dacha theater and games — and methods for promoting health and wellness. A database of narratives from advertising proposals and journalistic materials has been compiled, including news articles, informational triggers, seasonal demand trends, and the diversity of commercial content from the publications “Peterburgskiy listok” and “Moskovskiy listok.” In conclusion, the thesis is confirmed that a stable specialized direction in dacha themes has emerged in print advertising, the press, and commercial circles.

Keywords: advertising, goods, dacha, leisure, newspapers, sports, summer vacation.

For citation: Yudina E. Yu. “Dowry” for dachas: country leisure in advertising and news content of the newspapers in the late 19th – early 20th centuries // MCU Journal of Historical Studies. 2026. № 2 (62). P. 19–33. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-262-19-33>

Введение. Феномен загородной дачи в историческом плане исследуется не один десяток лет. Географы определяют дачный вопрос как «возвратную пространственную мобильность»¹. Последний виток исследований пришелся как раз на 2000–2015 гг. в связи с началом нового этапа освоения дачных территорий россиянами в стиле барской усадьбы и изменения отношения к даче как к пространству скорее для досуга и удовольствия,

¹ Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность России / под ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016. С. 11.

нежели для трудового фронта. А. И. Трейвиш в работе «Дачная мобильность, дачный менталитет и дачеведение» масштабно проследивает исследовательскую практику загородного отдыха, дает обзор работ зарубежных исследователей о развитии дачной идеи в европейском контексте². В исследовании «“Дачеведение” как наука о втором доме»³ Трейвиш, обращая внимание на статистическую работу Т. Г. Нефедовой⁴, обозначает аспект масштабности, сезонный характер двудомности в годовом ритме жизненного цикла сельско-городских жителей, как иностранных, так и российских.

Массовость и многоаспектность такого явления, как дача, инициируют живой исследовательский интерес в выявлении специфических черт и функций дачи. По мнению Е. А. Веселковой, эклектика как стиль жизни присуща и дачной культуре пореформенной России, в отличие от «целостности усадебного мира»⁵. В диссертационном исследовании, посвященном феномену дачи, О. Ю. Малинова раскрывает характерные социально-экономические черты дачных локаций, их отличие от усадебных мест⁶. В статье С. Бородиной и Н. Гарипова затрагивается рекламный аспект российского дачного отдыха: «Об интересах дачников свидетельствуют листы реклам, публикуемые в путеводителях для желающих снять загородный дом. Реклама воздушных шаров, велосипедов (в том числе уроков езды на них), музыкальных инструментов и нот, школы молодых матерей...»⁷.

Дачная жизнь как социокультурный феномен видоизменялась в понятийном и сущностном выражении в течение нескольких столетий. Среди множества научных исследований усадебно-дачной темы надо отметить историко-библиографический обзор литературы, составленный инженером и библиофилом Г. Д. Злочевским. Автор упоминал публикации о гуляниях в поместье Кусково графов П. Б. и Н. П. Шереметевых, исполняющих функцию продвижения деятельности владельца («рекламируя вельможные добродетели»)⁸.

² Трейвиш А. И. «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2014. № 4. С. 22–32.

³ Трейвиш А. И. Дачная мобильность, дачный менталитет и дачеведение // Демоскоп Weekly. 2015. № 655–656. 21 сентября – 4 октября 2015. <https://www.demoscope.ru/weekly/2015/0655/tema02.php>

⁴ Нефедова Т. Г. География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме: проект 14-18-00083 Института географии Российской академии наук. 2014–2016 гг. <http://igras.ru/970>

⁵ Веселкова Е. А. Дачное движение как маркер модернизации. Исторический опыт и проблемы сегодняшнего дня // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 3 (107). С. 44.

⁶ Малинова О. Ю. Социокультурные факторы формирования дачного пространства вокруг Санкт-Петербурга: 1870–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 9.

⁷ Бородина С., Гарипов Н. «Пространство мира и покоя...». Дачная функция русской усадьбы // Мир искусств: Вестник Международного института антиквариата. 2014. № 2 (06). С. 108.

⁸ Злочевский Г. Д. Русская усадьба. Историко-библиографический обзор литературы (1787–1992). М., 2003. С. 9.

Изначально понятие «дача» от глагола «давать» означало получение некоторых земельных угодий членами ближнего круга власть имущих — аристократической элиты, высокопоставленных чиновников. В толковом словаре В. И. Даля значение слова «дача» — «загородный дом, заимка, хутор, мыза, отдельная усадьба, жилье вне города»⁹. В XVIII столетии загородная жизнь, обеспеченная своим хозяйством, стала предпочтительной для владельцев усадеб.

С первой трети XIX столетия дача представляет собой отданное / дареное владение в контексте дворянской усадебной культуры. Начиная с последней трети XIX в. понятие «дача» усложняется под влиянием социально-экономических трансформаций, кризиса помещичьей усадьбы. Появляются дачи на старом «усадебном фундаменте», усадьбы дробятся. Конечно, размеры дачного хозяйства существенно меньше. Важна прежде всего коммерческая выгода от сдачи внаем по сезонам (со временем появляются не только летние дачи). Ими владеют или арендуют состоятельные предприниматели, купцы, техническая и творческая интеллигенция, служащие. Это дачи, построенные в стиле эклектики и модерна, которыми владели на постоянной основе в Москве и Санкт-Петербурге представители купеческих семейств, таких как Морозовы, Левенсоны, Носенковы, Александренко, Бенуа и др.

Усадебная культура порой переносится в пространство дачи на рубеже столетий, а порой создается образ усадебного быта желающими повысить свой статус горожанами к началу XX столетия. В жизни социума появилось время для отдыха после работы, а также на выходных и средства для смены досуговой локации. Долгие заграничные путешествия или отдых на отечественных южных курортах были довольно затратны (особенно для семейного отдыха). В начале XX в. у них появилась альтернатива — велосипедные, или железнодорожные путешествия, будто менее утомительные и более комфортные, и точно, не менее экстремальные и увлекательные. Еще в середине XIX в. Павловский вокзал как концертный зал и сам ландшафтный парк Павловска под Санкт-Петербургом стали центром музыкальной и светской культуры, задали некие ценностные рамки для воплощения образа летнего досуга столичных жителей. В художественной и мемуарной литературе сложился определенный взгляд на усадебно-дачную жизнь с ностальгическими и романтизированными нотками (см., например, воспоминания композитора С. С. Прокофьева о жизни в Териоки¹⁰, академика Д. С. Лихачева — о даче в Куоккале¹¹).

В большей степени нам знакома дачная повседневность XX — начала XXI столетия. Уже в музейном варианте видим ее становление в конце XIX — начале XX в. Дачная тема в литературе («Дачные зарисовки» и «Правила» А. Чехова, «Пустые дачи» А. Куприна) была продолжена А. Гайдаром в повести «Тимур и его команда». Интеллигентные дачные образы активных

⁹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. СПб.; М., 1903. Стб. 1029.

¹⁰ *Прокофьев С. С.* Дневники. Париж, 2002. Ч. 1. С. 128–129.

¹¹ *Лихачев Д. С.* Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 50–65.

«летних» людей красочно раскрывались в довоенной комедии «Сердца четырех» Валентиной Серовой и другими советскими актерами. Дачный повседневный топос включает, на наш взгляд, медийные и художественные, текстовые и визуальные репрезентации габитарно-телесного образа (вкуче с деталями, присущими дачной атмосфере). Эти нарративы обратили внимание И. М. Быховской, усматривающей «нахождение в этой тематике своего рода укрытия, “шелтера”, в котором можно было уклониться от необходимости соответствовать жестко предписываемым идеологическим канонам»¹². В дачном пространстве каноны становились мягче, а отношения более свободными.

Существо вопроса настоящей работы представляется актуальным с точки зрения изучения усадебно-дачного топоса на стыке истории, филологии, культурологии, социологии, коммуникативистики, истории физической культуры. Такие вопросы дачного быта женщины рассматриваются в работе Е. Н. Строгановой на материале женской прозы конца XIX – начала XX в.¹³ Под влиянием поэтической мифологемы¹⁴ образ усадебного, а потом дачного досуга создается как текстуальное пространство укомного уголка¹⁵.

Подчеркнем, что в процессе складывания отдыха горожан на лоне природы, на даче, все более активно стали проявляться не только возвышенные образы, но и вполне приземленные коммерческие подходы умельцев и коммерсантов. Вокруг так называемого дачного промысла настраивались и инструменты популяризации идеи удовлетворения человеком естественной потребности в отдыхе, психологическом переключении, временном выходе из городской среды и связанного с ней напряжения¹⁶. Британский исследователь С. Ловелл посвятил работу дачному феномену, дачникам как «летним людям», отмечая формирование дачного бытия развитием городов и железных дорог¹⁷. О. Ю. Малинова-Тзиафета подробно рассмотрела вопрос терминологии, юридического оформления и динамики дачного строительства вокруг Петербурга второй половины XIX – начала XX в.¹⁸ Но вопрос изучения медиарепрезентаций дачного отдыха (в том числе рекламных инструментов и форматов) остается открытым для изучения.

¹² Быховская И. М. Спорт в отечественной художественной интерпретации: культурный взгляд на мотивы и нарративы // Художественная культура. 2024. № 4 (51). С. 91.

¹³ Строганова Е. Н. Дачные сюжеты в женской прозе рубежа XIX–XX вв. // Усадьба реальная — усадьба литературная: векторы творческого преобразования: монография / отв. ред. О. А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 322–332.

¹⁴ Богданова О. А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология. М., 2019. С. 17.

¹⁵ Ловелл С. Дачный текст в русской культуре // Вопросы литературы. 2003. № 3. С. 34–73.

¹⁶ Щепеткова И. А., Зырянова И. А. Дачная рекреация: история, организация и возможности использования в туризме // География и туризм: сб. науч. тр. Пермь, 2014. Вып. 13. С. 22.

¹⁷ Ловелл С. Дачники. История летнего житья в России. 1710–2000 / пер. с англ. Л. Г. Семенов. СПб., 2008. С. 37.

¹⁸ Малинова-Тзиафета О. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб., 2013. С. 27–63.

Дачный ренессанс в новых экономических и политических условиях транслировался уже вполне рабочим образом, созданным в раннюю чеховскую эпоху средствами журналистского и рекламного контента. Дарья Пащенко отмечает, что специфические журналы о дачной жизни не выдерживали одного сезона¹⁹. Вопрос журнального и рекламного контента частично отражен в статье А. В. Белова «Культура дачного отдыха в окрестностях Москвы (вторая половина XIX – начало XX в.)»²⁰. Именно в это время формируются аксиологическая и рекреационная функции дачного мира²¹. Любопытным и, на наш взгляд, почти не затронутым научным вниманием источником для реконструирования дачного топоса в пореформенной России представляется используемый предпринимателями рекламный контент с целью привлечения дачников.

Анализ источников. В качестве источников были исследованы материалы двух периодических изданий с 1880 по 1916 г.: «Петербургского листка» и «Московского листка». Похожие в целом по концепции и структуре, представшие столичную прессу двух разных городских пространств, эти газеты аккумулировали и формировали тенденции повседневности с их уникальностью и сезонностью.

Пресса периода консервативного правления Александра III, наряду с подробностями дипломатической, экономической и светской жизни, уделяла внимание и вопросам спортивного развития, индивидуального досуга и семейного отдыха, проблемам развития детей, детским играм и пр. Именно в это время набирает популярность досуг на природе, за пределами столичной агломерации. Выезжали под Петербург, в Финляндию, на побережье Крыма, в Подмосковье. Творческая и научная интеллигенция, инженерно-технические работники и разрастающийся слой служащих стремились перебраться в летние месяцы на дачу (что стало подражанием традиционной дворянской усадьбе и отчасти ее заменой). Так, в одном из газетных объявлений уже с апреля предлагали «особе, желающей провести спокойно и приятно лето», снять комнату в имении за 25 р. в месяц со столом и прислугой у немолодой дамы²². Объявление магазина игрушек и учебных пособий на Михайловской улице информировало, что в продаже появились «разные садовые игры и заграничные»²³. Московский магазин на Невском проспекте оповещал о продаже тканей для дачных платьев²⁴. Дачный отдых обретал популярность: в столице даже появилось первое квартирное бюро, обещавшее

¹⁹ Пащенко Дарья. Дачная жизнь Российской империи // Дилетант. 03.02.2024. URL: <https://diletant.media/articles/45369561/?ysclid=mqrthun31989686700> (дата обращения: 25.05.2026).

²⁰ Белов А. В. Культура дачного отдыха в окрестностях Москвы (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник славянских культур. 2014. № 1 (31). С. 22.

²¹ Быховская И. М., Люевич И. Ю. Аксиология телесности и здоровья: вертикали и горизонталь сравнительно-культурного анализа // Международный журнал исследований культуры. 2018. № 4 (33). С. 208–223.

²² Петербургский листок. 1880. 23 апреля (5 мая). № 76. С. 3.

²³ Там же. 26 апреля (8 мая). № 78. С. 3.

²⁴ Там же. 13 (25 мая). № 90. С. 3.

бесплатные публикации объявлений для сдачи в аренду «дачи с мебелью и без оной» бесплатно²⁵.

Длительный отдых довольно многочисленной публики требовал особой организации жизненного пространства и соответствующей мебелировки. Переезды с кроватями и прочим скарбом, необходимым для комфорта всех членов многочисленных семейств, были утомительны, так как в конце лета все вещи надо было вернуть обратно в зимнюю столичную квартиру. Конечно, дача подразумевала водную среду (речную или морскую), водные процедуры, плавание, рыбную ловлю, лодочные прогулки. Возможно, сказывалось влияние образов литературы натуралистов и сельских пейзажей в живописных произведениях, поэтому коммерсанты отреагировали появлением предложений о продаже множества предметов мебели и техники, приспособлений для обустройства дачного отдыха, как это делал, например, торговый дом И. А. Кумберга. Уникальное торговое предложение называлось «Полное приданое для дач»²⁶. Дача выступала в качестве невесты на выданье, которую следовало принарядить. Продавец предлагал керосиновые печи и кухни, фарфор и хрусталь, графины для воды и мороженицы, шторы и жалюзи, а также гамаки и гимнастические снаряды для взрослых и детей. Всего 217 предметов за 146 р. Другое объявление гласило о продаже крокетных наборов по цене от 2 р. 75 к. Санкт-Петербургская мастерская учебных пособий и игр уведомляла о большом выборе подвижных игр и забав на воздухе для детей и взрослых (от сбора гербария до опасных «гигантских шагов») с особым пометкой «На лето». Торговый дом Петрова, располагавшийся на Невском проспекте, рекомендовал приобрести шведскую дачную мебель²⁷. Фирма Блигкен и Робинсон соблазняла отъезжающих на дачу не забыть захватить с собой какао, шоколад, пастилы в «специально приготовленных для дороги ящиках». Аппарат для варки прилагался бесплатно при покупке 10 фунтов какао²⁸.

Объявления о сдаче в аренду и продаже дач печатаются в газетах все увеличивающимся количеством с мая по июнь, потом число объявлений идет на спад. Для привлечения отдыхающих в качестве достоинства дачи могут указываться маленький сад, бани, купальни на озере, балкон, наличие мебели и посуды. Привлекательность подчеркивается здоровой живописной местностью, удобным проездом, солнечной стороной и порой наличием доктора.

Дачная жизнь обращала на себя внимание курьезами и происшествиями. Газетные колонки вроде «Дачной жизни» в «Петербургском листке» предавали огласке, как казалось, анекдотичные случаи. В них были намеки на социальное неравенство дачных мест («для булочников и трубочистов») и порицалось поведение «нищих» велосипедистов, не оставляющих чаевые за свой обед в приличном дачном ресторане²⁹.

²⁵ Петербургский листок. 1880. 13 (25 мая). № 90. С. 3.

²⁶ Там же. 1888. 14 (26) мая. № 130. С. 4.

²⁷ Там же. 1890. 17 мая (29). № 133. С. 4.

²⁸ Там же. 1888. 14 (26) мая. № 130. С. 4.

²⁹ Там же. С. 2.

Дачницам и дачной романтике посвящались сатирические предупреждающие стихотворения, напоминающие об опасности слишком легкого поведения на отдыхе:

Сохранить ли захотите
Тишину весенних дней,
То на дачу не зовите
Слишком ветреных людей.
И тогда-то вы поймете,
Что я пел вперед смотря,
И спокойно проведете
Лето вплоть до Октября!³⁰

В конце 80-х гг. XIX в. дачный отдых стал настолько устоявшейся традицией, что редакция газеты «Петербургский листок» сообщала подписчикам, что ввиду переезда последних на дачи она готова осуществлять доставку прессы непосредственно по новым адресам, если только они будут вовремя предоставлены³¹. Дачный сезон подтягивал репетиторов для занятий во время летнего отдыха. Авторами таких объявлений становились студенты, как правило последних курсов, знающие языки.

Дачному образу жизни был свойственен оттенок маргинальности и скандальности. На дачах происходили кражи и грабежи. И хотя владельцы дач привлекали к дежурству дворников и сторожей, последние, по мнению отдыхающих, не исполняли обязанности с должным рвением. А движимое личное имущество часто не делилось на дачное и городское, а просто перевозилось в зависимости от сезона. Кража имущества дачников наносила их комфорту и материальному благополучию ощутимый урон³².

В дачном поселке Юкки Парголового района под Санкт-Петербургом с июня устраивались семейные танцевальные вечера на открытом воздухе (по подписке между дачниками соседних местностей). Организовывались для дачников в Шуваловском парке Парголово костюмированные вечера с благотворительными целями. Способом привлечения публики на эти вечера могли быть состязания велосипедисток-любительниц на призы. Женщина в качестве велосипедистки-спортсменки в это время — довольно скандальный элемент на фоне дачной повседневности. Она с трудом пробивала себе дорогу к возможности использовать велосипед, а также носить костюм со специальной юбкой, «которая делается кругом в складках, внизу 7 см шириной» (модель позже вошла даже в самоучитель по кройке платья Р. Долинского)³³.

³⁰ Петербургский листок. 1888. 14 (26) мая. № 130. С. 3.

³¹ Там же. 23 мая (4 июня). № 139. С. 1.

³² Там же. С. 2.

³³ Долинский Р. Э. Самоучитель кройки статского, военного, гражданского, детского платья; платья для духовенства, спорт-костюмы для дам и кройка белья (мужского, женского и детского), по новейшей методе, (по масштабу и сантиметру). Юрьев, 1906. С 179–180.

Многие дачники-неофиты полагали, что жизнь в деревне будет намного экономнее, что и было причиной для аренды дачи. На деле оказывалось, что в некоторых дачных местностях жизнь обходилась чуть ли не втрое дороже, чем в столице. Навязчивые музыканты в качестве откупа требовали денег. Дачникам вообще приходилось платить за все подряд: аренда дома, покупка и доставка продуктов, получение услуг прачек, нянек, дворников и прочее. Местное население пользовалось этим. Вот сатирический стих газетной рубрики «Из альбома дачников»:

«Пожалуйста, барин, на чай» — это слышу
От дворника всякий денек.
За стены гнилые, прозрачную крышу,
За тощие клумбы — подай на чаек.
И мной овладели нелепые грезы,
Взглянул я в окно невзначай,
Мне ветви свои протянули березы —
Ну, думаю, просят на чай!³⁴

Если в 1880-х гг. стоимость аренды дачи составляла от 30 до 70 р. («весьма дешево») в месяц за стандартное предложение в несколько комнат с мебелью и/или садом, то в начале XX в. владельцы дач в Павловске или Тверской области запрашивали цену за аренду от нескольких сотен до нескольких тысяч рублей за летний сезон³⁵.

Но и отдыхающие стали более состоятельными. Например, дачники станции Всеволожской Ириновской железной дороги в XX в. уже могли себе позволить требовать в объявлении не только пианино, но и детский велосипед, а в самом поселке был не только театр, но и кегельбан³⁶. В это же время прокат роялей для дачи предлагался в пределах 20 руб., как гласило объявление «Петербургского листка» еще в 1894 году³⁷. Предложения объявлений отвечали на запросы и возможности читателей, в том числе и устанавливаемым уровнем цен.

Отличался ли рекламный контент московской прессы от петербургской?

«Московский листок», так же как и петербургская газета, давал объявления дачной тематики. Это была аренда и продажа дачных домов, участков, предложения торговых домов о продаже мебели, сухих продуктов в виде концентратов, подвижных игр для детей и взрослых. Но сам формат и объем объявлений отличались от лаконичного стиля петербургской прессы. В атмосфере Москвы допускались обширные уточнения выгод и привлекательности товара и услуг. Так выглядят рекламные предложения для дачного отдыха суповых плиток Кнорра («Перед тем как выехать на дачу», с вариациями супов: гороховый,

³⁴ Петербургский листок. 1888. 23 мая (4 июня). № 139. С. 3.

³⁵ Там же. 1916. 2 июня (15 июня). № 149. С. 16; № 155. 8 июня (21 июня). С. 6.

³⁶ Столбова Н. П. Охта. Старейшая окраина Санкт-Петербурга. М., 2008. С. 141–143.

³⁷ Петербургский листок. 1894. № 130. 14 мая (26 мая). С. 4.

картофельный, бобовый, рисовый, раковый и пр.), а также лучшего питания из овсяной муки для детей той же фирмы³⁸.

Дачные объявления предлагали покупку/аренду подмосковных дач (включая в том числе и территории современных районов: Преображенского, Черкизовского и Измайловского, Косино) следующих характеристик: наличие нескольких комнат, с печным отоплением, теплые, меблированные, со всеми удобствами, погребам, в здоровой сухой живописной местности, при речке, при дачах парк и купанье.

Кустарный музей Московского губернского земства у Никитских ворот информировал покупателей о продаже плетеной дачной мебели, «заготовленной по новейшим заграничным моделям». Кроме того, предлагался большой ассортимент разных принадлежностей для дачного отдыха: крокеты, летние игры, дачные кровати, гамаки, умывальники, дорожные корзины. Универсальный магазин «Мюр и Мерилиз» предлагал как необходимость для дач очень выгодный универсальный прибор для нагревания ванн, воды и выпарки посуды и белья. Особо оговаривалась продажа кроватей, матрасов, переносных печей и плит³⁹.

Так как дача часто ассоциировалась с музицированием и была наполнена поэтической, романсово-музыкальной атмосферой, то объявления о прокате роялей были характерны и для московского рекламного рынка. Для дач предлагались рояли фирмы Германа и Гроссмана с доставкой по умеренной цене, каталог выдавался бесплатно. Магазин А. Триака в Столешниковом переулке списком оповещал о наличии в продаже летних игр, среди которых: серсо и свайка, лаун-теннис и крокет/крикет, волан и лапта, гигантские шаги, качели, гамаки, рыболовные принадлежности, все для гимнастики, конечно же, «лучшей работы и на всевозможные цены»⁴⁰. Магазин А. Александрова из Верхних торговых рядов, универсальный магазин Е. и А. Флегонтовых на Кузнецком мосту и магазин И. Глазунова в том же Столешниковом переулке сообщал о наличии и у них вышеописанного набора⁴¹. Последний — с прибавлением воздушных змеев и шаров, фонарей для иллюминации, детских велосипедов и колясок. Продавались товары как иностранного производства (американские, английские, японские и французские), так и собственной мастерской. А самым визуально выделяющимся объявлением стало краткое сообщение владельца магазина П. Ф. Шувалова, продававшего весь известный ассортимент для дач «Дешевле всех!», тогда как Флегонтовы продавали всего лишь «по дешевым ценам с громадной скидкой», снабдив объявление рисунком приставной лестницы. Рисованные образы товаров или фотографии вообще использовали редко. Такие изображения занимали много места и были нечеткими после печати. Но так часто рекламировались велосипеды, рояли, ножи, что даже в небольшом

³⁸ Московский листок. 1902. 19 мая. № 138. С. 6.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 5.

⁴¹ Там же. 1910. 27 мая. № 120; Там же. 1902. 1 июня. № 151. С. 4.

формате эти предметы имели легко считываемые, узнаваемые абрисы. В 1913 г. главным триггером в обращении с потребителем торгового дома А. Александрова стало слово «экономно»⁴². В 1914 и 1915 гг. этот магазин рекламирует дрезденские комнатные ледники, «незаменимую для дач» и легкую и прочную плетеную мебель, именовавшуюся американками⁴³.

Было бы прекрасно думать о дачном досуге как о действительно здоровом подвижном отдыхе. Но так было не всегда и не везде в дачных местах. Таким увидел малаховских дачников Подмосковья фельетонист «Московского листка» под псевдонимом Не-дачник в мае 1914 г. Дачник на страницах газеты предстал в образе сноба, считавшего себя лучшей, даже не дачной персоной, а курортной креатурой, а Малаховку — курортом европейского уровня («все дачники вокруг — мизерабли»). Житель Малаховки считал это дачное место лучшим по причине наличия театра и труппы, скетинг-ринка, водопровода, мощеных улиц, всевозможных магазинов, модного общества, щеголявшего туалетами на променадах. Дама с утра, как подчеркивал фельетонист, «уже в корсете, в изящном туалете, тщательно причесана, напудрена и благоухает, как парфюмерный склад». И это с целью поразить всех вечером и сравнить себя с другими дамами, а для отдыха и дня — ничего. Особенно несчастными показались автору фельетона малаховские дети, которых он видел жалкими существами, не знающими радостей лета с неизменным гамаком в своем пыльном саду⁴⁴. Сарказм автора заметки указывал на то, что выезд на дачу, как на «лоно» природы, прикрывал истинное стремление городских обитателей (дачников) максимально к привычному комфорту, не хуже, чем в городе. Подмечалось восприятие дачной жизни как модной тенденции со всеми вытекающими вариациями. Надо заметить, что цена аренды дачи в Малаховке составляла 200–225 р., судя по предложениям в объявлениях, что было гораздо дешевле дач в окрестностях Санкт-Петербурга⁴⁵.

Дачный досуг старались разнообразить и популяризировать разными способами. Московское отделение фабрики велосипедов А. Лейтнера и К° имело честь предложить к летнему сезону не только велосипеды для катания и гонок, но и принадлежности для летних подвижных игр лучших зарубежных фирм⁴⁶. Одним словом, московским магазинам было непросто выделиться текстом среди конкурентов. Для этого в ход шли чисто графические шрифтовые инструменты. Вербальный контент мало отличал одно объявление от другого. Разве что предложения по аренде дач стали использовать эпитет «барская», что для Санкт-Петербурга не было характерно⁴⁷. Таким образом, например, сдавалась дача Рабинок в Пушкино; добавлялось, что это особняк в живописной местности, к тому же меблированный. Использовалось также именование «барское

⁴² Московский листок 1913. 4 июня. № 127. С. 1.

⁴³ Там же. 1914. 31 мая. № 124.

⁴⁴ Там же. 18 мая. № 113. С. 5.

⁴⁵ Там же. 1902. № 138, 19 мая. С. 6.

⁴⁶ Там же. 1913. 16 мая. № 112. С. 6.

⁴⁷ Там же. 1904. 31 августа. № 243. С. 4.

именье-дача». Цена аренды дач по Курскому направлению составляла от 75 до 250 р. в имении С. Холостова, с хорошим купаньем, молоком и лошадьё⁴⁸.

Магазин С. М. Элиашева, присоединившись к дачному потоку объявлений, снабдил свой призыв картинкой уютно устроившейся в кровати барышни⁴⁹. Объявления привлекали «величайшим» выбором, доступностью цен, иллюстрированным прейскурантом по требованию, уникальностью — «единственный фабричный склад изделий Варшавской фабрики братьев Фрумкиных». Надо сказать, что изделия этой фабрики сами по себе представляли произведение мебельного искусства, были широко известны в России.

Конечно, дача и чистота одежды сложно сопоставимые вещи. Главам семейств приходилось запасаться средствами для удаления пятен и стирки. На помощь женщине-дачнице приходили слуги и фирмы, производящие мыло и стиральные порошки. Например, как сообщал «Московский листок», везде в продаже можно было найти мыло-диспозе химического завода Н. П. Виноградова. Как обещало объявление, мыло разводилось в теплой воде без осадка, сэкономило энергию и усилия в три раза лучше обычного⁵⁰.

Страсть к дачам и коммерческой авантюре охватила российское общество. Даже в имениях графов Глебовых-Стрешневых и князей Голицыных имелись участки для сдачи в аренду⁵¹. Цены варьировались в зависимости от удаленности от Москвы. В Быково, Реутове, Кусково также можно было снять дачу за 400 р. (имение Чиждова Николаевской ж/д, ст. Подсолнечная), а чем дальше от Москвы, тем дешевле. Напомним, что дачи в Малаховке в пять комнат сдавались за 200 р., в шесть комнат — за 225 р., а 5 комнат дачи в имении Макуришино около станции Колод Московско-Брестского направления сдавались уже за 100 р.⁵².

Заключение. Во второй половине XIX в. у большинства населения Российской империи, несмотря на промышленный подъем и ускорение процесса урбанизации (а может как раз благодаря им), существовало устойчивое желание соприкоснуться с землей и природой. В этом выражалась также «усадебная» установка (романтика и поэтика античного мифа) о слиянии с природой, движении, флирте, игре. Дачи удовлетворяли этот запрос хотя бы с точки зрения простора для движения и отсутствия препятствий для глаз в виде каменных оград. В то же время у нарождающегося среднего класса не хватало средств, чтобы заполучить такой вид отдыха в туристическом путешествии, который был насыщен развлечениями, комфортом, но не был слишком обременителен финансово. Семьям для дачного отдыха требовалось продумать и перевезти из городских квартир множество бытовых мелочей. Но дача могла сдаваться

⁴⁸ Московский листок. 1902. 19 мая. № 138. С. 6.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. 31 мая. № 90. С. 4.

обставленной, мебелированной, с удобствами и обслуживанием. Это подкупало снижением забот как отцов семейств, так и холостяков. Заграничный или внутренний туризм с развитым гостиничным сервисом не стал массовым явлением и альтернативой дачному отдыху.

Дача как новый формат досуга и отдыха стала ответом на запросы интеллигенции. Формировался габитарный образ дачной жизни не только в плане общественной моды, но и в контексте коммерции, ремесел (тот самый дачный промысел в широком ключе). Организация дачного отдыха представляла собой очевидный сектор приложения сил торгового и промышленного капитала, дала почву для создания привычного уклада жизни горожан в новых условиях дачной природы, сезонного и всесезонного (зимогоры) загородного типа. При этом дачник желал получить не только все, что и в городе (как, например, жители Малаховки), но даже больше — продуктов, товаров, движения, свободы, безопасности, развлечений и игр в пределах городской привычной черты, что увеличивало рекламные объемы в прессе.

Литература

1. Белов А. В. Культура дачного отдыха в окрестностях Москвы (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник славянских культур. 2014. № 1 (31). С. 18–29.
2. Богданова О. А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 286 с.
3. Бородина С., Гарипов Н. «Пространство мира и покоя...». Дачная функция русской усадьбы // Мир искусств: Вестник Международного института антиквариата. 2014. № 2 (6). С. 104–111.
4. Быховская И. М. Спорт в отечественной художественной интерпретации: культурный взгляд на мотивы и нарративы // Художественная культура. 2024. № 4 (51). С. 70–99. <https://doi.org/10.51678/2226-072-2024-4-70-99>
5. Быховская И. М., Люлевич И. Ю. Аксиология телесности и здоровья: вертикали и горизонталы сравнительно-культурного анализа // Международный журнал исследований культуры. 2018. № 4 (33). С. 208–223.
6. Веселкова Е. А. Дачное движение как маркер модернизации. Исторический опыт и проблемы сегодняшнего дня // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 3 (107). С. 39–51. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-39-51>
7. Злочевский Г. Д. Русская усадьба. Историко-библиографический обзор литературы (1787–1992). М.: Институт Наследия, 2003. 464 с.
8. Ловелл С. Дачники: история летнего житья в России. 1710–2000 / пер. с англ. Л. Г. Семеновой. СПб.: Академический проект; Изд-во ДНК, 2008. 348 с.
9. Ловелл С. Дачный текст в русской культуре XIX века // Вопросы литературы. 2003. № 3. С. 34–73.
10. Малинова О. Ю. Социокультурные факторы формирования дачного пространства вокруг Санкт-Петербурга: 1870–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 265 с.
11. Малинова-Тзиафета О. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 336 с.

12. Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность России / под ред. Т. Г. Неведовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.
13. Столбова Н. П. Охта. Старейшая окраина Санкт-Петербурга. М.: Центрполиграф, 2008. 432 с.
14. Строганова Е. Н. Дачные сюжеты в женской прозе рубежа XIX–XX вв. // Усадьба реальная — усадьба литературная: векторы творческого преобразования: монография / отв. ред. О. А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 384 с. С. 322–332.
15. Трейвиш А. И. «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2014. № 4. С. 22–32.
16. Щепеткова И. А., Зырянова И. А. Дачная рекреация: история, организация и возможности использования в туризме // География и туризм: сб. научных трудов. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2014. Вып. 13. С. 20–26.

References

1. Belov A. V. Country cottage and culture of summer holidays in the 19th–20th centuries in Moscow province // Bulletin of Slavic Cultures. 2014. № 1 (31). P. 18–29. (In Russ.).
2. Bogdanova O. A. Manor and cottage in Russian literature of the 19th–20th centuries: topics, dynamics, mythology. Moscow: IMLI RAS, 2019. 286 p. (In Russ.).
3. Borodina S., Garipov N. “The space of peace and quiet...”. The country function of the Russian estate // World of Arts: Bulletin of the International Institute of Antiques. 2014. № 2 (6). P. 104–111. (In Russ.).
4. Bykhovskaya I. M. Sports in the Soviet artistic interpretation: A culturological view on motives and narratives // Art & Culture Studies. 2024. № 4. P. 70–99. <https://doi.org/10.51678/2226-072-2024-4-70-99> (In Russ.).
5. Bykhovskaya I. M., Lyulevich I. Yu. Axiology of human body and health: Verticals and horizontals of cross-cultural analysis // International Journal of Cultural Research. 2018. № 4 (33). P. 208–223. (In Russ.).
6. Veselkova E. A. Dacha movement as a marker of modernization. Historical experience and problems of today // The Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2022. № 3 (107). P. 39–51. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-39-51> (In Russ.).
7. Zlochevsky G. D. The Russian estate: A historical-bibliographical survey of the literature (1787–1992). Moscow: Heritage Institute, 2003. 464 p. (In Russ.).
8. Lovell S. Summerfolk: A history of the dacha. 1710–2000 / translated from English by L. G. Semyonova. St. Petersburg: Academic project; DNA Publishing House, 2008. 348 p. (In Russ.).
9. Lovell S. Dacha text in 19th century Russian culture // Literature Issues. 2003. № 3. P. 34–73. (In Russ.).
10. Malinova O. Yu. Sociocultural factors in the formation of the dacha landscape around St. Petersburg: 1870–1914: Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. St. Petersburg, 2006. 265 p. (In Russ.).
11. Malinova-Tziafeta O. From the city to the country: socio-cultural factors of the development of the suburban area around St. Petersburg (1860–1914). St. Petersburg: Publishing House of Europe University, 2013. 336 p. (In Russ.).
12. Between home... and home: Circular spatial mobility in Russia / ed. by T. G. Nefedova, K. V. Averkieva, A. G. Makhrova. Moscow: Novy Khronograf, 2016. 504 p. (In Russ.).

13. Stolbova N. P. Okhta. The oldest suburb of Saint Petersburg. Moscow: Tsentrpoligraf, 2008. 432 p. (In Russ.).
14. Stroganova E. N. Dacha stories in women's prose at the turn of the 19th and 20th centuries // Estate real — estate literary: Vectors of creative transformation / ed. by O. A. Bogdanova. Moscow: IMLI RAS, 2021. P. 322–332. (In Russ.).
15. Treivish A. I. "Dacha Studies" as a science on second home in the West and in Russia // Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya. 2014. № 4. P. 22–32. (In Russ.).
16. Shchepetkova I. A., Zyryanova I. A. Dacha recreation: history, organization and possibilities of use in tourism // Geography and tourism: collection of scientific papers. Perm: Perm State National Research University, 2014. Issue 13. P. 20–26. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94(47).083

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-262-34-52

Орлов Максим Александрович

кандидат исторических наук

«Петербургский лицей»

Киров, Россия

orlov.m.a.87@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4663-9443

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
В ОТНОШЕНИИ ИОАННИТОВ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

Аннотация. Статья посвящена изучению государственной политики в отношении религиозного движения, получившего название «иоанниты». Данная религиозная группа сформировалась в недрах Русской православной церкви. Ее специфической особенностью был культ протоиерея Иоанна Кронштадтского. Поставлена цель проследить отношение государственной власти к иоаннитам. В статье проанализированы причины государственного преследования иоаннитов, деятельность правительственных структур по защите гражданских прав в связи с мошеннической деятельностью иоаннитов. Особое внимание уделяется степени их политической лояльности. В ходе исследования выявлены особенности конфессиональной политики в отношении новой религиозной группы в Российской империи.

Ключевые слова: святой Иоанн Кронштадтский, иоанниты, веротерпимость, указ 17 апреля 1905 г., Русская православная церковь, Российская империя.

Для цитирования: Орлов М. А. Государственная политика в отношении иоаннитов в конце XIX – начале XX в. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2026. № 2 (62). С. 34–52. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-262-34-52>

Original article

UDC 94(47).083

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-262-34-52

Orlov Maxim A.

Candidate of Historical Sciences

“Petersburg Lyceum”

Kirov, Russia

orlov.m.a.87@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4663-9443

**STATE POLICY TOWARDS THE JOHANNITES
IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES**

Abstract. The article is devoted to the study of state policy in relation to the religious movement, called the “Johannites”. This religious group was formed in the depths of the Church. Its specific feature was the cult of Archpriest John of Kronstadt. The aim is to trace the attitude of the state authorities towards the Johannites. In this article, the author analyzes the reasons for the state persecution of the Johannites, the activities of government structures to protect civil rights in connection with the fraudulent activities of the Johannites. Special attention is paid to the degree of political loyalty of the Johannites. New sources are being introduced into scientific circulation, allowing us to examine the state policy of the Russian Empire in relation to the Johannites from various angles. In the course of the research, the author identified the peculiarities of confessional policy towards a new religious group in the Russian Empire.

Keywords: Saint John of Kronstadt, Johannites, religious tolerance, decree of April 17, 1905, Russian Orthodox Church, Russian Empire.

For citation: Orlov M. A. State policy towards the Johannites in the late 19th – early 20th centuries // MCU Journal of Historical Studies. 2026. № 2 (62). P. 34–52. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-262-34-52>

Введение. В статье поставлена цель проследить государственную политику в отношении иоаннитов. Данная тема приобретает особый интерес в свете формирования в постсоветской России свободы совести. После падения Советского государства в нашей стране в массовом порядке стали появляться новые религиозные общины, осуществлявшие крупную миссионерскую деятельность. Особенно остро этот вопрос встал в 1990-е гг., когда из разных стран в Российскую Федерацию хлынул поток религиозных пропагандистов, которым удавалось завербовать в свои общины не только взрослых людей, но и несовершеннолетних. Зачастую дети подвергались гипнозу, бросали учебу, своих родителей, становились, как выразилась одна жительница Москвы, зомби¹. Новые религиозные, а точнее, квазирелигиозные группы получили название «тоталитарные секты». Исследователь

¹ Центральный государственный архив Кировской области (далее — ЦГА КО). Ф. Р-2169. Оп. 45. Д. 1. Л. 28.

конфессиональной политики в Российской империи А. А. Машковцев сопоставил деятельность иоаннитов в начале XX в. с тоталитарными сектами постсоветской России на том основании, что и тех и других объединяла деятельность по вербовке людей, религиозная нетерпимость и подавление у людей воли². Такое сопоставление требует комментария. Схожими в данном случае являются характер пропагандистской деятельности, вербовка людей, выманивание денег. При этом стоит учитывать, что термин «тоталитарные секты» используется для характеристики современных деструктивных религиозных объединений, которые объявляются опасными для общества и государства. Однако иоанниты при всем их сходстве с тоталитарными сектами считали себя православными людьми, которые верой служат монарху и существующему государственному строю. И тем не менее их деятельность в начале XX в. создавала для государства и общества серьезные проблемы.

Историография и источники. Историографию вопроса государственной политики в отношении иоаннитов можно поделить на три периода: первый — с 1900-х гг. XIX в. до 1917 г.; второй — с 1917 г. до начала 1990-х гг.; третий — с 1990-х гг. по настоящее время. На первом этапе работы носили в основном публицистический характер. Преобладающей была отрицательная оценка иоаннитов. Авторы обращали внимание на особенности религиозного учения иоаннитов, соответствие их мировоззрения православному вероучению³. Исключением является работа миссионера Дмитрия Боголюбова «О так называемых иоаннитах в русском народе», в которой впервые предпринята попытка взвешенной оценки учения и деятельности иоаннитов. Однако в указанном исследовании почти не уделено внимание государственной политике в отношении иоаннитов. Только в одном месте автор говорит, что иоанниты по своему политическому учению являются строгими монархистами, которые не приносили государству никакого вреда⁴.

Второй этап в силу своей специфики не привнес значительного вклада в историографию проблемы. Как и прежде, в трудах, где упоминались иоанниты, преобладал оценочный взгляд на секту. Иоанниты в советской литературе рассматривались как темные сектанты и черносотенцы. В агитационных работах почти не был задействован архивный материал⁵. В целом

² Машковцев А. А. Секта иоаннитов в Вятской губернии в начале XX в. // Актуальные проблемы истории: сб. статей. Киров, 1998. С. 20.

³ Буткевич Т. И. Обзор русских сект и их толков. Харьков, 1910. С. 156–162; Жертвы иоаннитов // Вятская речь. 1909. № 213. С. 3; Диакон Алексей, свящ. Беседа епархиального миссионера с иоаннитами о браке (19 декабря 1910 г. в г. Уфе) // Уфимские епархиальные ведомости. 1911. № 1–2. С. 13–18; Маргаритов С. История русских мистических и рационалистических сект. Симферополь, 1910. С. 78–79; Судебно-церковная романтическая драма // Вятская жизнь. 1905. № 2. С. 4.

⁴ Боголюбов Д. И. О так называемых иоаннитах в русском народе: очерк. СПб., 1909. С. 28.

⁵ Путинцев Ф. М. Кулацкое светопреставление: (случаи помешательства и массового религиозного психоза на почве кулацко-провокационных слухов о «конце света») / Центральный

в советской историографии иоанниты выпали из поля зрения исследователей: даже в крупных работах советского времени сведения о них отсутствуют. А. И. Клибанов в исследовании о русском сектантстве фокусирует внимание только на христоверии, молоканстве, баптизме, адвентизме⁶. Показательно, что в наиболее полной работе по русской церковной истории «Русское православие: вехи истории» в разделе, посвященном истории Русской церкви на рубеже XIX–XX в. нет упоминания об иоаннитах. Говоря о миссионерском съезде в Киеве, состоявшемся в 1908 г., авторы даже не указали на то, что во время этого съезда иоанниты были причислены к сектантам⁷.

Значительные изменения произошли в постсоветской историографии. Появляются исследования, в которых в научный оборот вводятся ранее неизвестные архивные документы. Новшеством современной историографии является постановка вопроса о роли государства в регулировании движения иоаннитов. В работе А. А. Машковцева главное внимание уделяется позиции вятской губернской администрации в борьбе с иоаннитами⁸. Тем не менее в большинстве работ о них, как и в дореволюционной историографии, главный акцент ставится на религиозном учении иоаннитов⁹. Интересными являются труды, в которых исследователи рассматривают восприятие иоаннитами Иоанна Кронштадтского¹⁰. На их фоне выделяется монография американской исследовательницы Н. Б. Киценко «Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ». В ней в научный оборот введены материалы центральных архивов России, сделаны значимые выводы о роли полиции в борьбе с иоаннитами¹¹. При всей значимости монографии Н. Б. Киценко, необходимо отметить, что в ней не представлены документы местных архивов. Главное внимание уделено политике центральных органов государственной власти по отношению к иоаннитам.

совет Союза воинствующих безбожников СССР. М., 1930. С. 24–25; *Фёдоровский С.* Кто они, авторы «святых» писем? // Блокнот агитатора. Киров, 1982. № 16. С. 15–19.

⁶ *Клибанов А. И.* История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М., 1965. 348 с.

⁷ *Смирнов Н. А.* Миссионерская деятельность церкви (вторая половина XIX – 1917 г.) // Русское православие: вехи истории / науч. ред. А. И. Клибанов. М., 1989. С. 438–462.

⁸ *Машковцев А. А.* Указ. соч. С. 20–30.

⁹ *Зарембо Н. Г.* Русская православная церковь и движение иоаннитов в Санкт-Петербурге (1890–1900 гг.) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 2. С. 39–43; *Зими́на Н. П.* К вопросу об иоаннитском движении в Русской Православной Церкви и возникновении в конце 1920-х гг. катакомбного течения «архиепископа» Агафангела (Садовского) // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2010. Вып. 4 (37). С. 28–54.

¹⁰ *Фирсов С. Л.* Мифологизация памяти. Святой праведный Иоанн Кронштадтский и проблема «иоаннитства» (К истории журнала «Кронштадтский маяк»: 1906–1912 гг.) // Церковь и время. 2024. Т. CVIII. № 4. С. 87–156; *Виталий (Уткин), игумен.* «Иоаннитство» как интерпретационный миф: политика, СМИ и Церковь // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 143–159.

¹¹ *Киценко Н. Б.* Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М., 2006. С. 246–279.

Таким образом, в литературе отсутствует комплексное исследование, посвященное государственной политике в отношении иоаннитов на рубеже XIX–XX вв., что делает актуальным предлагаемое исследование.

Появление иоаннитов. Религиозное движение, получившее название «иоанниты», сформировалось в России на рубеже XIX–XX вв. Необыкновенная пастырская деятельность протоиерея Кронштадтского Андреевского собора о. Иоанна Сергиева привлекала к нему людей всех сословий и даже представителей разных вероисповеданий. После публикации «Благодарственного заявления» в газете «Новое время» от 20 декабря 1883 г. о. Иоанн стал известным на всю Россию. В заявлении безымянные авторы утверждали, что получили избавление от болезней только после молитв о. Иоанна Сергиева. Медицина, по их словам, оказалась неспособной излечить их от телесных недугов. Исцеление пришло в результате молитв о. Иоанна Сергиева¹². После этой публикации на имя Иоанна Кронштадтского люди из разных частей России стали посылать письма с просьбой оказать молитвенную помощь, надеясь получить избавление от болезней и различных жизненных трудностей¹³. Некоторые констатировали, что получили исцеление от физических недугов. Вот что пишет одна женщина: «Ангелоподобный и дорогой наш Батюшка Отец Иоанн. Пишу Вам и вспоминаю вечер 10-го августа 1889 г., когда Господь сподобил нас Вашего посещения... и по Вашей святой молитве прекратились страдания моей больной руки»¹⁴.

Важно понимать, что содержание этих писем становилось известным не только о. Иоанну, но и знакомым тех людей, которые получали исцеление. Между людьми распространялись так называемые «письма счастья», в которых были записаны особые молитвы, которые нужно было прочитать несколько раз, чтобы получить желаемое. Эти письма с молитвами связывались с Иоанном Кронштадтским. Со временем сформировался круг его почитателей, которые вошли в историю как иоанниты. Это собирательное понятие, включающее в себя разные категории верующих от благочестивых почитателей Иоанна Кронштадтского до сектантов, в своем исповедании приближавшихся к мистическим хлыстам.

Для государственной власти появление иоаннитов означало постановку новых задач в проведении конфессиональной политики. Прежде всего, необходимо было выяснить, являются иоанниты сектантами, распространяющими среди населения неправославное учение, или же иоаннитство есть особая форма народного благочестия. По мере увеличения иоаннитских общин до властей стали доходить факты мошенничества, передачи денег в религиозные общины иоаннитов. Это требовало от светской власти осуществления следственной

¹² Михаил (Семенов), иеромонах. Отец Иоанн Ильич Сергиев (полная биография с иллюстрациями). СПб., 1903. С. 74–75.

¹³ Государственный музей истории религии (далее — ГМИР). Ф. 38. Оп. 1. Д. 24. Л. 7, 14, 17.

¹⁴ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 2219. Оп. 1. Д. 14 а. Ч. 2. Л. 232–232 об.

деятельности в их отношении. Еще одной задачей для власти являлось решение вопроса о детских приютах и религиозных общинах иоаннитов, в которые попадали люди (часто несовершеннолетние) в результате пропаганды иоаннитов. Наконец, светская власть должна была выявить степень политической лояльности иоаннитов к существующему государственному строю империи.

Государственная власть и иоанниты до 1905 г. В первое время государственная власть мало обращала внимание на новое религиозное движение. Сбор информации об иоаннитах осуществлялся в основном духовенством. В 1890-е гг. в разных местах Российской империи приходское духовенство стало выявлять, что некоторые прихожане выходят за рамки православного вероисповедания, считая Иоанна Кронштадтского Христом и даже Троицей. В 1894 г. епископ Костромской и Галичский Виссарион (Нечаев) направил в Св. синод донесение, в котором говорилось, что крестьянка Пелагия Кабанова распространяет «вероучение о поклонении о. Иоанну Сергиеву»¹⁵. В 1895 г. священник Вейской Воскресенской церкви (Гдовский уезд Новгородской губернии) Алексей Солнцев направил письмо на имя о. Иоанна, в котором говорил, что некоторые прихожане почитают его за Иисуса Христа, а иные за Бога Саваофа¹⁶. Стоит заметить, что представленные сведения не отличаются полнотой и всесторонностью. Многие, кто писал об иоаннитах, получали информацию, что называется, из вторых рук. Однако, как бы ни были скудны известия, для духовенства было понятно, что в Российской империи появляется новое религиозное движение, не соответствующее православному вероучению. Опасность заключалась в том, что иоанниты не были внешним для Церкви явлением, вышли из церковной ограды, действовали среди православных прихожан.

До 1905 г. случаи возбуждения уголовных дел в отношении иоаннитов были редкими. Так, Костромская духовная консистория, выявив неканоничный характер учения упоминавшейся выше Пелагии Кабановой, направила местным следователям материалы дела для привлечения ее к уголовной ответственности. Однако следователи не обнаружили в действиях Кабановой состава преступления и возвратили дело в духовную консисторию¹⁷. В 1897 г., после того как священник Михайло-Архангельской церкви Ораниенбаума Дмитрий Любимов сообщил в своем рапорте о беседе с Порфирией Киселевой, начались допросы ее и других лиц, причастных к организации странноприимных домов. Был поднят вопрос о вымогательстве денег обманным путем. Дело рассматривалось в духовной консистории, потом передано прокурору Санкт-Петербургского окружного суда, однако осталось без последствий¹⁸.

Как отмечает Н. Б. Киценко, на ранней стадии преследования иоаннитов «линию поведения» против них разрабатывал Св. синод, а МВД только

¹⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 175. Д. 2017. Л. 1.

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–1 об.

¹⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 175. Д. 2017. Л. 7.

¹⁸ Зими́на Н. П. Иоанниты // Православная энциклопедия. Т. 25. М., 2010. С. 128.

санкционировал действия против сектантов. Начатое Св. синодом дело против Петра Трофимова, обвиняемого в организации «вредной секты», полиция не стала рассматривать, а передала обратно религиозным властям, поскольку гражданская власть, как отмечает Н. Б. Киценко, «нуждалась в четких директивах»¹⁹. В 1904 г. Канцелярия Св. синода рассматривала дело о деятельности мещанок Марии Александровой и Натальи Сухановой. Канцелярия находила в действиях упомянутых женщин признаки секты, так как они объявляли Иоанна Кронштадтского истинным Господом Богом. Кроме того, указывалось на то, что эти женщины занимаются мошеннической деятельностью. Однако Московская уголовная палата посчитала, что приведенные Канцелярией Св. синода доводы недостаточны для возбуждения уголовного дела²⁰.

Государственная власть и иоанниты после 1905 г. Интерес гражданской власти к вероучению иоаннитов возрос после 1905 г. В этот революционный год были изданы указы о веротерпимости, провозглашена свобода слова и печати. Расширение гражданских свобод создавало благоприятные условия для пропаганды учения иоаннитов. Массовое распространение иоаннитской литературы, участвовавшие факты мошенничества, вербовка людей в общины иоаннитов заставили гражданскую власть более пристально посмотреть на данное религиозное движение. Прежде всего, требовалось выявить сущность их вероучения. Из материалов Департамента духовных дел иностранных исповеданий видно, что гражданская власть не до конца понимала сущность иоаннитства. Для разъяснения чиновники обращались к духовенству. В 1909 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий направил в Св. синод запрос: являются ли иоанниты особым религиозным движением, отделившимся от Русской православной церкви, или же названная секта представляет собой лишь особое собрание людей, которые исповедуют взгляды, не противоречащие церковному вероучению²¹. Заметим, что данный запрос был сделан после того, как в 1908 г. на IV Миссионерском съезде в Киеве иоанниты были признаны сектой, учение которой не соответствует православному вероучению. И в последующем Департамент духовных дел не имел четкого представления, в чем заключается вероучение иоаннитов. Например, 28 марта 1910 г. Департамент духовных дел сообщал томскому губернатору о необходимости надзора за иоаннитами, но при этом отмечал, что иоанниты еще не сформировали особой секты, отличной по догматическому вероучению от православной церкви²². 18 января 1911 г. департамент духовных дел направил письмо тобольскому губернатору. В этом письме Департамент разъяснил тобольской администрации, что иоанниты «по существу вероучения» не являются сектой, а только «группой лиц, объединенных на почве исключительного

¹⁹ Киценко Н. Б. Указ. соч. С. 258.

²⁰ Там же. С. 260–261.

²¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 206. Л. 4–4 об.

²² Там же. Л. 162.

благоговейного почитания памяти почившего о. Иоанна Сергиева»²³. Таким образом, государственная власть в лице Департамента духовных дел не поддержала решение IV миссионерского съезда, в протоколах которого было определено, что иоанниты являются сектантами.

Следственная деятельность в отношении иоаннитов. Делопроизводственные документы показывают, что гражданская власть, как правило, интересовалась не религиозными взглядами иоаннитов, а наличием в их действиях правонарушений. Когда в столичной полиции наводили справки об иоанните Василии Пустошкине, то отметили, что он был задержан за мошенническую деятельность²⁴, не акцентируя внимания на том, во что он верует. Важнее было выявить, какие правонарушения числятся за ним. Полицейский пристав после посещения квартиры иоаннитов в Петербурге сообщал: «Предосудительного там никогда ничего не обнаруживалось, если не считать означенное плетение венков и почитание о. Иоанна, чего они не скрывают»²⁵. Подробностей о молитвах и религиозных обрядах в этом документе нет.

Задержание иоаннитов осуществлялось в тех случаях, когда появлялись сведения об их преступной деятельности. В Самарской губернии по ходатайству крестьянки с. Титовки Ирины Осокоревой были арестованы несколько человек, подозреваемых в мошеннической деятельности. Получив предписание губернатора произвести обыск на квартире иоаннитов в местности Новый Оренбург, самарское сыскное отделение ночью задержало молящихся и конфисковало деньги, которые могли быть получены незаконным путем. После проведения опроса и дознания было выяснено, что подозреваемые в мошенничестве иоанниты означенную крестьянку «ни в какую невыгодную сделку не вводили и денег не вымогали». После этого по предложению прокурора Волкова следственные материалы были переданы в Самарскую духовную консисторию, конфискованные деньги возвращены, а подозреваемые в мошеннической деятельности отпущены на свободу²⁶. Схожую позицию занял вятский губернатор С. Д. Горчаков. По ходатайству жены местного предпринимателя Михаила Каткова губернатор предписал полицмейстеру «принять меры к ограждению интересов просительницы», а также произвести аресты иоаннитов, «если к тому будут достаточные основания (курсив мой. — М. О.)»²⁷. В декабре 1911 г. харьковский губернатор распорядился обыскать склад книг у крестьян Василия Якимова, Андрея Медведева и Андрея Кирсанова, принадлежащих секте иоаннитов. Все найденные книги были изъяты, но, когда выяснилось, что среди них не оказалось запрещенных, их все вернули владельцам²⁸.

²³ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 224. Л. 49.

²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 20. Д. 334. Л. 36 об.

²⁵ Там же. Л. 84.

²⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 224. Л. 26–27.

²⁷ ЦГА КО. Ф. 582. Оп. 148. Д. 275. Л. 7 об.

²⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 224. Л. 33.

Инициатива в возбуждении уголовных дел против иоаннитов, как правило, принадлежала духовенству. Осенью 1908 г. в Царицыне появилась группа иоаннитов, которые вблизи храмов и на торговых площадях продавали свою литературу. По требованию епископа Гермогена (Долганёва) и местных миссионеров полиция арестовала сектантов. В результате Царицын был очищен от иоаннитов²⁹. 20 августа 1910 г. в Петербурге в Иоанновском монастыре крестьянин Никандр Фионов перед возгласением вечной памяти Иоанну Кронштадтскому стал кричать: «О. Иоанн воистину Христос!», что произвело «смущение» среди молящихся. Священник Федоров попросил за такое кощунство препроводить иоаннитов в ближайший полицейский участок. Во время допросов Фионов не отрицал, что верит в то, что Иоанн Кронштадтский не умер и он есть «сошедший на землю Иисус Христос»³⁰. В 1910 г. в Департамент духовных дел поступило отношение обер-прокурора о целесообразности опубликования в Псковской епархии заявления Иоанна Кронштадтского о секте иоаннитов³¹. Обер-прокурор просил также Департамент духовных дел иностранных исповеданий установить надзор за иоаннитами во Владимирской губернии³².

Особое внимание гражданские чиновники обратили на брошюру иоаннита В. Ф. Пустошкина «Церковь Христова в опасности». Она была адресована вятскому епископу Филарету, но в ней под огонь критики попало все православное духовенство. Пустошкин сопоставил православных священнослужителей и епископат с первосвященниками, которые отреклись от Христа перед Понтием Пилатом. Автор брошюры критиковал известного в Вятке священника о. Вениамина Тихоницкого, а вместе с ним все духовенство за то, что они ведут борьбу с иоаннитами. Такие священники были названы лжепастырями³³. Брошюра активно распространялась в Вятской губернии. Епископ Филарет, узнав об этом, обратился к губернатору С. Д. Горчакову с просьбой принять меры к ее изъятию³⁴.

Из донесения самарского губернатора видно, что местная администрация много внимания уделяла особенностям религиозного быта иоаннитов, подробно описывала их религиозные взгляды. Судя по всему, изъятие литературы и фотокарточек (не только о. Иоанна, но и Порфирии Киселевой, о которой было сказано, что для иоаннитов она почитается за Пресвятую Богородицу) осуществлялось под тем предлогом, что сектанты распространяют противную для православной веры литературу³⁵. В донесении московского губернатора от 29 ноября 1911 г. обращают на себя внимание слова, сказанные по поводу деятельности иоаннитов на Богородско-Глуховской мануфактуре: «Их деятельность

²⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 224. Л. 9.

³⁰ Там же. Л. 1–4.

³¹ Там же. Л. 8.

³² Там же. Л. 14.

³³ Там же. Д. 206. Л. 196–214.

³⁴ ЦГА КО. Ф. 582. Оп. 148. Д. 275. Л. 47.

³⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 206. Л. 172 об.

угрожает религиозным верованиям населения и общественной безопасности (курсив мой. — М. О.)»³⁶.

Департамент духовных дел иностранных исповеданий производил мониторинг периодических изданий, в которых появлялись сведения об иоаннитах. После изучения газетных статей следовал запрос к местному градоначальнику или губернатору, которые должны были проверить истинность публикуемых материалов. Губернская администрация предписывала полиции отправляться в квартиры иоаннитов для осмотра помещений³⁷.

Но не всегда газетный материал об иоаннитах соответствовал действительности. В феврале 1910 г. в поле зрения Департамента духовных дел попала статья из газеты «Колокол» под названием «Иоаннитство растет по городам и весям как грибы после дождя». В ней утверждалось, что в Троицкой волости Новгородского уезда богомолки рядом с иконами вешают портреты Иоанна Кронштадтского и неодобрительно относятся к местным священникам. Однако инициированное департаментом следствие выяснило, что материалы статьи не соответствуют действительности. После допроса местных жителей и настоятеля Вяжицкого монастыря оказалось, что так называемая иоаннитская община не выходит за рамки канонического православия; ее члены регулярно посещают службы монастыря, а портреты о. Иоанна находятся в отдалении от икон. Негативное отношение к местному священнику возникло после того, как последний «сильно разгорячился в разговоре» и дурно отозвался о старце иоаннитов Назарии и даже хотел опорочить Иоанна Кронштадтского. В итоге пристав выявил, что местные иоанниты не представляют опасности ни для Церкви, ни для государства³⁸.

Большинство периодических изданий негативно оценивали иоаннитов. Общественность высказывалась о них как о людях, представлявших темные стороны русского православия. Так, в фонде писателя Василия Брусянина (РГАЛИ. Ф. 42) удалось обнаружить его рукопись под названием «На заре иоаннитства (иоанниты в зародыше)», в которой автор крайне отрицательно относится к последователям Иоанна Кронштадтского и рисует мрачную картину духовной жизни России³⁹. Эта рукопись так и не была опубликована, но были и такие деятели культуры, которые отважились на публичное осуждение иоаннитов. В 1907 г. во многих городах России ставилась пьеса В. Протопопова «Черные вороны». Она была направлена не только против сектантов-иоаннитов, но и против Иоанна Кронштадтского и всего церковного быта в целом⁴⁰. Такое положение вещей заставляло государственную власть более тщательно следить за иоаннитами.

³⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 224. Л. 53.

³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 20. Д. 344. Л. 37–44, 49, 59.

³⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 224. Л. 22–24.

³⁹ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 42. Оп. 1. Д. 80. Л. 103–129.

⁴⁰ *Перекатов А. В.* «Черные вороны»: конфликт духовенства и театрального сообщества (1907 г.) // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 98. С. 60–73.

Борьба с мошенничеством. Особое внимание власти обращали на мошенническую деятельность иоаннитов, а также на создание ими религиозных общин в Санкт-Петербурге и Кронштадте. Как правило, мошенническая деятельность и создание религиозных общин были тесно связаны между собой. В общины люди, в том числе и несовершеннолетние, попадали после пропаганды иоаннитов о необходимости ехать в Кронштадт или Санкт-Петербург, чтобы получить оправдание на Страшном суде, который, как убеждали иоанниты, скоро наступит. Они советовали жертвовать деньги в фонд иоаннитских общин, настаивали, что деньги есть признак мамоны⁴¹. В Перми иоаннитки убеждали богатых женщин: «Владеть деньгами и иметь имущество — пагуба... богатых ждет участь сребролюбца Иуды»⁴². В селе Ацвеж Вятской губернии иоанниты, убеждая людей бросать свое имущество, добавляли, что «весь мир во зле лежит», что только в Кронштадте люди обретут спасение⁴³.

Иоанниты обещали людям праведную жизнь в столичных общинах и беседы с Иоанном Кронштадтским. Крестьяне действительно верили в это, поэтому отпускали своих детей, «чтобы они замолили в Кронштадте грехи родителей»⁴⁴. В результате пропаганды иоаннитов люди покидали свои дома, бросали семьи. Статистику уехавших определить довольно сложно, поскольку данные о численности иоаннитских общин не собирались. Одно можно сказать с определенностью: это было массовое паломничество. В Самарской губернии, согласно донесению губернатора, иоанниты «сманивали за собою местных крестьянок, которые бросали свои семьи и следовали за ними»⁴⁵. В Таврической губернии после проповеди иоаннитов несколько богатых женщин уехали со своими детьми в столичные общины иоаннитов⁴⁶. В деревне Краснояр Котельничского уезда Вятской губернии иоаннит Андриан Лопатин «своим ловким словом... успел повлиять на настроение деревни», которая «всполошилась при вести о наступлении скорой кончины мира и страшного суда Божия и многие решились было, продав дома и имущество, бежать отсюда туда, где, по словам проповедников, “Новый Иерусалим” и “Новый Христос Бог” — судия отец Иоанн Кронштадтский». Некоторые женщины стали даже надевать особые костюмы, чтобы встретить «страшного судию»⁴⁷.

Сведения о мошеннической деятельности иоаннитов стали появляться еще до 1905 г. В 1901 г. мировой суд Сретенского участка Москвы рассматривал дело о мошеннической деятельности иоанниток. В зале суда женщины-иоаннитки устроили беспорядки, что потребовало вмешательства полиции⁴⁸.

⁴¹ В христианской традиции под мамоной понимается богатство, которое для человека становится преградой на пути к истинному богопочитанию.

⁴² ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 20. Д. 344. Л. 177 об.

⁴³ ЦГА КО. Ф. 582. Оп. 148. Д. 275. Л. 70.

⁴⁴ Подвиги иоаннитов // Вятский вестник. 1908. № 4. С. 3.

⁴⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 206. Л. 172 об.

⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 20. Д. 344. Л. 192.

⁴⁷ ЦГА КО. Ф. 582. Оп. 148. Д. 275. Л. 71 об.

⁴⁸ Зимина Н. П. Иоанниты. С. 128.

В 1904 г. иерей Павел Васильев из Екатеринославской губернии писал о. Иоанну, что «крестьянка-девица Синклитская» собирает с прихожан деньги, убеждая их, что в тот момент, когда они дают деньги, Иоанн Кронштадтский поминует их в своих молитвах⁴⁹. В Бессарабии вдовая помещица Эмилия Бочковская распространяла слух, что послана самим Иоанном Кронштадтским. Люди, веря этому, давали ей деньги на молитвы о. Иоанна⁵⁰.

После 1905 г. факты мошенничества приобрели массовый характер, что заставило власти вмешаться. В 1905 г. Министерство внутренних дел выдвинуло против некоторых иоаннитов обвинение в вымогательстве денег, хотя доказать это было крайне трудно⁵¹. В 1907 г. в Слободском уезде были задержаны иоаннитки Аверкина и Воробьева. По распоряжению местного начальника проводилось дознание об их мошеннической деятельности⁵². Крестьянские девушки, возвращавшиеся из иоаннитских общин, рассказывали, что иоанниты отбирали все вещи и деньги⁵³.

Исследуя дела о мошенничестве, полиция иногда выявляла и иные составы преступлений иоаннитов. В Казани во время обыска квартиры иоаннитов полиция обнаружила фальшивые монеты, а также «приспособления, служащие, видимо, для подделки фальшивых монет, а именно: две небольшие бензинки, кастрюлька, сковородка, обломок ножа, металлический прут и металлическая гайка в форме серебряного рубля». Это послужило основанием заключения иоаннита Бабаева в Казанскую губернскую тюрьму⁵⁴.

Нарушение родительских прав. Деятельность иоаннитов коснулась родительских прав на детей. В Кронштадт и Петербург уезжали не только взрослые, но и несовершеннолетние, которых помещали в специально созданные детские приюты. Житель Николаева Николай Ильинный говорил, что приехавшие «монашки» убеждали жителей, что у о. Иоанна есть приюты для каждого желающего, «который хочет потрудиться на общию братию за его молитвы пред Богом». Также уверяли, что никто из детей не будет «на паперти у какого бы то ни было храма»⁵⁵. Данные Петербургской полиции подтверждают, что в иоаннитских приютах было немало детей, в частности в доме № 4 по ул. Теряевой в нескольких квартирах находились несовершеннолетние. В квартирах под номерами 12 и 13 из тридцати жильцов девять были дети⁵⁶.

Из детских приютов на имя родителей стали приходить письма, в которых дети просили прислать деньги. Некоторые родители подозревали, что письма написаны не их детьми, а кем-то другим. Они обращались к властям с просьбой

⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 38. Л. 6–6 об.

⁵⁰ Там же. Л. 3 об.

⁵¹ *Зарембо Н. Г.* Указ. соч. С. 40.

⁵² Розыски соблазненных «иоаннитками» // Вятский вестник. 1907. № 229. С. 3.

⁵³ Подвиги иоаннитов // Вятский вестник. 1908. № 4. С. 3.

⁵⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 224. Л. 39 об. – 40.

⁵⁵ Там же. Л. 30.

⁵⁶ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 20. Д. 344. Л. 153 об.

вернуть детей домой⁵⁷. В фонде «Управление Петроградского градоначальства и столичной полиции» сохранилось достаточно много таких писем. В качестве примера приведем прошение жительницы Владимирской губернии Анны Брюзовой в полицию о возвращении ее дочери Александры. Она пишет, что отправила дочь после увещаний «какой-то монахини», приехавшей в их слободу агитировать молодых людей ехать в Петербург в дом трудолюбия. Слова матери нельзя читать без сопереживания: «По неопытности и бедности своей я поддавалась соблазну, и отдала свою несовершеннолетнюю дочь Александру для обучения... Боюсь, чтобы дочь моя не погибла... По имеющимся у меня точным сведениям, лицами, заведующими этими нелегальными приютами, дочь моя добровольно отпущена не будет»⁵⁸.

До властей стали доходить сведения о дурном обращении иоаннитов с детьми. В петербургской газете «Слово» С. Петрович описывал свои впечатления о посещении одного из приютов следующим образом: «При входе в квартиру, я натываюсь на тяжелую картину: на кровати сидят два скелетика — две маленьких девочки, на вид не больше года, в действительности же им года два-три. Слабые, хилые, совсем прозрачные, они неподвижно сидят, уставившись в одну точку, ни слова не говорят, только шевелят губами». Кроме того, автор статьи с ужасом говорит о недостатке воздуха и нормального питания («пища их — картофель, чай с хлебом, немного каши, рыба редко, масла совсем не дают»)⁵⁹. Однако полиция после обследования квартир иоаннитов, где проживали несовершеннолетние, отмечала, что приюты в целом «содержатся опрятно», только «воздуха не хватает». Руководители этих общин характеризовались как люди «безупречные»⁶⁰. Пристав второго участка Петербургской части произвел особое расследование о детских приютах иоаннитов. Он выявил, что дети отдаются в приюты добровольно, «без всякого рода насилий». При этом дети, как отмечал пристав, «в гигиеническом отношении содержатся хорошо», занимаются пением и плетением венков. Пристав особо отметил: «Если кому из детей не нравится образ жизни, то они свободно возвращаются домой или уже их увозят родители»⁶¹. Пристав четвертого участка отмечал, что квартиры иоаннитов тайными никогда не были, они всем известны, «предосудительного там никогда ничего не обнаруживалось»⁶².

Однако Санкт-Петербургский градоначальник был иного мнения. В докладе на имя министра внутренних дел от 8 июля 1909 г. он писал, что иоанниты занимаются «эксплуататорской деятельностью», причем «повсеместно в Империи», а потому просил закрыть приюты по всей стране⁶³. В градоначальстве

⁵⁷ Киценко Н. Б. Указ. соч. С. 267.

⁵⁸ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 20. Д. 344. Л. 3.

⁵⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 206. Л. 7 об.

⁶⁰ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 20. Д. 344. Л. 1 об.

⁶¹ Там же. Л. 7.

⁶² Там же. Л. 84 об.

⁶³ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 206. Л. 1.

обращали внимание, что содержатели иоаннитских приютов грабят «массу верующих» и «строят себе каменные дома»⁶⁴. Власти были взволнованы не только обиранием «жертв», но и их моральным унижением, так как детей «принуждают стоять на паперти»⁶⁵. В поле зрения столичной полиции попадали душераздирающие истории с вовлечением детей в иоаннитские общины. В письме жительницы г. Бордянска (Таврическая губерния) Марии на имя петербургского противосектантского миссионера Николая Булгакова отражен крик души девушки, родители которой были увлечены пропагандой иоаннитов. В этой семье было шестеро детей, трое из них вместе с родителями уехали с иоаннитами. Мария пишет, что остались «более благоразумные», но их родители предали проклятию. Автор письма просит миссионера помочь «вырвать» из иоаннитской общины ее сестру. Она пишет: «Бог с ними с моими родителями, они сами отвечают за свои действия, меня тревожит участь моей возлюбленной малолетней сестры»⁶⁶.

Это письмо попало в руки полиции и дало основание произвести расследование. Полиции удалось отыскать квартиру, где проживали родители Марии. После расспросов отца Марии Николая Дурнева чиновник пришел к убеждению, что ходатайство Марии подлежит удовлетворению, так как, по его словам, «дальнейшее пребывание девочки в обществе иоанниток могло бы дурно отразиться на религиозно-нравственном ее воспитании, а недостаток пищи, воздуха, движения и отсутствия опрятности, которую удалось мне заметить при посещении квартиры иоанниток, могут дурно повлиять на физическое развитие этой девочки, не говоря уже о накожной болезни, которыми страдают здесь многие из детей»⁶⁷.

После тщательного обследования приютов в июле 1909 г. они были закрыты, а дети переведены в другие заведения. Некоторые дети, как отроковица Александра Брюзова, направлялись домой «для водворения к родным»⁶⁸.

В литературе высказывалось мнение, что закрытие приютов является «одной из наиболее трагических страниц истории “иоаннитов”», так как эти приюты формировали у детей православный образ мысли, отводили детей от социалистической пропаганды и социальных аномалий (пьянства, разврата)⁶⁹. Эту сторону, конечно, отрицать полностью нельзя, однако обращение к следственным делам показывает, что для родителей исчезновение детей было подлинной трагедией. Поиск пропавших детей напоминал детективы, в которых действующими лицами были реальные люди. К тому же отчеты полиции показывают, что обстановка в детских приютах была далека от православного благочестия, а детский труд использовался для производства вещей, которые

⁶⁴ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 20. Д. 344. Л. 25.

⁶⁵ Там же. Л. 25.

⁶⁶ Там же. Л. 192–192 об.

⁶⁷ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 20. Д. 344. Л. 197 об.

⁶⁸ Там же. Л. 34.

⁶⁹ Виталий (Уткин), игумен. Указ. соч. С. 151–156.

шли на продажу по всей Российской империи. Сложность поиска и возврата детей (иногда детей вовсе не находили) заставляет думать об этих приютах как о деструктивных структурах.

Политические взгляды иоаннитов. Иоанниты разделяли монархические идеи. Когда было образовано «Иоанновское братство», то туда допускались лишь «православные русские», верные царю и являвшиеся противниками всякого материализма⁷⁰. В Департаменте духовных дел иностранных исповеданий был проанализирован устав «Иоанновского братства». Отмечено, что данная организация «думает объединить лиц известных политических взглядов на подобие Союза Русского Народа или Союза имени Михаила Архангела»⁷¹. Об иоаннитах сообщали главе правительства П. А. Столыпину. На его имя публицист и один из учредителей Союза русского народа Н. Н. Жеденов направил письмо, в котором убеждал, что вожди иоаннитов Василий Пустошкин и Николай Большаков (Артамонов-Большаков)⁷² являются «глубоко верующими людьми». В письме критиковался новый вероисповедный строй империи: «сердце мое сжалось от ужаса, какая злобная месть, какое издевательство, какой произвол возможен еще у нас на Руси при возведенном обновленном строе». Эти слова были направлены против католиков и иудеев, которые, по мнению Жеденова, натравили полицию против Большакова и Пустошкина⁷³. Вряд ли такой взгляд на новый политический строй империи соответствовал убеждениям П. А. Столыпина, который старался не допускать усиления крайне правых, стремился ослабить их влияние на политику правительства⁷⁴.

Некоторые черносотенцы считали, что иоанниты могут служить надежным союзником в политической борьбе против либералов и социалистов. Упомянутый Н. Н. Жеденов, а также Е. А. Полубояринцев, игумен Арсений (Алексеев) считали, что иоанниты помогут правым своими книгоношами, которые могут распространять брошюры и прокламации черносотенных партий. Иоанниты рассматривались как люди со «стойкими убеждениями»⁷⁵. Стоит отметить, что подобные рассуждения не были беспочвенны. В Вятской губернии местные власти обнаружили, что иоанниты распространяют не только религиозную литературу, но и политическую, в частности «Письмо председателя Союза

⁷⁰ Зарембо Н. Г. Указ. соч. С. 42.

⁷¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 206. Л. 104–105.

⁷² Николай Иванович Большаков (1872–1910) — публицист, писатель, редактор-издатель «Грозы» и журнала «Кронштадтский маяк», иоаннит, автор книг об Иоанне Кронштадтском. Являлся одним из учредителей Союза русского народа. В 1912 г. объявлен Св. синодом сектантом-иоаннитом.

⁷³ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 206. Л. 15–16.

⁷⁴ Кирьянов Ю. И. Предисловие /// Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. Т. 1. 1905–1910 гг. М., 1998. С. 52; Омельяничук И. В. Правые партии и П. А. Столыпин // Российская история. 2012. № 2. С. 68–72; Его же. Монархисты в 1905–1917 гг.: от триумфа к катастрофе // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 4–5.

⁷⁵ Иванов А. А. Правые партии Российской империи. СПб., 2024. С. 364–365.

Русского народа А. И. Дубровина к митрополиту Антонию (Вадковскому)». Несмотря на то что вятским губернатором на тот момент был убежденный монархист С. Д. Горчаков, являвшийся «патроном» Вятской народно-монархической партии, наличие данного письма у иоаннитов было расценено губернской администрацией как явление отрицательное⁷⁶.

Альянс правых партий с иоаннитами не состоялся. Можно даже с уверенностью говорить, что он изначально был обречен на провал. Н. Б. Киценко верно отмечает, что камнем преткновения стала сомнительная «православность иоаннитов». Исследователь пишет, что в целом правые не хотели терять свою репутацию и связываться с сектантами⁷⁷. Действительно, есть примеры, когда правые не только отмежевывались от иоаннитов, но и прямо заявляли о несовместимости взглядов. Лидеры Вятской народно-монархической партии фактически объявили крестовый поход против иоаннитов. В рупоре местных черносотенцев — «Вятском вестнике» наперебой печатались статьи, в которых иоанниты назывались темными сектантами, мошенниками, эксплуататорами, язвой общества⁷⁸.

Известно, что правое движение имело несколько направлений — от крайне правых до умеренных. Крайне правые не признавали Государственную думу, критически относились к Манифесту 17 октября 1905 г. Лидеры иоаннитов занимали именно такую позицию. Главное управление по делам печати, анализируя содержание журнала «Кронштадтский маяк», заметило, что в политическом отношении данное издание «не признает никаких реформ, вызванных Высочайшим Манифестом 17 Октября 1905 года, и стоит за наибольшее ограничение прав евреев»⁷⁹. В руки столичной полиции попадались стихи иоаннитов, в которых делался призыв уйти от «мира погибшего». Действительность в иоаннитских стихах рисовалась в самых мрачных красках⁸⁰. Государственному чиновнику было ясно, что появившаяся секта увлекает в свои общины людей, критикует существующий строй. Это уже говорило о появлении в Российской империи оппозиционного религиозного движения. Хотя иоаннитов никак нельзя записывать в разряд анархистов и революционеров, тем не менее критика церковного и обновленного государственного строя точила камень в здании империи.

Заключение. Появление иоаннитов создавало для государственной власти Российской империи определенные проблемы при проведении конфессиональной политики. Светская администрация проявляла интерес к религиозной стороне деятельности иоаннитов, как правило, после ходатайств об этом со стороны духовенства. Как отмечает Н. Б. Киценко, для полиции важен был

⁷⁶ ЦГА КО. Ф. 582. Оп. 148. Д. 275. Л. 72.

⁷⁷ Киценко Н. Б. Указ. соч. С. 277.

⁷⁸ К деятельности иоаннитов // Вятский вестник. 1907. № 270. С. 3; Один из провожающих. Появление «иоаннитов» // Вятский вестник. 1907. № 172. С. 4.

⁷⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 224. Л. 44 об.

⁸⁰ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 20. Д. 344. Л. 193–195 об.

не сам факт их сектантской направленности, а незаконные действия вождей иоаннитов: несанкционированные перемещения по стране, вымогательство денег⁸¹.

В условиях революции 1905–1907 гг. широкомасштабная деятельность иоаннитов усиливала смуту в обществе, подрывала авторитет православного духовенства, способствовала обострению отношений между либеральной интеллигенцией и представителями консервативных слоев общества. Все это на фоне революционного брожения отбирало у государства силы в борьбе с новым массовым религиозным движением.

Литература

1. Буткевич Т. И. Обзор русских сект и их толков. Харьков.: Тип. Губернского правления, 1910. 607 с.
2. Виталий (Уткин), игумен. «Иоаннитство» как интерпретационный миф: политика, СМИ и Церковь // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 143–159. <http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2020-0-1-143-159>
3. Зарембо Н. Г. Русская православная церковь и движение иоаннитов в Санкт-Петербурге (1890–1900 гг.) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 2. С. 39–43.
4. Зими́на Н. П. Иоанниты // Православная энциклопедия. Т. 25: Иоанна Деяния – Иосиф. М.: Православная энциклопедия, 2010. С. 127–139.
5. Иванов А. А. Правые партии Российской империи. СПб.: Владимир Даль, 2024. 735 с.
6. Кирьянов Ю. И. Предисловие // Правые партии. Документы и материалы: в 2 т. Т. 1. 1905–1910 гг. М.: РОССПЭН, 1998. С. 5–66.
7. Киценко Н. Б. Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 390 с.
8. Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М.: Наука, 1965. 348 с.
9. Машковцев А. А. Секта иоаннитов в Вятской губернии в начале XX в. // Актуальные проблемы истории: сб. статей / Вятский гос. пед. ун-т; редкол.: Е. И. Кирюхина (отв. ред.) и др. Киров: ВГПУ, 1998. С. 20–30.
10. Омельянчук И. В. Монархисты в 1905–1917 гг.: от триумфа к катастрофе // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 3–21.
11. Омельянчук И. В. Правые партии и П. А. Столыпин // Российская история. 2012. № 2. С. 62–76.
12. Перекатов А. В. «Черные вороны»: конфликт духовенства и театрального сообщества (1907 г.) // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 98. С. 60–73. <https://doi.org/10.15382/sturII202198.60-73>
13. Путинцев Ф. М. Кулацкое светопреставление: (случаи помешательства и массового религиозного психоза на почве кулацко-провокационных слухов о «конце света») / Центральный совет Союза воинствующих безбожников СССР. М.: Безбожник, 1930. 82 с.

⁸¹ Киценко Н. Б. Указ. соч. С. 258.

14. Смирнов Н. А. Миссионерская деятельность церкви (вторая половина XIX – 1917 г.) // Русское православие: вехи истории / науч. ред. А. И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989. С. 438–462.
15. Фёдоровский С. Кто они, авторы «святых» писем? // Блокнот агитатора. Киров, 1982. № 16. С. 15–19.
16. Фирсов С. Л. Мифологизация памяти. Святой праведный Иоанн Кронштадтский и проблема «иоаннитства» (К истории журнала «Кронштадтский маяк»: 1906–1912 гг.) // Церковь и время. 2024. Т. CVIII. № 4. С. 87–156.

References

1. Butkevich T. I. An overview of Russian sects and their interpretations. Kharkov: Printing house of the Provincial Government, 1910. 607 p. (In Russ.).
2. Vitaly (Utkin), abbot. “Johnism” as an interpretive myth: Politics, media, and the church // Notebooks on Conservatism. 2020. № 1. P. 143–159. <http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2020-0-1-143-159> (In Russ.).
3. Zarembo N. G. Russian Orthodox church and Joanite’s movement in Saint-Petersburg (1890–1900) // Society. Environment. Development (“Terra Humana”). 2010. № 2. P. 39–43. (In Russ.).
4. Zimina N. P. The Johannites // Orthodox Encyclopedia. Vol. 25: The Acts of John – Joseph. Moscow: Orthodox Encyclopedia, 2010. P. 127–139. (In Russ.).
5. Ivanov A. A. The right-wing parties of the Russian Empire. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2024. 735 p. (In Russ.).
6. Kiryanov Yu. I. Preface // Right-wing parties. Documents and materials: in 2 vols. Vol. 1. 1905–1910. Moscow: ROSSPEN, 1998. P. 5–66. (In Russ.).
7. Kitsenko N. B. The saint of our time: Father John of Kronstadt and the Russian people. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2006. 390 p. (In Russ.).
8. Klibanov A. I. History of religious sectarianism in Russia (1860s–1917). Moscow: Nauka, 1965. 348 p. (In Russ.).
9. Mashkovtsev A. A. The sect of Johnites in Vyatka province at the beginning of the 20th century // Actual problems of history: collection of articles / Vyatka State Pedagogical University; editorial board: E. I. Kiryukhina (editor-in-chief) and others. Kirov: VGPU, 1998. P. 20–30. (In Russ.).
10. Omeliyanchuk I. V. Monarchists in 1905–1917: from triumph to catastrophe // Voprosy istorii. 2017. № 7. P. 3–21. (In Russ.).
11. Omeliyanchuk I. V. The right-wing parties and P. A. Stolypin // Rossiiskaia istoriia. 2012. № 2. P. 62–76. (In Russ.).
12. Perekatov A. V. “Black ravens”: A conflict between the clergy and theater community (1907) // Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya II: Istorii. Istoriiia Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. 2021. Vol. 98. P. 60–73. <https://doi.org/10.15382/sturII202198.60-73> (In Russ.).
13. Putintsev F. M. The kulak end of the world: (cases of insanity and mass religious psychosis based on kulak-provocative rumors about the “end of the world”) / Central Council of the Union of Militant Atheists of the USSR. Moscow: Bezbozhnik, 1930. 82 p. (In Russ.).
14. Smirnov N. A. Missionary activities of the church (second half of the 19th century – 1917) // Russian Orthodoxy: Milestones of history / ed. by A. I. Klibanov. Moscow: Politizdat, 1989. P. 438–462. (In Russ.).

15. Fedorovsky S. Who are the authors of the “holy” letters? // Agitator’s Notebook. Kirov, 1982. № 16. P. 15–19. (In Russ.).

16. Firsov S. L. Mythologization of memory. Saint John of Kronstadt and the problem of “Johannitism” (On the history of the Kronstadt Lighthouse magazine: 1906–1912) // Church and Time. 2024. Vol. CVIII. № 4. P. 87–156. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94 (47+57)

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-262-53-64

Грачев Анатолий Викторович

кандидат исторических наук

Омский государственный педагогический университет

Омск, Россия

a.v.grachyov@mail.ru; ORCID: 0009-0002-7269-9538

ФРОНТОВОЕ СИБИРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ОКТЯБРЬСКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1917 г. В МОСКВЕ: ОТ БОРЬБЫ К НЕЙТРАЛИТЕТУ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об участии казаков 7-го Сибирского казачьего полка в революционных событиях конца октября – начала ноября 1917 г. в Москве. 7-й Сибирский казачий полк в августе 1917 г. был отправлен с фронта в Московский военный округ, а его сотни, команды и штаб расположились в разных населенных пунктах. Во время вооруженного восстания большевиков в Москве сибирские казаки оказались в подчинении командующего войсками Московского военного округа полковника К. И. Рябцева и были использованы для борьбы с восставшими. На основе исторических источников определены места дислокации казачьих сотен, выявлены факты помощи казаков антибольшевистским силам в Москве. Сделан вывод об активном участии некоторых казачьих сотен в первые дни вооруженной борьбы в городе, впоследствии сменившемся на нейтралитет и сотрудничество с новыми революционными органами власти.

Ключевые слова: казаки, 7-й Сибирский казачий полк, революция, солдатский комитет, Московский военный округ.

Для цитирования: Грачев А. В. Фронтовое сибирское казачество в октябрьских революционных событиях 1917 г. в Москве: от борьбы к нейтралитету // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2026. № 2 (62). С. 53–64. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-262-53-64>

Original article

UDC 94 (47+57)

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-262-53-64

Grachev Anatoly V.

Candidate of Historical Sciences

Omsk State Pedagogical University

Omsk, Russia

a.v.grachyov@mail.ru; ORCID: 0009-0002-7269-9538

FRONTLINE SIBERIAN COSSACKS IN THE OCTOBER REVOLUTIONARY EVENTS OF 1917 IN MOSCOW: FROM STRUGGLE TO NEUTRALITY

Abstract. This article examines the participation of Cossacks of the 7th Siberian Cossack Regiment in the revolutionary events of late October – early November 1917 in Moscow. The 7th Siberian Cossack Regiment was sent from the front to the Moscow Military District in August 1917, and its squadrons, commands, and headquarters were stationed in various settlements. During the Bolshevik armed uprising in Moscow, the Siberian Cossacks came under the command of Colonel K. I. Ryabtsev, commander of the Moscow Military District, and were used to fight the rebels. Based on historical sources, the locations of Cossack squadrons were determined, and instances of Cossack assistance to anti-Bolshevik forces in Moscow were revealed. It is concluded that some Cossack squadrons actively participated in the first days of armed struggle in the city, which subsequently gave way to neutrality and cooperation with the new revolutionary authorities.

Keywords: Cossacks, 7th Siberian Cossack Regiment, revolution, Soldiers' Committee, Moscow Military District.

For citation: Grachev A. V. Frontline Siberian Cossacks in the October revolutionary events of 1917 in Moscow: from struggle to neutrality // MCU Journal of Historical Studies. 2026. № 2 (62). P. 53–64. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-262-53-64>

Введение. В 1917 г. представители фронтового сибирского казачества оказались на самом остром внутриполитической борьбы в разных городах России. Особенно заметным стало участие сибирских казаков в московских революционных событиях в конце октября – начале ноября 1917 г. При этом данный эпизод в истории сибирского казачества не стал предметом научного изучения как исследователей истории казачества, так и историков, занимающихся политической историей.

Несмотря на то что советская историография Октябрьской революции представляет собой огромный пласт работ, лишь в некоторых из них фрагментарно затрагивается вопрос об участии казачества в вооруженном противостоянии 1917 г. в Москве¹. В постсоветский период изучение указанного вопроса

¹ Владимирова В. Ф. Контрреволюция в 1917 г.: (корниловщина). М., 1924; Чебарин А. С. Октябрьские бои 1917 года в Москве. М., 1939; Кондратьев В. Из истории Октябрьского

получило новый импульс, прежде всего за счет смещения фокуса исследований в сторону изучения региональных особенностей протекания революционного процесса, а также ввода в научный оборот новых источников². Отдельно стоит выделить работы, которые можно отнести к эмигрантской историографии: труды историка и очевидца революционных событий С. П. Мельгунова, ставившего вопрос о причинах нейтралитета сибирских казаков, находящихся в Московском военном округе³, а также израильского (ранее советского) историка М. С. Френкина, который, исследуя тыловые гарнизоны и их роль в победе большевиков в 1917 г., упоминал казаков 7-го Сибирского казачьего полка как участников революционных событий в Москве⁴.

Одна из главных проблем, возникающих при комплексном изучении заявленной темы, заключается в объективной нехватке прямых источников, в частности казачьих полковых и сотенных документов, которые практически не сохранились за период с сентября по декабрь 1917 г. Некоторая информация о расположении и действиях сибирских казачьих частей фрагментарно отложилась в разных архивах (телеграммы Ставки и штаба Московского военного округа, приказы по Сибирской казачьей дивизии и т. д.). Однако наличие указанных материалов не позволяет решить поставленную задачу ввиду отсутствия в них необходимой информации. В связи с этим приоритетными источниками информации становятся мемуары и периодическая печать. Необходимый фактический материал можно извлечь из воспоминаний некоторых московских большевиков — участников октябрьских событий 1917 г. (В. Карпов, Я. Пече, И. Цивцивадзе и других), а также их противников (С. Я. Эфрон, С. П. Мельгунов). Некоторые ценные сведения о казаках в Москве отложились в газетной периодике: «Социал-демократ», «Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», «Труд», «Утро России».

Ход и результат исследования. С началом Первой мировой войны сибирское казачество, как и представители других казачьих войск, было мобилизовано и находилось на фронте. Казаки 7-го Сибирского казачьего полка из станиц разных уездов Акмолинской области, относящихся к 1-му военному отделу

вооруженного восстания в Москве // Военно-исторический журнал. 1971. № 11. С. 30–37; Кузьмина Т. Ф. Борьба против корниловщины в Московском военном округе // Исторический опыт Великого Октября. М., 1975. С. 220–222; Клименко В. А. Борьба с контрреволюцией в Москве. 1917–1920 гг. М., 1978; Минц И. И. История Великого Октября: в 3 т. Т. 3. М., 1979.

² Щагин Э. М. Вновь о малоизвестных фактах из истории большевистского вооруженного восстания в Петрограде и Москве осенью 1917 г. // Преподаватель XXI век. 2010. № 1–2. С. 216–236; Юрьев А. И. Установление советской власти в Центральном промышленном районе России (конец октября – начало декабря 1917 г.) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 267–275.

³ Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот 1917 г. London, 1984.

⁴ Френкин М. С. Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии: подготовка и проведение октябрьского мятежа 1917–1918 гг. Иерусалим, 1982.

Сибирского казачьего войска, попали на фронт в декабре 1914 г. С этого времени 7-й Сибирский казачий полк находился в действующей армии и успешно выполнял боевые задачи⁵.

В августе 1917 г. во время работы Государственного совещания в Москве 7-й Сибирский казачий полк в спешном порядке был вызван с фронта и отправлен в Московский военный округ. Командующий его войсками полковник А. И. Верховский неохотно согласился на расквартирование полка в округе. При получении известия о движении полка на Москву, по приказанию А. И. Верховского полк был остановлен в Можайске под предлогом отсутствия необходимых помещений в Москве, а также из-за возможного усиления большевистской пропаганды и недоверия к казакам пехотных запасных частей, находившихся в городе⁶. После корниловского выступления на допросе 24 сентября 1917 г. новый командующий Московским военным округом полковник К. И. Рябцев сообщил, что 7-й Сибирский казачий полк после окончания работы Государственного совещания был расквартирован «частью в Кашире, частью в других местах»⁷. В частности, в Кашире расположился штаб полка и две сотни казаков⁸. Разместили их в недавно построенных бараках⁹. Еще четыре сотни (дивизион) были отправлены на шелкопрядильную фабрику Катуар в деревню Нижние Котлы (в 1932 г. вошла в состав Москвы)¹⁰, где до прибытия казаков некоторые помещения были заняты одной из запасных пехотных частей.

Наличие казачьих сотен на Катуаре давало уверенность командованию округа в быстром подавлении возможных революционных выступлений в Москве. Советский историк И. И. Минц отмечал, что для консолидации контрреволюционных сил еще до начала революции командующий войсками Московского военного округа полковник К. И. Рябцев часто посещал гарнизоны и военные училища. В расчеты контрреволюционных сил входили 1-й запасной Сибирский казачий дивизион, находящийся в Твери, и 7-й Сибирский казачий полк в Кашире¹¹.

В Москве также дислоцировались сотни других казачьих войск: 14-я Донская сотня размещалась на Усачевой улице (Усачевке), 28-я Донская —

⁵ В июне 1916 г. в 7-м Сибирском казачьем полку состояло 25 офицеров, 4 классных чиновника, 753 нижних чина (Исторический архив Омской области. Ф. 54. Оп. 1. Д. 145. Л. 66); учитывая неоднократные пополнения полка в следующем году, количество казаков в полку к октябрю 1917 г. могло быть выше на 100–150 человек.

⁶ *Владимирова В. Ф.* Указ. соч. С. 78.

⁷ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. – июнь 1918 г. Т. 2. Показания и протоколы допросов свидетелей и обвиняемых. 27 августа – 6 ноября 1917 г. М., 2003. С. 295–296.

⁸ Реальный (списочный) состав казачьей сотни мог варьироваться от 130 до 160 человек.

⁹ *Кузьмина Т. Ф.* Указ. соч. С. 220–222.

¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1606. Оп. 2. Д. 998. Л. 47, 54.

¹¹ *Минц И. И.* Указ. соч. С. 26.

на Салтыковской улице и 15-я Оренбургская — в Останкино¹². Данные подразделения во время революционного противостояния объявили о нейтралитете и в вооруженной борьбе не участвовали.

С началом военных действий в центре Москвы часть сибирских казаков прибыла из Катуара в центр города и находилась в распоряжении командующего Московским военным округом. Наряду с офицерами, юнкерами, учащимися школы прапорщиков и студентами сибирские казаки стали частью антибольшевистского лагеря Москвы¹³.

Определить количество казаков, оказавшихся в центре Москвы, ввиду отсутствия точных данных сложно. Донской казак большевик В. Карпов, участник московских событий, в своих воспоминаниях писал, что с началом боевых действий в центре Москвы у полковника К. И. Рябцева оказались 3–4 казачьи сотни: «Это были единственные регулярные не юнкерские части, которые принимали участие в боях против нас»¹⁴. Как показали дальнейшие события, часть казаков продолжала оставаться на Катуаре, а в центре, вероятно, находилось не более двух сотен казаков.

Одна из сотен 7-го Сибирского казачьего полка дислоцировалась в Александровском военном училище, которое было главным центром сосредоточения войск, противостоявших большевикам¹⁵. В ночь с 27 на 28 октября небольшой отряд из Александровского училища под командованием казачьего есаула¹⁶ численностью около 150 человек был отправлен к казармам 1-й запасной артиллерийской бригады, располагавшейся на Ходынке. В состав отряда входили юнкера, вольноопределяющиеся, офицеры и полусотня сибирских казаков. Казаки перемещались на своих лошадях, другие участники «экспедиции» — на грузовых автомобилях. В эти дни вокруг расположения артиллерийской бригады несли охранную службу конные разъезды, которые были разоружены казаками и юнкерами без единого выстрела¹⁷. Когда отряд приблизился к казармам артиллеристов, то часовые артиллерийской бригады подняли тревогу, по казакам и юнкерам началась беспорядочная стрельба. По команде есаула отрядом был открыт ответный огонь по двору и окнам казарм¹⁸. После непродолжительной перестрелки нападавшими было захвачено два орудия со снарядами и 24 оружейных замка, все было доставлено к Александровскому военному училищу¹⁹.

¹² Минц И. И. Указ. соч. С. 24.

¹³ Революция в Москве // Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 28 октября. № 209. С. 8.

¹⁴ Карпов В. Казаки в Октябре (Эпизод из времен октябрьских боев в Москве) // Пролетарская революция. 1923. № 9 (21). С. 157.

¹⁵ Шесть дней в Александровском училище // Утро России. 1917. 10 ноября. № 259. С. 4.

¹⁶ В тексте источника указан некий «есаул Н.»: возможно, автор публикации имел в виду есаула 7-го Сибирского казачьего полка Я. Г. Нестерова.

¹⁷ Батышев И. Пресня в Октябре 1917 г. // Год борьбы. 1917: сб. М.; Л., 1927. С. 167.

¹⁸ Шесть дней в Александровском училище. С. 4.

¹⁹ Октябрь в Москве: материалы и документы. М.; Л., 1932. С. 201; Эфрон С. Я. Автобиография. Записки добровольца. М.; Берлин, 2016. С. 37.

Совершив дерзкий налет и захватив артиллерию, отряд практически не понес никаких потерь, только два человека были легко ранены²⁰. В свою очередь, артиллерийская бригада потеряла двух человек убитыми и несколько легко раненных; более того, возникло колоссальное возмущение в среде артиллеристов, обещавших отомстить нападавшим²¹. Участие казаков стало важным фактором в начавшемся вооруженном столкновении в Москве: благодаря сибирским казакам осаждавший Кремль отряд получил артиллерию.

Историк-эмигрант С. П. Мельгунов в своих воспоминаниях отмечал, что во время обсуждения в антибольшевистском лагере, брать или не брать Кремль, командование округа было против захвата Кремля и именно юнкеры и казачья сотня, стоявшая на карауле вокруг Кремля, требовали его взятия²². Совместные действия казаков и юнкеров по занятию Кремля и других пунктов в центре Москвы подтверждает большевистская периодика²³. После захвата Кремля ротами юнкеров казаки встали на охрану некоторых ворот²⁴. В первые дни боев корреспондент эсеровской газеты «Труд» сообщал, что одиночные казаки активно перемещаются по городу, а «у манежа, между Кремлем и Моховой, казаки лихорадочно роют окопы»²⁵. Появление казаков в центре города отмечали московские обыватели: «пришли казаки и ходят по улицам»²⁶; с подачи самих казаков ходили разговоры, «что казаков придет еще больше»²⁷.

Нельзя не отметить тот факт, что и другие части Сибирского казачьего войска могли сыграть важную роль в ходе московских событий. Во время противостояния на помощь контрреволюционным силам в Москве Ставка обещала отправить с Западного фронта Сибирскую казачью батарею с тремя эскадронами Нижегородского драгунского полка (по другим данным — Сибирский казачий артиллерийский дивизион со взводом Кавказской кавалерийской дивизии), но Комитет спасения революции Западного фронта в Минске выступил против и постановил этих частей не посылать²⁸.

²⁰ Шесть дней в Александровском училище. С. 4.

²¹ Батышев И. Указ. соч. С. 167.

²² Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. Вып. 1. Париж, 1964. С. 231.

²³ В Москве // Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 2 ноября. № 214. С. 4.

²⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 19. Л. 70; Как пролилась кровь // Социал-демократ. 1917. 5 ноября. № 201. С. 1.

²⁵ Б. М. На улицах // Труд. 1917. 1 ноября. Экстренный выпуск. С. 2.

²⁶ Октябрьские бои 1917 г. в Москве глазами очевидца. Из дневника П. Н. Вишнякова / вступ. ст., подгот. текста, коммент. В. В. Хутарева-Гарнишевского // Исторический вестник. 2021. Т. 38. С. 224.

²⁷ Там же.

²⁸ Переговоры по прямому проводу помощника командующего войсками Московского военного округа полковника Кравчука из Смоленска с начальником штаба верховного главнокомандующего генералом Духониным // Красный архив: Исторический журнал. Т. 6 (61). М., 1933. С. 41; История Гражданской войны в СССР. Т. 2. М., 1943. С. 417.

Командование Московского военного округа, конечно, надеялось на помощь казаков из Каширы, слухи о скором приходе которых будоражили население Москвы. Предотвратить возможное столкновение московских рабочих с казаками помогло одно обстоятельство. Дело в том, что с началом вооруженной борьбы в Москве члены полкового комитета 7-го полка во главе с есаулом Шевелевым прибыли из Каширы в Москву для выяснения обстановки, но случайно были арестованы Замоскворецким военно-революционным комитетом (ВРК) на Павелецком вокзале и содержались в арестном доме при Серпуховском милицейском комиссариате²⁹. Арестованные казаки, видя, что к ним относятся довольно мягко, первые заговорили о необходимости вступить в переговоры и о соглашении с их полком³⁰, но поначалу предложение комитета большевиками было проигнорировано. Когда же стало известно, что 7-й Сибирский казачий полк на 200 подводах уже начал двигаться на Москву, о чем сообщил красногвардейским патрулям местный житель — крестьянин села Сосновицы³¹, то большевикам ничего не оставалось, как начать переговоры. Для участия в них от имени Замоскворецкого ВРК был назначен вышеупомянутый донской казак В. Карпов, который вместе с есаулом 7-го полка Шевелевым и двумя казаками выехал на автомобиле в Каширу. Двое казаков остались под арестом у большевиков как гарантия безопасности В. Карпова.

По воспоминаниям В. Карпова, он встретился с 7-м Сибирским казачьим полком в 40 верстах от Москвы. В одной из деревень уже ночью в помещении трактира произошла встреча с командиром полка, «неким полковником» и офицерами. Вероятно, что это был войсковой старшина П. Н. Кубрин, с 17 июля 1917 г. занявший должность командира 7-го Сибирского казачьего полка³² и, по свидетельству самих казаков, накануне активных боевых действий успевший побывать в Москве. Кубрин собирался арестовать переговорщика Карпова и вести полк дальше на помощь штабу Московского военного округа, но на стороне Карпова выступил полковой комитет, поддержанный казаками³³. Позиция последних была обусловлена нежеланием самих казаков вступать во внутреннюю политическую борьбу в городе, а также опасением, что при вооруженном столкновении с Московским ВРК пострадают казаки, находившиеся в плену.

Выявленные исторические источники не содержат информации о том, продолжал ли движение 7-й Сибирский казачий полк в сторону Москвы, пока шли переговоры. Однако С. П. Мельгунов, не указывая источник, утверждал, что казаки продолжали двигаться на Москву.

²⁹ Карпов В. Указ. соч. С. 158.

³⁰ Цивцивадзе И. Указ. соч. С. 110.

³¹ Чебарин А. С. Указ. соч. С. 108.

³² Исторический архив Омской области (ИА ОО). Ф. 54. Оп. 3. Д. 1. Л. 176.

³³ Карпов В. Указ. соч. С. 160.

Помимо казаков, находившихся в центре Москвы, и казаков из Каширы значительную опасность для революционных сил представляли казаки на Катуаре; за ними следили. 29 октября, во время уже начавшихся переговоров с комитетом 7-го полка, казаки из Катуара в составе двух сотен двинулись в центр города и потребовали, чтобы патрули большевиков пропустили их к Кремлю; получив отказ, казаки вернулись обратно. При наступлении ночной темноты казаки двумя сотнями попытались вновь пробраться в центр. Но на Садовнической улице они оказались запертыми с двух концов улицы и перекрестков заранее спрятанными заставами большевиков. Начавшийся обстрел создал в рядах казаков панику, а появление артиллерии убедило их сдаться в плен. Участник событий большевик Я. Пече в своих воспоминаниях отмечал, что в результате этого столкновения «мы получили 200 лошадей, винтовок, шашек и пик и немедленно использовали их для укрепления нашей конной разведки»³⁴. Сюжет описанный Я. Пече пока не нашел подтверждения в других источниках, что делает информацию уникальной, а к названному количеству трофеев, вероятно, стоит отнестись критически.

Ввиду противоречивости некоторых сведений, не до конца ясно, сколько казаков после ареста на Садовнической улице оставалось на Катуаре. Так или иначе, но наличие в тылу боеспособной группы казаков продолжало нервировать замоскворецких рабочих³⁵, поэтому рабочие соседних фабрик, «кто с оружием, кто с бомбами, у кого что было»³⁶, прибыли на фабрику Катуар. Выбранная делегация со стороны рабочих предложила казакам сдать оружие. К большому удивлению рабочих, казаки согласились сдать винтовки (около 200 шт.) и патроны при условии сохранения им собственных шашек и выдаче фуража лошадям. События на Катуаре отчасти решали проблему восставших с казаками, но казачьи сотни из Каширы продолжали создавать реальную угрозу, и пока с ними шли переговоры, рабочие рыли окопы, делали провололочные заграждения, устанавливали орудие и расставляли пулеметы³⁷.

В это же время, судя по данным московской большевистской периодики (29 октября 1917 г.), понимая, что перевес в военной силе на стороне большевиков и не желая воевать, в Московский ВРК явились делегаты казаков, воюющих в центре города, заявив, что они в числе более 100 человек прекращают вооруженное сопротивление и подчиняются Совету³⁸.

31 октября 1917 г., спустя два дня после начала переговоров с казаками из Каширы, был оформлен договор об их нейтралитете. Договоренности согласовали между собой комитет 7-го Сибирского казачьего полка и Замоскворецкий ВРК. Подписан договор в 9 часов утра 1 ноября в Москве. От полкового комитета его подписали: председатель — есаул Шевелев; секретарь —

³⁴ Пече Я. Я. Красная гвардия в Москве в боях за Октябрь. М.; Л., 1929. С. 145–146.

³⁵ Цивцивадзе И. Указ. соч. С. 109.

³⁶ Чебарин А. С. Указ. соч. С. 78.

³⁷ Там же.

³⁸ События в Москве // Социал-демократ. 1917. 31 октября. № 196. С. 2.

вахмистр Подкидышев. Казаки обязались не вмешиваться в «активную борьбу происходящей гражданской войны»³⁹. Согласно договору, все сотни и команды, не принимавшие активного участия в борьбе, выводились из города с обозами и имуществом. Арестованным и задержанным казакам и офицерам, должны были возвратить отобранное оружие, лошадей, имущество, а взамен утерян-ного возместить их стоимость. Казаки, находящиеся в Кремле, как сдавшие-ся, так и активно боровшиеся, также должны были отправиться в свой полк без совершения над ними насилия или самосуда⁴⁰. В свою очередь, Замоскво-рецкий ВРК обязался выполнять требования казаков, настаивающих на том, чтобы: «1) части революционной армии не заходили в район расположения полка; 2) освобождение лиц и частей, указанных в 1 и 2 пунктах, произвести немедленно, оградив их от всяких нападений с чьей бы то ни было стороны; все освобожденные должны быть до полка сопровождаемы представителями ВРК; 3) не привлекали бы на свою сторону как отдельных лиц, так и целых казачьих частей, основываясь на занятой нами позиции в отношении граждан-ской войны; 4) всякое выступление казаков других частей не должны отзы-ваться на казаках 7-го Сибирского казачьего полка; 5) все могущие возникнуть недоразумения между революционной армией и 7-м казачьим полком должны разрешаться встречей делегатов обеих сторон; 6) о всяком выступлении сторон, выступающая сторона должна предупредить противную сторону»⁴¹.

Подписанное соглашение и объявление нейтралитета не гарантировало казакам, продолжавшим находиться в центре Москвы, возможности присоеди-ниться к своему полку. Юнкеры не собирались отпускать казаков; казачья сотня, находившаяся в Александровском военном училище, была арестована юнкерами и, по сути, находилась некоторое время в плену⁴². Но процесс вывода казаков из Москвы и ее окрестностей уже начался. Вечером 2-го ноября члены ВРК обеспечивали безопасный выход казаков из города на фабрике Катуар и на станции Павелец-товарный, где происходила погрузка казаков на поезд⁴³ для отправки их в Каширу.

Достижение компромисса между казачьим комитетом и Замоскворецким ВРК создало условия для налаживания сотрудничества казаков с революцион-ными органами. Два делегата от 7-го полка — Е. Ваганов⁴⁴ и Д. Грибанов-ский — были направлены в Центральный и Замоскворецкий советы рабочих

³⁹ ГАРФ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 14; Московский военно-революционный комитет. Октябрь — ноябрь 1917 г. М., 1968. С. 91–92.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 14–14 об.

⁴¹ Октябрьское восстание в Москве: сб. документов, статей и воспоминаний. М., 1922. С. 197–198.

⁴² Чебарин А. С. Указ. соч. С. 87; Казаки // Социал-демократ. 1917. 2 ноября. № 198. С. 2.

⁴³ ГАРФ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 171.

⁴⁴ В тексте источника указан Е. Виганов. Возможно, в написании фамилии — опечатка: в спи-сках сибирских казаков такая фамилия не встречается, а фамилия Ваганов достаточно распространенная.

и солдатских депутатов и на общее собрание полковых комитетов Московского гарнизона. Основные задачи, стоявшие перед представителями полка, заключались в ознакомлении с общей работой советов, информировании полка о событиях в Москве, а также в возвращении имущества и оружия, отобранного у казаков при их аресте на фабрике Катуар и в других местах⁴⁵.

5 ноября 1917 г. на заседании ВРК были заслушаны заявления представителей 7-го Сибирского казачьего полка. Делегаты заявили о преданности их полка Советам и что «делегировавшие их, как один человек встанут на защиту интересов трудового народа»⁴⁶. Согласно заключенному перемирию представители 7-го полка просили ВРК оказать помощь по выводу из Кремля оставшихся там казаков с обеспечением их безопасности (без «насилия и оскорбления»). После сбора всех казаков полка они, в свою очередь, обязались немедленно сесть в поезд и отбыть в Каширу⁴⁷, о чем и было проинформировано население Москвы в газетах⁴⁸.

Пытаясь удалить казаков подальше от Москвы, комиссар по военным делам Московского военного округа Н. И. Муралов предписывал отправить 7-й Сибирский казачий полк в Сибирь; в свою очередь, командующий Сибирской казачьей дивизией генерал-майор И. С. Ефтин ходатайствовал перед армейским начальством о присоединении полка к дивизии и перевозке его в район Минска⁴⁹. В результате после недолгих споров, в силу стремления новой власти отправлять казаков с фронта домой, 7-й Сибирский казачий полк вернулся в Омский военный округ в начале декабря 1917 г.

Заключение. Таким образом, сибирские казаки стали участниками внутреннего вооруженного конфликта в Москве. На протяжении короткого периода боев в городе их позиция эволюционировала от активного участия на стороне антибольшевистских сил до подписания договора о нейтралитете. Нежелание сибирских казаков воевать и принятие нейтралитета в самый разгар вооруженной борьбы в некоторой степени повлияло на ослабление антибольшевистских сил и на итог вооруженной борьбы в Москве, которая в совокупности с другими факторами, закончилась победой большевиков.

Литература

1. Владимирова В. Ф. Контрреволюция в 1917 г. (корниловщина). М.: Красная новь, 1924. 224 с.
2. История Гражданской войны в СССР. Т. 2. Великая пролетарская революция (октябрь – ноябрь 1917 года) / сост. Г. Ф. Александров и др. М.: Политиздат, 1943. 677 с.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 15, 21; Московский военно-революционный комитет. Октябрь – ноябрь 1917 г. М., 1968. С. 91–92.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 20. Л. 115; Отношение казаков к революции // Социал-демократ. 1917. 7 ноября. № 202. С. 2.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.

⁴⁸ Отношение казаков к революции // Социал-демократ. 1917. 7 ноября. № 202. С. 2.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 13. Л. 187–187 об.

3. Клименко В. А. Борьба с контрреволюцией в Москве. 1917–1920 гг. М.: Наука, 1978. 192 с.
4. Кондратьев В. Из истории Октябрьского вооруженного восстания в Москве // Военно-исторический журнал. 1971. № 11. С. 30–37.
5. Кузьмина Т. Ф. Борьба против корниловщины в Московском военном округе // Исторический опыт Великого Октября: К 80-летию лауреата Ленинской премии, акад. И. И. Минца. М.: Наука, 1975. С. 218–232.
6. Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот 1917 г. 2-е изд. London: Overseas Publ. Interchange, 1984. 390 с.
7. Минц И. И. История Великого Октября: в 3 т. Т. 3. Триумфальное шествие советской власти. М.: Наука, 1979. 904 с.
8. Френкин М. С. Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии: подготовка и проведение октябрьского мятежа 1917–1918 гг. Иерусалим: СТАВ, 1982. 400 с.
9. Октябрьские бои 1917 г. в Москве глазами очевидца. Из дневника П. Н. Вишнякова / вступ. ст., подгот. текста, коммент. В. В. Хутарева-Гарнишевского // Исторический вестник. 2021. Т. 38. С. 212–239. <https://doi.org/10.35549/HR.2022.2021.38.007>
10. Чебарин А. С. Октябрьские бои 1917 года в Москве. М.: Московский рабочий, 1939. 133 с.
11. Щагин Э. М. Вновь о малоизвестных фактах из истории большевистского вооруженного восстания в Петрограде и Москве осенью 1917 г. // Преподаватель XXI век. 2010. № 1-2. С. 216–236.
12. Юрьев А. И. Установление советской власти в Центральном промышленном районе России (конец октября – начало декабря 1917 г.) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 267–275.

References

1. Vladimirova V. F. The counterrevolution in 1917 (Kornilovshchina). Moscow: Krasnaya Nov, 1924. 224 p. (In Russ.).
2. History of the Civil War in the USSR. Vol. 2. The Great Proletarian Revolution (October – November 1917) / compiled by G. F. Alexandrov et al. Moscow: Politizdat, 1943. 677 p. (In Russ.).
3. Klimenko V. A. The fight against the counterrevolution in Moscow. 1917–1920. Moscow: Nauka, 1978. 192 p. (In Russ.).
4. Kondratiev V. From the history of the October Armed Uprising in Moscow // Military History Journal. 1971. № 11. P. 30–37. (In Russ.).
5. Kuzmina T. F. The fight against Kornilov's revolt in the Moscow Military District // Historical experience of the Great October Revolution: On the 80th anniversary of the Lenin Prize winner, academician I. I. Mints. Moscow: Nauka, 1975. P. 218–232. (In Russ.).
6. Melgunov S. P. How the Bolsheviks grabbed power: The October Revolution of 1917. 2nd ed. London: Overseas Publ. Interchange, 1984. 390 p. (In Russ.).
7. Mints I. I. History of the Great October Revolution: in 3 vols. Vol. 3. The triumphant march of soviet power. Moscow: Nauka, 1979. 904 p. (In Russ.).
8. Frenkin M. S. The Bolshevik seizure of power in Russia and the role of the army's rear garrisons: preparation and implementation of the October uprising of 1917–1918. Ierusalem: STAV, 1982. 400 p. (In Russ.).

9. The battles of October in Moscow: Through witness' eyes [From the diary of P. N. Vishnyakov] / introduction article, preparation of the text and comments by V. V. Hutarev-Garnishevsky // The Historical Reporter. 2021. Т. 38. P. 212–239. <https://doi.org/10.35549/HR.2022.2021.38.007> (In Russ.).
10. Chebarin A. S. The October battles of 1917 in Moscow. Moscow: Moskovsky Rabochy, 1939. 133 p. (In Russ.).
11. Schagin E. M. Some more notes on little-known facts from the history of the Bolshevik armed uprising in Petrograd and Moscow in the autumn of 1917 // Prepodavatel XXI vek. 2010. № 1-2. P. 216–236. (In Russ.).
12. Yuryev A. I. The establishment of Soviet power in the Central Industrial Region of Russia (late October – early December 1917)] // Izvestiya of Tula State University. Humanities. 2013. № 2. P. 267–275. (In Russ.)

Научная статья

УДК 929

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-262-65-84

Галкин Тимур Олегович

кандидат исторических наук

Коломенско-Зарайский государственный музей-заповедник

Зарайск, Россия

timyrgalkin@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9743-2237

НОВЫЕ ФАКТЫ О ЖИЗНИ И РАБОТЕ АРХЕОЛОГА А. В. ДМИТРИЕВСКОЙ

Аннотация. Поводом к написанию данной работы стали новые выявленные в архивах документы о жизни и научной деятельности Ангелины Васильевны Дмитриевской, забытой ученицы Василия Алексеевича Городцова, одной из «Тотема лягавой лягушки», исследовательницы Зарайска и Зарайского уезда, древнерусского Городеска, сотрудницы Российского исторического музея, Эрмитажа, Института истории материальной культуры, Орловского государственного музея имени И. С. Тургенева, духовной дочери орловского юродивого Афанасия Андреевича Сайко.

Ключевые слова: А. В. Дмитриевская, В. А. Городцов, Институт истории материальной культуры, археология, Зарайск, Украина, Орел.

Для цитирования: Галкин Т. О. Новые факты о жизни и работе археолога А. В. Дмитриевской // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2026. № 2 (62). С. 65–84. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-262-65-84>

Original article

UDC 929

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-262-65-84

Galkin Timur O.

Candidate of Historical Sciences

The State Kolomna and Zaraysk museum-reserve

Zaraysk, Russia

timyrgalkin@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9743-2237

NEW FACTS ABOUT THE LIFE AND WORK OF THE ARCHAEOLOGIST A. V. DMITRIEVSKAYA

Abstract. This article is based on recently discovered archive documents about Angelina Dmitrievskaya personal life as well as scientific activity. She is a long forgotten disciple of Vasily Gorodtsov and one of the famous Kicking Frog tribe. Her research included Zaraysk and Zaraysk county, ancient Gorodetck. Her career included such workplaces as Hermitage, Institute of the History of Material Culture, Russian Historical Museum, Turgenev

state museum in Oryol. She is also known as the spiritual follower of Oryol religious guru Afanasii Sayko.

Keywords: A. V. Dmitrievskaya, V. A. Gorodtsov, Institute of the History of Material Culture, archeology, Zaraysk, Ukraine, Orel.

For citation: Galkin T. O. New facts about the life and work of the archaeologist A. V. Dmitrievskaya // MCU Journal of Historical Studies. 2026. № 2 (62). P. 65–84. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-262-65-84>

Введение. Данная статья является продолжением нашей работы по изучению биографии и научной деятельности московского и ленинградского археолога Ангелины Васильевны Дмитриевской (1901 – после 1967)¹.

Ангелину Васильевну Дмитриевскую сложно назвать известным исследователем или человеком, который оставил заметный след в истории отечественной археологии 1920–1940-х гг. Однако она была и остается единственным исследователем ранней советской эпохи, которая занималась раскопками в Зарайске и Зарайском уезде, и тем ценна ее деятельность для локальной истории археологической науки.

Как мы уже отмечали, А. В. Дмитриевская была одноклассницей большого количества замечательных археологов, учеников Василия Алексеевича Городцова², многие из которых внесли значительный вклад в развитие отечественной науки о древностях. Частично об этом будет сказано ниже. Иногда судьба оказывается несправедливой к тем, кто, может быть, и не создал фундаментальных научных работ, но тем не менее оставался скромным тружеником науки и незримо вершил свой научный и гражданский подвиг. Наша задача как исследователей истории отечественной археологии — пролить свет на жизнь и судьбу в том числе и таких незаметных, но незаменимых людей. Судьбе маленького человека и посвящена данная работа.

При изучении личности и научного творчества А. В. Дмитриевской мы сталкиваемся с рядом вопросов, начиная с даты ее рождения. В обобщающей работе «Академическая археология на берегах Невы», посвященной Институту истории материальной культуры (ИИМК) Российской академии наук, год рождения Ангелины Васильевны указан как 1901³, в примечаниях к опубликованной С. В. Кузьминых и И. В. Белозёровой переписке В. А. Городцова и Д. Н. Льва — тот же год⁴. Изучая

¹ Галкин Т. О. Ангелина Васильевна Дмитриевская: непростая судьба ученицы В. А. Городцова // Очерки истории отечественной археологии. Вып. VI. М., 2022. С. 389–397; *Его же*. «Она по специальности археологичка»: работы А. В. Дмитриевской в 20-е – 30-е гг. XX века // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов): материалы Международной научной конференции / отв. ред. И. А. Сорокина. М., 2021. С. 23–24.

² Галкин Т. О. Ангелина Васильевна Дмитриевская: непростая судьба ученицы В. А. Городцова. С. 389–397.

³ Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН: 1919–2014 гг.). СПб., 2013. С. 345.

⁴ Кузьминых С. В., Белозёрова И. В. Переписка А. В. Городцова и Д. Н. Льва (1933–1941 гг.) // Stratum Plus [Фрагменты доистории]. 2014. № 1. С. 229–294.

биографию исследовательницы, мы тоже ориентировались на 1901 г. Однако в многотомном труде, посвященном жителям блокадного Ленинграда «Они пережили блокаду», была указана дата 1903 г.⁵ Учитывая огромный труд исследователей, нет ничего удивительного, что в некоторых случаях мы можем наблюдать опечатки. Однако год рождения А. В. Дмитриевской в настоящий момент точно установлен благодаря следующим архивным документам. Во-первых, это личное дело, хранящееся в архиве ИИМК РАН⁶; во-вторых, это домовая книга прописки граждан по адресу: ул. Плеханова, д. 5, где указан год рождения и место проживания: 1901, г. Зарайск, Рязанской губернии, — а также семейное положение: «состоит в браке»⁷. В-третьих, это «Списки рабочих и служащих предприятий Василеостровского района, награжденных медалью “За оборону Ленинграда”»⁸ и акт вручения медали «За оборону Ленинграда» рабочим и служащим предприятий и учреждений Василеостровского района⁹. Таким образом, дата рождения Ангелины Васильевны Дмитриевской установлена максимально достоверно — 23 июля 1901 г.

Наконец, необходимо сказать несколько слов о самой фамилии. В современной огласовке она передается как Дмитриевская. Так указано во всех публикациях, и так будем писать мы. Точно так же Ангелина Васильевна подписывала свои отчеты. Однако в ряде официальных документов (прописка, домовая книга, некоторые публикации), а особенно в источниках частного происхождения (письма, воспоминания, черновики отчетов) фамилия пишется как Дмитревская, в украинском варианте как Дмитревська. Фамилия отца изначально указана как Димитриевский (что правильно с точки зрения дореволюционной орфографии). В своем написании мы будем придерживаться современного устоявшегося написания, при цитировании документов — так, как указано в них.

Ход и результаты исследования. Ангелина Васильевна Дмитриевская родилась 23 июля 1901 г. в селе Троице-Пеленицы Спасского уезда Рязанской губернии в семье сельского священника Василия Филипповича Дмитриевского (1875–1938)¹⁰ и Марии Михайловны Дмитриевской, в девичестве — Селезневой (1882 – после 1952). В начале XX в. семья переехала в Зарайск, где отец служил

⁵ Они пережили блокаду. Т. 3: Г – Е: (Герасимов [Владимир Петрович, род. 23.11.1931] – Евсеева [Александра Алексеевна, род. 08.02.1915]) / [редкол.: пред. Ржаненков А. Н. и др.]. СПб., 2004. С. 407.

⁶ Научный архив Института истории материальной культуры. Рукописный отдел (НА ИИМК РАН. РО). Ф. 35. Оп. 5. Д. 94.

⁷ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-7965. Оп. 118. Д. 2702. Л. 104.

⁸ Там же. Ф. Р-7384. Оп. 38. Д. 19. Л. 169.

⁹ Там же. Д. 882. Л. 239.

¹⁰ В. Ф. Дмитриевский был арестован 20 февраля 1938 г. Особой тройкой УНКВД Ленинградской области 10 марта 1938 г. приговорен по ст. 58-10 к высшей мере наказания. Расстрелян в Ленинграде 12 марта 1938 г. (Ленинградский мартиролог, 1937–1938: Книга памяти жертв политических репрессий / [редкол.: А. Я. Разумов (отв. ред.) и др.]. Т. 9: Март – апрель 1938 года. СПб., 2008. С. 145).

священником (с 1905 г.) в Никольском соборе Зарайского кремля. Во время учебы А. В. Дмитриевской в Москве ее семья оставалась в Зарайске. Сама она в 1928 г. переезжает в Ленинград¹¹.

С 2022 г., когда была написана первая статья, посвященная А. В. Дмитриевской, стала известна точная дата ее рождения, подтвердилось предположение о том, что она происходит из семьи священнослужителей, появилась информация, что она состояла в браке и у нее было две младшие сестры. Одна из них, согласно личному делу А. В. Дмитриевской, работала машинисткой в Ленинграде¹². Вторая — Мария Васильевна (род. 08.03.1906) — упоминается среди участников археологических раскопок, проводимых в Зарайском уезде в 1925 г. А. В. Дмитриевской. Археолого-этнографический отдел, организованный в музее в 1925 г., указывал на проведении в том же году «археологических р-т в составе: А. В. Дмитриевской, И. П. Перлова, Н. И. Ирошникова, Н. Н. Печенкина, В. Полозова, М. М. Насилова, М. В. Дмитриевской, Б. В. Петрова и И. А. Арбекова»¹³. Мария Васильевна проживала в Ленинграде сначала по ул. Петропавловской, д. 6, кв. 30. Она работала зубным техником в поликлинике № 26¹⁴, была замужем, имела дочь. Позднее М. В. Дмитриевская переехала на ул. Герцена 14/15, кв. 37, где в 1934 г. собралась вся семья. Судя по записи в домовоей книге, с 1945 по 1948 г. она находилась в Орле, откуда вернулась в Ленинград и была прописана по адресу: ул. Плеханова, д. 5, кв. 1, где и прожила, по всей видимости, до конца жизни¹⁵. Именно к ней после 1967 г. и вернулась А. В. Дмитриевская из Орла¹⁶.

Атмосфера старого провинциального Зарайска, «дышащего историей» в стенах древнего кремля, возможно, и побудила Ангелину Васильевну Дмитриевскую выбрать стезю археолога и стать ученицей профессора В. А. Городцова. Однако сначала ей пришлось поработать библиотекарем культпросветкомитета при фабрике Центросоюза в Зарайске, откуда общим собранием фабрики она была командирована для обучения в вузе¹⁷.

¹¹ Информация о семье А. В. Дмитриевской, ее детстве и родственных связях, безусловно важных для понимания формирования личности исследовательницы, несколько выходит за рамки данной работы и при благоприятном исходе будет опубликована отдельно.

¹² НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 94. Л. 3.

¹³ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 54. Ед. хр. 898. Л. 86.

¹⁴ ЦГА СПб Ф. Р-7965 Оп.118. Д. 358. Л. 76.

¹⁵ Там же. Д. 2702. Л. 109.

¹⁶ «После похорон, недели через две, Ангелина Васильевна возвратилась на станцию Снежетьская в опустевший домик. Но жить там без Афанасия Андреевича не смогла, то-сковала. Раздала она иконы и вещи блаженного добрым людям, а сама уехала в Ленинград к сестре, там вскоре и умерла. Очень ей хотелось перезахоронить Афанасия Андреевича в Ленинграде, но митрополит Палладий не разрешил, да и сам блаженный говорил: “Только в Орле”» (Житие Христа ради юродивого Афанасия Андреевича Сайко // Православная газета совета настоятелей храмов г. Орла. 2003. № 11).

¹⁷ НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 94. Л. 1.

Поступив в 1922 г. на факультет общественных наук (ФОН) 1-го МГУ, А. В. Дмитриевская оказалась в живой и творческой атмосфере учеников В. А. Городцова первой советской генерации. В ходе студенческой практики молодые археологи выезжали со своим учителем на раскопки разнообразных памятников: вятических курганов Подмосковья (Мякининские курганы¹⁸), Туровского (Галичского) поселения и иных, — проводили самостоятельные маршрутные разведки. В архиве В. А. Городцова в отделе письменных источников (ОПИ) ГИМ сохранились фотографии с этих раскопок, на которых присутствует и А. В. Дмитриевская¹⁹. Привлечение студентов к археологическим раскопкам было важным обучающим методом Городцова. Как писал Д. А. Крайнов, «втягивание в работу студентов младших курсов, которые на этих простых памятниках (археологических) могли бы привыкнуть к полевой работе»²⁰.

Важно отметить, что со своими учениками Городцов занимался практическим освоением типологического метода²¹. Квалификационная работа А. В. Дмитриевской называлась «Зеркала металлического периода по открытым залам Российского исторического музея» и была сдана 3 июня 1924 г.²² Ангелина Васильевна писала: «Задача моей работы — проработка типологическим методом металлических зеркал открытых зал Российского Исторического музея (за исключением коллекции проф. Самоквасова)»²³.

А Алексей Петрович Смирнов, в будущем известный археолог, доктор исторических наук, который был напарником Ангелины Васильевны в первой самостоятельной разведке в 1923 г., проведенной по притокам Москвы-реки²⁴, в подзаголовке своей квалификационной работы даже отдельно указал это: «Ножи открытых зал Российского Исторического Музея / типолог.[ический] метод/ Студент археол. отд. 1. М.Г.У. Смирнов Алекс.[ей] Петр.[ович]»²⁵.

После окончания ФОН 1-го МГУ ученики Городцова в составе: А. П. Смирнова (руководитель), П. А. Дмитриева, М. Е. Арсаковой, Е. М. Витвицкой,

¹⁸ Раскопки под руководством В. А. Городцова были проведены 18 мая 1924 г. Позднее их результаты были опубликованы М. В. Городцовым в сборнике РАНИОН, посвященном сорокалетию юбилею В. А. Городцова (*Городцов М. В. Вятические курганные погребения близ дер. Мякининой Московской губернии и уезда // Труды секции археологии Ин-та археологии и искусствознания РАНИОН. Т. IV. М., 1928. С. 542–558*), а в 2018 г. в связи с полной публикацией материалов спасательных археологических работ Подмосковной экспедиции Института археологии РАН републикованы (Мякининские курганы. Мякининский археологический комплекс в Подмосковье. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 21 / Энговатова А. В. и др. М., 2018. С. 312–322).

¹⁹ Кузьминых С. В., Белозёрова И. В. Институт археологии и естествознания РАНИОН в судьбах отечественной археологии // *Поволжская археология*. 2018. № 1 (23). С. 324, 325. Рис. 2, 3.

²⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 104. Л. 18.

²¹ Там же. С. 323.

²² Там же. Ед. хр. 105. Л. 57.

²³ Там же. Л. 58.

²⁴ Жук А. В. В. П. Левашева и доминусинский период ее деятельности. I. Семья, университет // *Вестник Омского университета*. 2001. № 3 (21). 2001. С. 63.

²⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 105. Л. 114.

А. В. Дмитриевской, В. П. Левашевой и Е. Н. Липеровской — отправились в свою самостоятельную крупную разведку в автономную область Коми с 14 по 29 июня 1925 г.²⁶ Мы уже писали об этом²⁷, однако новые данные позволяют уточнить некоторые аспекты. Основные результаты этих работ отложились в личном фонде А. П. Смирнова в ОПИ ГИМ (ф. 496). Там сохранился дневник археологических раскопок, произведенных близ селения Вандвизино Усть-Вымского уезда автономной области Коми на правом берегу р. Вычегды, а также черновик текста доклада «Ванвизинская дюнная стоянка» и карандашный набросок плана стоянки²⁸. Примечательно, что доклад о Ванвизинской стоянке был прочитан на заседании Общества друзей Исторического музея (ОДИМ, 1918–1930) в 1925 г. В этом же году членов ОДИМ со своими работами в Зарайском уезде Рязанской губернии ознакомила и А. В. Дмитриевская²⁹. К сожалению, ни текста доклада, ни упоминаний о том, когда он был прочитан, найти не удалось. Впрочем, А. В. Дмитриевская, по всей видимости, состояла членом ОДИМ и ранее. Из публикации О. А. Силаевой нам известно о состоявшемся 20 марта 1925 г. коллективном докладе о результатах раскопок летом 1924 г. в Звенигородском, Подольском и Московском районах, где выступали ученики Городцова: Л. А. Евтюхова, А. В. Арциховский, М. Е. Арсакова, В. П. Левашева, Е. Н. Липеровская, М. Е. Фосс, А. Я. Брюсов, А. П. Смирнов³⁰. Участвовала в этих разведках и Дмитриевская. В архиве ИИМК РАН есть отчет 1924 г. о составлении археологической карты рек Малой Истры и Молодильни с притоками, авторами которого значатся Л. А. Евтюхова и А. В. Дмитриевская³¹. Все это позволило им получить необходимый полевой опыт. Интересно, что А. В. Дмитриевская работала с Л. А. Евтюховой и позднее, при сборе подъемного материала на дьяковском городище у д. Прислон Ленинского уезда Московской губернии³². «Ещё летом 1926 года, при обследовании мною и А. В. Дмитриевской этого городища, на отсыпи было собрано большое количество каменных орудий, немного костяных и обломки глиняной посуды Дьяковской культуры»³³.

Укажем на еще один достаточно известный для исследователей ранней советской археологии факт: ученики Городцова были достаточно дружны

²⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 496. Ед. хр. 1. Л. 39.

²⁷ Галкин Т. О. Ангелина Васильевна Дмитриевская: непростая судьба ученицы В. А. Городцова. С. 391.

²⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 496. Ед. хр. 1. Л. 31–59.

²⁹ Дмитриевская А. В. Палецкие курганы // Советская археология. Вып. IV. М.; Л., 1937. С. 297. Сноска 1: «По докладу А. В. Дмитриевской в Обществе друзей Исторического Музея в Москве, 1925 г.».

³⁰ Силаева О. А. Общество друзей Исторического музея (1918–1930 гг.) // Музей и власть. Ч. II. Из жизни музеев / отв. ред. С. А. Каспаринская. М., 1991. С. 104–123.

³¹ НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1924. № 177.

³² Сейчас Кимрский район Тверской области.

³³ Евтюхова Л. А. Городище у деревни Прислон // Труды Секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. Т. IV. В. А. Городцову к 40-летию юбилею научной деятельности. М., 1928. С. 213.

и в неформальной обстановке. Они объединились в шуточный «Тотем лягавой лягушки», где главой тотема, вождем и собственно «лягушкой» выступал сам Василий Алексеевич Городцов. В работе И. Л. Кызласовой с опорой на неопубликованные воспоминания Петра Борисовича Юргенсона (1903–1971) читаем: «Все ученики Городцова составляли шуточный “клан”. Его предводителем был сам В[асилий] А[лексеевич] с тотемным прозвищем “лягушка”. Прозвища имели и все члены клана. Брат поэта В. Брюсова — А[лександр] Я[ковлевич] (лет 40) звался “Хвост”. А[ртеми] В[ладимирович] (теперь давно профессор) — “Махайродус”, или просто “Махай”, — за крепкие челюсти и отрывистый рыкающий бас. Были: “Монтлизни”, “Топор”, “Отжимник”, “Отбойник”, “Истра”, “Верблюд” и т. д. Друг друга так и звали. Раскапывали курганы славянских культур X–XII века»³⁴. Как определила И. Л. Кызласова, «Топор» — это В. П. Левашева, «Отжимник» — Л. А. Евтюхова, «Отбойник» — Е. Н. Липеровская (в замужестве Дмитриева), «Тритон» — П. А. Дмитриев, «Верблюд» или «Верочка» — С. В. Киселев³⁵, «Маймуня» — М. Е. Фосс³⁶, М. В. Городцов — «Крокодил», А. П. Смирнов — «Гусь». Кому принадлежали прозвища «Монтлизни», «Сюльгама» и «Истра», установить не удалось, но мы предполагаем, что после разведки, проведенной по первому открытому листу совместно с Л. А. Евтюховой — «Отжимником», — прозвище «Истра» вполне могло утвердиться за А. В. Дмитриевской, что, правда, не укладывается в логику присваивания «тотемных кличек» (если она, конечно, была). Так, Л. Ю. Китова пишет, что «Все имели прозвища (женщины от орудий труда, мужчины от животных)»³⁷. Впрочем, тогда в эту логику не укладывается ни прозвище М. Е. Фосс «Маймуня» — от разговорного армянского «меймун» — человек, ведущий себя как обезьяна, ни загадочное «Монтлизни», объяснение которого найти так и не удалось.

После окончания института в начале лета 1925 г. А. В. Дмитриевская начинает активную деятельность, связанную с раскопками в Зарайском уезде Рязанской губернии. В круг ее интересов попадают славянские курганные могильники, городища раннего железного века, славянские селища, неолитические стоянки. В Зарайском краевом музее она встречает команду единомышленников, увлеченных археологией, среди которых первый директор музея, краевед и историк И. В. Перлов, а также Н. В. Ирошников — фотограф музея, энтомолог и археолог³⁸. Возможно, на выбор объектов исследования повлияли

³⁴ Кызласова И. Л. Об археологе В. П. Левашевой и ее отце, протоиерее П. Н. Левашеве // Человек и древности: Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / отв. ред. С. И. Каменецкий, А. Н. Сорокин. М., 2010. С. 760.

³⁵ Там же. Сноски 32–34.

³⁶ Там же. С. 758. Сноска 25.

³⁷ Китова Л. Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): изучение памятников эпохи металла. Новосибирск, 2007. С. 130–131.

³⁸ Николай Васильевич Ирошников (23 (11).11.1902 – 02.12.1938) — сотрудник Зарайского краевого музея, фотограф, археолог, энтомолог. Осужден за участие в контрреволюционной

и лекции В. А. Городцова, который, как известно, летом 1895 г. обследовал археологические памятники Белёвского, Зарайского, Спасского и Рязанского уездов и, скорее всего, рассказывал об этом в неформальных беседах со своими учениками³⁹.

Перлов в неизданном третьем выпуске «Трудов Зарайского краевого музея» так писал об этом времени: «Зарайский краевой музей старался восполнить картину Рязанских исследований путем археологических раскопок памятников эпохи ранней и средней поры неолита, в 1925–26 годах произвел ряд работ, позволивших не только открыть в музее археологический отдел — такой важный для Зарайского края, но и до известной степени связать разрозненные звенья Рязанских исследований конца XIX в. Материалы этих раскопок, проводившихся под руководством археолога А. В. Дмитриевской, составляют наиболее ценные коллекции Зарайского музея, перспектива развития коего в будущем упирается, в силу обстановки, к старому изучению археологии местного края по преимуществу»⁴⁰.

В 1925–1926 гг. А. В. Дмитриевская провела раскопки на Палецком городище раннего железного века⁴¹. «Весной 1925 г. на средства Музея в Зарайском уезде организованы были раскопки археологических памятников, обследование уезда в археологическом отношении и составление археологической карты. Были раскопаны и обследованы следующие памятники: 1. Курган близ с. Апонитищи /дача Потоловского/ XI в. 2. Курган близ села Дятлово /в 5 верст от Зарайска/ XI в. 3. Полецкое⁴² городище /близ деревни Аксеновки Луховической волости/ III и XI вв. Были обмеряны, обследованы и нанесены на карту следующие памятники: 1. Группа курганов около Полецкого городища на берегу р. Оки⁴³. 2. Власьевский городок /около д. Власьево/. 3. Большое городище /около Апонитищ/. 4. Городок /Там же/. 5. Алпатьевский городок /в с. Алпатьево/.

Раскопки проводила археолог Ангелина Васильевна Дмитриевская при ближайшем сотрудничестве и участии И. П. Перлова и Н. И. Ирошникова»⁴⁴.

эсеро-меньшевистской организации и антисоветской агитации 26 марта 1938 г. Расстрелян 2 декабря 1938 г. в Магадане. См.: Центральный государственный архив министерства обороны (ЦГАМО). Ф. 103. Оп. 1. Д. 36. Л. 279).

³⁹ *Стрижова Н. Б.* Диалог археологов: из переписки П. С. Уваровой и В. А. Городцова (по материалам ОПИ ГИМ) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 242. М., 2016. С. 248.

⁴⁰ *Перлов И. П.* Материалы для археологической карты Зарайского уезда // Труды Зарайского краевого музея. Вып. III. НА РИМЗ. Ф. ЭА ОИРК. Д. 518. Л. 2.

⁴¹ Рукопись статьи по результатам этих работ, объемом 1 а. л. была подготовлена, но не опубликована (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 94. Л. 27). В настоящее время место ее нахождения неизвестно.

⁴² Так в документе. Современное название памятника, отраженное в «Археологической карте России. Московская область. Ч. 4», — Палецкое городище.

⁴³ На самом деле на берегу р. Вобли, правого притока р. Оки. См. ниже.

⁴⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 898. Л. 84 об. — 85.

Отметим, что в этом же «Отчете о деятельности Зарайского музея за 1924–1925 гг.» Перлов упоминает о том, что Дмитриевская является научным сотрудником Российского исторического музея (впоследствии — Государственного исторического музея (ГИМ)). Многие одноклассники Дмитриевской действительно стали сотрудниками ГИМ, в их числе А. Я. Брюсов, П. А. Дмитриев, А. П. Смирнов и др.⁴⁵ А. В. Дмитриевская, как изначально и В. П. Левашева⁴⁶, проработала в ГИМе непродолжительное время (1924–1926) в качестве практикантки, о чем сохранилась запись в личном деле⁴⁷.

В Зарайском музее Дмитриевская задержалась на два месяца, готовя отчет и занимаясь «систематизацией и изучением добытого материала, поступившего в Зарайский музей»⁴⁸. Археолого-этнографический отдел музея, специально созданный для этих целей, пополнился 220 предметами из раскопок пунктов, указанных выше. Стоит отметить, что долгие годы материалы, добытые при раскопках Палецкого городища, оставались единственным материалом, по которому исследователи характеризовали быт и культуру населения городищ раннего железного века в окрестностях Зарайска, в бассейне р. Осетр. К этим материалам обращались П. Н. Третьяков и А. Л. Монгайт⁴⁹. В середине 1950-х коллекции из раскопок этого городища считались утерянными, и только повторные поиски в фондах музея, проведенные в 2001 г. А. С. Сыроватко, показали, что индивидуальные находки сохранились почти полностью⁵⁰. В ходе сверки коллекций в 2019–2024 гг. автором данной статьи были обнаружены новые индивидуальные находки, а также планшет керамики Палецкого городища, материалы которого были опубликованы⁵¹.

⁴⁵ Список наиболее выдающихся учеников профессора В. А. Городцова // Городцов Василий Алексеевич. Дневники. 1928–1944: в 2 кн. / Гос. ист. музей, Ин-т археологии РАН; отв. ред.: П. Г. Гайдуков, А. Д. Яновский; сост., авт. очерков, примеч., коммент. и указ.: И. В. Белозёрова, С. В. Кузьминых. Кн. 2. 1936–1944. Приложения. М., 2015. С. 557–558. Более подробно об учениках Городцова в ГИМ см.: Белозёрова И. В., Кузьминых С. В. Государственный исторический музей и становление советской археологии в 1920-е годы (по материалам отдела письменных источников ГИМ) // У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях: материалы Международной научной конференции / отв. ред. И. А. Сорокина. М., 2019. С. 10–13.

⁴⁶ Жук А. В. В. П. Левашева в доминусинский период ее деятельности. Государственный исторический музей. Прибытие в Омск // Вестник Омского университета. 2002. № 1. С. 59–61. Позднее Варвара Павловна Левашева вернется в Москву (1946 г.) и снова станет сотрудницей ГИМ, где проработает до 1968 г.

⁴⁷ НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 94. Л. 1.

⁴⁸ ОПИ ГИМ.Ф. 54. Ед. хр. 898. Л. 85 об.

⁴⁹ Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 32; Третьяков П. Н. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья // Из истории родового общества на территории СССР. М.; Л., 1935. С. 153. (Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 106).

⁵⁰ Сыроватко А. С. Коллекция Палецкого городища из фондов Зарайского краеведческого музея // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 212. М., 2001. С. 81–89.

⁵¹ Галкин Т. О. Коллекция керамики Палецкого городища (по архивным данным и музейным коллекциям) // XV Всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов

В 1926–1927 гг. упомянутый выше археолого-этнографический отдел Зарайского краевого музея проводил археологические исследования курганной группы, получившей в литературе название Палецкие курганы. В этой группе, состоящей из 11 насыпей, были изучены пять. Одна — в 1926 г.⁵² и четыре — в 1927-м. В отчете музея отмечалось: «Музеем были предприняты археологические раскопки курганов, которые представляли группу из 11 кург[анов] славянского погребального характера. Было вскрыто 4 кургана, которые дали 2 мужских и два женских погребения. При погребениях найдены керамика и вещи»⁵³. Спустя 10 лет А. В. Дмитриевская опубликует материалы этих раскопок в своей единственной крупной статье «Палецкие курганы»⁵⁴. Долгие годы считалось, что коллекция из раскопок этих курганов не сохранилась. Однако это не совсем так. На основании полного разбора музейных коллекций и сверки ее с архивными данными автору удалось в той или иной мере восстановить три из пяти комплексов, раскопанных в 1926–1927 г.⁵⁵

В том же 1927 г. были проведены археологические наблюдения за прокладкой водопровода в Зарайском кремле. Долгое время в музее хранились фотографии этих работ (музей «Зарайский кремль», книга поступлений: № 15381), однако не было четкого понимания, идет ли речь об упомянутых И. П. Перловым работах или о каких-то других.⁵⁶

Теперь мы можем достоверно установить, что речь шла о раскопках в самом кремле летом 1927 г.: «Во время водопроводных работ в кремле Музей имел наблюдение за производством работ на предмет определения кремля как археологического памятника. Эти наблюдения, проводимые под наблюдением археолога Дмитриевской, дали возможность определить положение рва перед восточной и западной стеной кремля, глубину бута у восточной стены. У восточной стены оказалось христианское кладбище, давшее погребения 16–17 вв. По всей линии водопроводных траншей идет культурный слой мощностью до 1 м. от построек, давших остатки керамики и вещи 17–18 века».⁵⁷

Еще чуть позднее, видимо ближе к концу лета (точная дата нам неизвестна), сотрудниками музея и Дмитриевской была проведена археологическая разведка, в ходе которой были выявлены или заново осмотрены известные

«Проблемы археологии Восточной Европы»: материалы конференции; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог, 2020. С. 130–135. Автор надеется, что при подготовке монографического исследования все разрозненные материалы удастся собрать и издать единым комплексом так, как они этого заслуживают.

⁵² НА ИИМК. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 171.

⁵³ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 898. Л. 130 об.

⁵⁴ Дмитриевская А. В. Палецкие курганы. С. 289–299.

⁵⁵ Выступление автора на ежегодном научном семинаре «Археология Подмосковья и сопредельных территорий», Москва, 19 февраля 2026 г.: Галкин Т. О. Палецкие курганы: к столетию открытия. Музейная коллекция и архивные материалы (в печати).

⁵⁶ Перлов И. П. Зарайские укрепления XVI–XVII вв. Зарайск, 1927. С. 11. (Труды Зарайского краевого музея. Вып. I).

⁵⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 898. Л. 130 об.

археологические памятники, среди них: стоянка каменного века (неолит) у д. Ловецкие Борки; стоянка на дюне «Большой лес», расположенная на дороге из Белоомута в Озерицы; курганная группа у с. Озерицы; городище, расположенное около с. Перевицкий Торжок (древнерусский Перевитск), и финский могильник, расположенный на территории с. Озерицы около усадьбы крестьянина В. И. Хромова. Относительно последнего было особо отмечено, что ввиду редкости обнаружения финских грунтовых могильников необходимо принять меры по его охране, особенно в связи с тем, что «около усадьбы Хромова берут песок и часть памятника уже разрушена»⁵⁸.

Это были последние полевые работы А. В. Дмитриевской в Зарайске. По всей видимости, в 1928 г. она выходит замуж и переезжает в Ленинград. Согласно записи в домовоей книге, мы узнаем, что в это время она нигде не работала и находилась на иждивении мужа — некоего Хохлова⁵⁹. Совершенно уникальное свидетельство этого периода жизни сохранилось в письме В. П. Левашевой В. А. Городцову, направленном из Омска в марте 1929 г. В нем Варвара Павловна пишет: «Поездкой в Ленинград очень довольна, там есть интересный материал из новых сибирских раскопок. Виделась с Дмитриевской, она немножко тоскует, что не приходится заниматься археологией, но утешается тем, что когда её муж окончит Ин[ститу]т и они наладят свою жизнь, то опять вернется к работе. Я всё агитировала её мужа, чтобы он ехал по окончании в Сибирь, чтобы здесь прибавился еще археолог в лице Ангелины Васильевны. Она шлет Вам большой-большой привет»⁶⁰.

По всей видимости, ходатайство В. А. Городцова в письмах Д. Н. Льву в 1934 г. и в январе 1935 г. об устройстве своей ученицы в археологический отдел Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (МАЭ)⁶¹ возымело успех, так как, согласно записи в личном деле, в 1934–1935 гг. Дмитриевская работала в Институте антропологии и этнографии АН СССР в должности научно-технического сотрудника⁶². Из МАЭ она увольняется по собственному желанию и переходит в Государственный Эрмитаж на должность научного сотрудника, где проработала до зимы 1941 г., откуда была уволена по сокращению штата.

25 июня 1942 г. А. В. Дмитриевская устроилась на работу в ИИМК на должность младшего научного сотрудника. Вот как она сама пишет об этом в письме к В. А. Городцову: «В институт я перебралась из Эрмитажа в военное время. Очень рада, что ваше здоровье теперь в лучшем состоянии. Буду счастлива хоть в чем-нибудь быть Вам полезной»⁶³.

⁵⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 898. Л. 130 об.

⁵⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-7965. Оп. 118. Д. 358. Л. 70. Муж уйдет на фронт в 1941 г. и погибнет в 1943 г. См.: НА РО ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 94. Л. 24.

⁶⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 411. Л. 22.

⁶¹ Кузьминых С. В., Белозёрова И. В. Переписка А. В. Городцова и Д. Н. Льва (1933–1941 гг.). С. 249–250; Галкин Т. О. Ангелина Васильевна Дмитриевская: непростая судьба ученицы В. А. Городцова. С. 393–394.

⁶² НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 94. Л. 1.

⁶³ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 395. Л. 39.

Оставшись в блокадном Ленинграде, Ангелина Васильевна принимала участие в работах, связанных с обороной Ленинграда: «Работала в VIII-41 г. на оборон.[ительных] сооруже[н]иях под Новгородом и в IX-42 г. на торфо-разработках ст. Шувалово».⁶⁴ Яркий, но короткий рассказ об этих работах оставила Елена Крапивина: «Продолжая беспомощно долбить лед, я думала только — скорее бы кончилась смена, скорее бы пойти в столовую, где хоть и не утолишь волчий голод, зато немного согреешься...»⁶⁵. Торфозаготовки были необходимы для отопления блокадного города. Множество женщин, занятых на этих работах, не пережили первую блокадную зиму. Однако А. В. Дмитриевской повезло. За эти работы 3 июня 1943 г. она была награждена медалью «За оборону Ленинграда» (серия и номер удостоверения — Л-32587)⁶⁶.

В ИИМКе Дмитриевская занималась подготовкой диссертации⁶⁷, работала над статьями⁶⁸, разбирала библиотеку и находки довоенных экспедиций⁶⁹. Особенно для нас интересен сюжет, связанный с попыткой помочь своему учителю, В. А. Городцову, в поисках рукописи статьи, отправленной в редакцию «Советской археологии» еще до войны. Мы не можем точно сказать, о какой работе идет речь. О. И. Бич в письме от 12 декабря 1943 г. писала: «В Лен.[инградском] Отделении Института Этнографии находится только одна Ваша рукопись “Результаты Волжской экспедиции 1926 г.”»⁷⁰. «...Относительно других рукописей сотрудники Института Этнографии ничего не знают. Высказали предположение, что м.[ожет] б.[ыть] о судьбе их что ниб[удь] знает бывшая их сотрудница В. П. Харламова⁷¹, которая перед началом войны сдавала рукописи в “Советскую археологию”. А. В. Дмитриевская, Ваша бывшая ученица ездила к Храмовой, но не нашла ее. Я написала Храмовой письмо, но ответа пока не получила. Когда придет ответ, я Вас извещу. В архиве И-та ист.[ории] мат.[ериальной] культ.[уры] Кроме тех пяти рукописей, о которых я Вам писала, есть ещё одна: “Отчет о раск.[опках] Елизаветинского городища

⁶⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 38. Д. 19. Л. 169.

⁶⁵ Крапивина Е. На болотах: Из записок торфушки // Нева. 1999. № 1. С. 201–204.

⁶⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 38. Д. 882. Л. 239.

⁶⁷ Тема диссертационного исследования: «Датировка русских курганов XI–XIII вв.» (НА РО ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 94. Л. 13).

⁶⁸ Полный список опубликованных и неопубликованных работ: НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 94. Л. 27.

⁶⁹ Галкин Т. О. Ангелина Васильевна Дмитриевская: непростая судьба ученицы В. А. Городцова. С. 394.

⁷⁰ Большая статья о результатах работ Волжской археологической экспедиции в 1925 г. так и не была опубликована (см.: Городцов Василий Алексеевич. Дневники. 1928–1944: в 2 кн. Кн. 2. 1936–1944. М., 2015. С. 79, 96: прим. 63).

⁷¹ Имеется в виду Валентина Васильевна Храмова (1900 – после 1960), секретарь редакции «Советской археологии» в 1937–1940 гг. Сотрудник Государственной академии истории материальной культуры в 1932–1935 гг., сотрудник МАЭ в 1935–1955 гг. Этнограф. Специалист по этнографии карел, западносибирских татар (см.: Историки Петрограда – Ленинграда (1917–1934): сетевой ресурс. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/2759-hramova-urozd-kurazeva-valentina-vasilevna.html?ysclid=mr1u84f25w374126038> (дата обращения: 26.06.2026)).

в окрестностях Краснодара в 1935 г. (машинопись, 8 л.)". Всего, следовательно, в ИИМК шесть рукописей. Они все доступны. Их можно переслать, если Вы хотите, в Московское отделение Архива Акад. Наук (т. к. они состоят на учете архива). В Москве Вы договоритесь с Моск.[овским] отд.[елением] архива, как ими пользоваться. Надеюсь, что пропавшие рукописи все же удастся разыскать»⁷².

Возможно, речь идет о работе «Раскопки “Частых курганов” близ Воронежа в 1927 г.», которая была опубликована в альманахе «Советская археология» в 1947 г., уже после смерти Городцова⁷³. Во всяком случае, именно о подготовке этого доклада к печати Городцов сделал запись в своем дневнике 19 февраля 1936 г.⁷⁴ Отдана она была, по всей видимости, в альманах «Советская археология», но была опубликована уже после смерти автора. Для нас важно то наблюдение, что А. В. Дмитриевская самоотверженно пыталась найти эту рукопись для своего учителя в условиях блокадного Ленинграда.

Судя по опубликованным Р. В. Васильевой письмам к О. И. Бич, сохранившимся в архиве ИИМК, А. В. Дмитриевская общалась с Я. В. Станкевич и подтверждала ее опыт работы археологом в ходатайстве последней о восстановлении на работе в Ленинградском отделении ИИМК⁷⁵. Вместе с О. И. Бич Дмитриевская помогала А. Л. Якобсону решать накопившиеся за время его отсутствия в блокаду дела с квартирой и с его возвращением в родной город: «Прежде всего искренне благодарю Вас и Ангелину Васильевну за помощь, которую Вы оказали мне в Ленинграде. Большое спасибо! <...> Горячий привет Вере Николаевне, Ангелине Васильевне, Лиле Кастанаевой. С 1 маем Вас!»⁷⁶.

В 1945 г. А. В. Дмитриевская участвовала в раскопках В. И. Равдоникаса в Старой Ладогe (с 5 по 19 сентября)⁷⁷. К сожалению, в обширной работе, посвященной этим раскопкам, о ее роли в исследовании столь знакового памятника отечественной археологии не упомянуто⁷⁸. Архивные поиски тоже пока не привели к положительным результатам.

Не очень понятно, когда Дмитриевская начинает работать над кандидатской диссертацией, связанной с древнерусскими курганами, но, судя по всему, в аспирантуре она начала учиться еще до прихода на работу в ИИМК и, скорее всего, у П. Н. Третьякова. Во время работы в Эрмитаже ею была подготовлена рукопись статьи «Остатки тканей из Костромских курганов из раскопок Ф. Д. Нефёдова»⁷⁹.

⁷² ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 380. Л. 25–27.

⁷³ *Городцов В. А.* Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа в 1927 г. // *Советская археология*. Вып. 10. М.; Л. 1947. С. 13–28.

⁷⁴ *Городцов Василий Алексеевич.* Дневники. 1928–1944: в 2 кн. Кн. 2. 1936–1944. М., 2015. С. 21.

⁷⁵ *Васильева Р. В.* «Устали скитаться. Пора домой...» // *Археологические вести*. 2005. № 12. С. 21.

⁷⁶ Там же. С. 24.

⁷⁷ НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 94. Л. 16.

⁷⁸ *Равдоникас В. И.* Старая Ладога (Из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.) // *Советская археология*. Т. 11. М.; Л., 1949. С. 9.

⁷⁹ НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 94. Л. 27.

В 2022 г. мы сделали предположение о том, что Дмитриевская начала свои работы на Украине в 1946 г. после назначения на пост директора Института археологии УССР П. П. Ефименко⁸⁰, который приглашал ленинградских археологов для работы, так как местные кадры или погибли во время войны, или ушли с оккупантами, или были репрессированы в 1930-е гг.⁸¹

В целом это предположение верно. Однако раскопки летописного Городеска Дмитриевская начала еще в 1940 г. в составе Славянской (Днепровской) экспедиции под руководством П. Н. Третьякова. «На одном из городищ X–XIII вв., расположенном на берегу Тетерева у с. Городска⁸², сотрудниками экспедиции А. В. Дмитриевской и И. М. Фещенко были произведены небольшие раскопки, во время которых были обнаружены остатки полуземляночного жилища XI в.»⁸³

Дмитриевская вернулась к исследованию Городеска в 1946 г. и раскопала его широкой площадью, вскрыв 400 кв. м. и изучив восемь полуземлянок⁸⁴. В дальнейшем руководство изучением «Малого» городища Городеска перейдет в 1947 г. к сотруднику Института археологии АН УССР М. Ю. Брайчевскому. Позднее Брайчевский так оценивал работы Дмитриевской: «В 1946 г. на третьем городище проводила свои исследования А[нгелина] Дмитриевская. Однако материалы ее раскопок не дали надежно стратифицированных слоев, и ранние материалы оставались вне системы относительной хронологии»⁸⁵.

Материалы городища у с. Городеска неоднократно привлекались исследователями в дальнейшем (Р. И. Выезжев⁸⁶, А. В. Куза⁸⁷, П. П. Толочко⁸⁸). Обобщающую статью выпустил киевский археолог Б. А. Звиздецкий в 1990 г.⁸⁹ Отметим еще один интересный факт: в статье 1960 г. Выезжев опубликовал сведения

⁸⁰ *Формозов А. А.* Петр Петрович Ефименко // Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд. доп. М., 2006. С. 147–148; *Клейн Л. С.* Патриарх палеолитоведения. П. П. Ефименко // *Клейн Л. С.* История российской археологии: учения, школы и личности. Т. II. СПб., 2014. С. 60–78.

⁸¹ *Галкин Т. О.* Ангелина Васильевна Дмитриевская: непростая судьба ученицы В. А. Городцова. С. 395.

⁸² Сохранена орфография автора.

⁸³ *Третьяков П. Н.* Славянская (Днепровская) экспедиция 1940 г. // Краткие сообщения института истории материальной культуры / отв. ред. С. Н. Бибииков. Вып. X. М.; Л., 1941. С. 123.

⁸⁴ *Дмитревська А.* Звіт Городської експедиції 1946 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1949. Т. 1. С. 47–49.

⁸⁵ *Брайчевський М. Ю.* Розкопки на третьому Городському городищі // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 3. Київ, 1952. С. 187 (перевод с украинского наш. — Т. Г.).

⁸⁶ *Выезжев Р. И.* Раскопки «Малого городища» летописного Городеска // Краткие сообщения Института археологии УССР. Вып. 10. Киев, 1960. С. 124–135.

⁸⁷ *Куза А. В.* Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996. С. 169.

⁸⁸ *Археология Украинской ССР. Т. 3. Раннеславянский и древнерусский периоды.* Киев, 1986. С. 376.

⁸⁹ *Звиздецкий Б. А.* О времени существования летописного Городеска // Советская археология. 1990. № 1. С. 42–56.

о костяном топорике из раскопок А. В. Дмитриевской 1946 г. без указания автора находки, из-за чего в дальнейших публикациях он стал указываться как «ритуальный топорик из раскопок 1958 г. в Городеске»⁹⁰, однако это не так. Сведения о топорике были действительно впервые опубликованы Выезжевым, однако о его находке пишет сама Дмитриевская в 1949 г.⁹¹

Отдельные материалы раскопок Дмитриевской продолжают публиковаться украинскими археологами⁹². Отчет о раскопках «Малого» городища в 1946 г. сохранился в научном архиве Института археологии НАН Украины, там же хранится и полевой дневник раскопок 1946 г.⁹³, однако доступ к нему в настоящее время невозможен по объективным причинам.

В 1946 г. А. В. Дмитриевская увольняется из ИИМК⁹⁴, а в 1947 г. переезжает в Орел, где в этот момент находится ее сестра⁹⁵. Адрес ее проживания в Орле в 1947–1950 гг.: ул. Пересыханка, д. 19⁹⁶. Там Дмитриевская работала научным сотрудником Орловского государственного музея имени И. С. Тургенева, где отметилась в 1953 г. авторством тематико-экспозиционного плана стационарной литературной экспозиции. Где-то в это время (точная дата пока не известна) она становится духовной дочерью орловского старца Афанасия Андреевича Сайко, известного в Орле еще с 1930-х гг. В фельетоне, опубликованном в газете «Правда» 6 апреля 1935 г. под красноречивым названием «Христос из Болхова», в традиционных для того времени очернительных тонах сообщалось о первом появлении А. А. Сайко в Орле⁹⁷. Пока нет точной информации, когда А. В. Дмитриевская и А. А. Сайко познакомились⁹⁸ и начали жить вместе. Несмотря на это, поздний этап жизни исследовательницы теперь тоже достаточно хорошо известен. Однако он выходит за рамки настоящей публикации и будет рассмотрен в дальнейшем.

⁹⁰ *Сергеева М. С.* Вироби з кістки та рогу з Малого Городського городища // *Археологія і давня історія України*. 2020. № 1 (34). С. 195. Рис. 4.

⁹¹ *Дмитревська А.* Указ. соч. С. 49.

⁹² *Капустін К. М., Журухіна О. Ю.* Скляні вироби Городська (за матеріалами досліджень 1940–1950-х рр.) // *Археологія і давня історія України*. 2016. № 1 (18). С. 104–109; *Сергеева М. С.* Указ. соч. С. 192–201.

⁹³ *Дмитревская А. В.* Отчет о раскопках Малого городского городища 1946 г. // Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины. 1946/27. 12 с.

⁹⁴ Согласно приказу № 105 от 01.07.1946 г. Основание: заявление А. В. Дмитриевской и резолюция зав. сектором славяно-русской археологии В. И. Равдоникаса. См.: НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 94. Л. 34.

⁹⁵ Стоит отметить, что, вероятно, в первый раз Орел она посетила во время краткого отпуска в период с 14 сентября по 11 октября 1945 г. См.: НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 94. Л. 18. Данных о более ранних поездках в Орел нами не обнаружено.

⁹⁶ Государственный архив Орловской области (ГА ОО). Ф. 3880. Оп. 1. Д. 3. Л. 35, 36.

⁹⁷ *Рыклин Г.* Христос из Болхова // *Правда*. 1935. № 95 (6341). С. 4.

⁹⁸ Знакомство произошло в интервале между 1947 и 1948 гг. В апреле 1948 г. А. В. Дмитриевская уже активно участвует в судьбе А. А. Сайко, пытаясь освободить его из психиатрической лечебницы. Благодарю за уточнение А. А. Гугливатого, настоятеля единоверческой Спасо-Преображенской общины г. Куровское.

Заключение. Ангелина Васильевна Дмитриевская прошла сложный путь, во многом характерный для людей ее поколения. Раннее начало карьеры, учеба у В. А. Городцова, одного из лучших русских археологов того времени, работа в МАЭ, Эрмитаже и ИИМК, война, блокада, потеря отца в период Большого террора и мужа — на фронте. Потеря, вследствие этих событий, себя и утрата, по всей видимости, всех жизненных ориентиров, тихий уход в религию и поиски Бога, не замеченная коллегами смерть. Тем не менее наследие А. В. Дмитриевской важно для истории археологического изучения Подмосковья. Коллекции ее раскопок сохранились, исследователи продолжают обращаться к материалам ее отчетов.

Литература

1. Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН: 1919–2014 гг.) / отв. ред.-сост. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 416 с.
2. Белозёрова И. В., Кузьминых С. В. Государственный исторический музей и становление советской археологии в 1920-е годы (по материалам отдела письменных источников ГИМ) // У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях: материалы Международной научной конференции / отв. ред. И. А. Сорокина. М.: Институт археологии РАН. 2019. С. 10–13.
3. Брайчевський М. Ю. Розкопки на третьому Городському городищі // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 3. Київ: Вид-во АН УРСР, 1952. С. 187–196.
4. Васильева Р. В. «Устали скитаться. Пора домой...» // Археологические вести. 2005. № 12. С. 11–25.
5. Выезжев Р. И. Раскопки «Малого городища» летописного Городеска // Краткие сообщения Института археологии УССР. Киев: Изд-во АН УССР, 1960. Вып. 10. С. 124–135.
6. Галкин Т. О. Ангелина Васильевна Дмитриевская: непростая судьба ученицы В. А. Городцова // Очерки истории отечественной археологии. Выпуск VI. М.: Институт археологии РАН, 2022. С. 389–397.
7. Галкин Т. О. «Она по специальности археологичка»: работы А. В. Дмитриевской в 20-е – 30-е гг. XX века // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов): материалы Международной научной конференции / отв. ред. И. А. Сорокина. М.: Институт археологии РАН. 2021. С. 23–24.
8. Галкин Т. О. Коллекция керамики Палецкого городища (по архивным данным и музейным коллекциям) // Проблемы археологии Восточной Европы: материалы XV Всероссийской археологической конференции студентов и аспирантов (26–27 ноября 2020, Ростов-на-Дону, Таганрог) / Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2020. С. 130–135.
9. Городцов М. В. Вятические курганные погребения близ дер. Мякининой Московской губернии и уезда // Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. Т. IV. В. А. Городцову к 40-летнему юбилею научной деятельности. М.: РАНИОН. 1928. С. 542–558.
10. Городцов В. А. Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа в 1927 г. // Советская археология. Вып. 10. М.; Л.: Из-во АН СССР. 1947. С. 13–28.

11. Дмитриевская А. В. Палецкие курганы // Советская археология. Вып. IV. М.; Л.: Из-во АН СССР. 1937. С. 289–299.
12. Дмитриевська А. Звіт Городської експедиції 1946 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ: Вид-во АН УРСР, 1949. Т. I. С. 47–49.
13. Евтюхова Л. А. Городище у деревни Прислон // Труды Секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. Т. IV. В. А. Городцову к 40-летию юбилею научной деятельности. М.: РАНИОН, 1928. С. 213–219.
14. Жук А. В. В. П. Левашева и доминусинский период ее деятельности. I. Семья, университет // Вестник Омского университета. № 3 (21). 2001. С. 61–64.
15. Жук А. В. В. П. Левашева в доминусинский период ее деятельности. Государственный исторический музей. Прибытие в Омск // Вестник Омского университета. 2002. № 1 (23). С. 59–61.
16. Звиздецкий Б. А. О времени существования летописного Городеска // Советская археология. 1990. № 1. С. 42–56.
17. Капустін К. М., Журухіна О. Ю. Скляні вироби Городська (за матеріалами досліджень 1940–1950-х рр.) // Археологія і давня історія України. 2016. № 1 (18). С. 104–109.
18. Китова Л. Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): изучение памятников эпохи металла. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. 272 с.
19. Клейн Л. С. Патриарх палеолитоведения. П. П. Ефименко // История Российской археологии: учения, школы и личности. Т. II. СПб.: Евразия, 2014. С. 60–78.
20. Крапивина Е. На болотах: из записок торфушки // Нева. 1999. № 1. С. 201–204.
21. Куза А. В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М.: Христианское издательство, 1996. 256 с.
22. Кузьминых С. В., Белозёрова И. В. Институт археологии и естествознания РАНИОН в судьбах отечественной археологии // Поволжская археология. 2018. № 1 (23). С. 321–341. <https://doi.org/10.24852/pa2018.1.23.321.341>
23. Кузьминых С. В., Белозёрова И. В. Переписка А. В. Городцова и Д. Н. Льва (1933–1941 гг.) // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2014. № 1. С. 229–294.
24. Кызласова И. Л. Об археологе В. П. Левашевой и ее отце, протоиерее П. Н. Левашеве // Человек и древности: Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / отв. ред. С. И. Каменецкий, А. Н. Сорокин. М.: Гриф и К, 2010. С. 751–769.
25. Монгайт А. Л. Рязанская земля. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 390 с.
26. Мякининские курганы. Мякининский археологический комплекс в Подмоскowie. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 21 / А. В. Энговатова и др. М.: ИА РАН, 2018. 344 с.
27. Перлов И. П. Зарайские укрепления XVI–XVII вв. Зарайск: Изд. Зарайского краевого музея, 1927. 49 с. (Труды Зарайского краевого музея. Вып. I).
28. Равдоникас В. И. Старая Ладога (Из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.) // Советская археология. Т. 11. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1949. С. 5–54.
29. Сергеева М. С. Вироби з кістки та рогу з Малого Городського городища // Археологія і давня історія України. 2020. № 1 (34). С. 192–201.
30. Силаева О. А. Общество друзей Исторического музея (1918–1930 гг.) // Музей и власть. Ч. II. Из жизни музеев / отв. ред. С. А. Каспаринская. М.: НИИК, 1991. С. 104–123.

31. Стрижова Н. Б. Диалог археологов: из переписки П. С. Уваровой и В. А. Городцова (по материалам ОПИ ГИМ) // Краткие сообщения института археологии. Вып. 242. М.: ИД ЯСК; Языки славянской культуры, 2016. С. 245–252.
32. Сыроватко А. С. Коллекция Палецкого городища из фондов Зарайского краеведческого музея // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 212. М.: Институт археологии РАН, 2001. С. 81–89.
33. Третьяков П. Н. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья // Из истории родового общества на территории СССР. М.; Л.: Соцгиз, 1935. С. 97–180. (Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 106).
34. Третьяков П. Н. Славянская (Днепровская) экспедиция 1940 г. // Краткие сообщения института истории материальной культуры / отв. ред. С. Н. Бибииков. Вып. 10. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 120–124.
35. Формозова А. А. Петр Петрович Ефименко // Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд. доп. М.: Знак, 2006. С. 109–161.

References

1. Academic archaeology on the banks of Neva (from RAHMC to IHMC RAS: 1919–2014) / responsible editor-compiler E. N. Nosov. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin. 2013. 416 p. (In Russ.).
2. Belozeroва I. V., Kuzminykh S. V. The State Historical Museum and the emergence of Soviet archaeology in the 1920s (Based on the materials of the department of written sources at the State Historical Museum) // At the origins of Soviet archaeology: Organizations and institutions of the archaeological profile in the new realities: Proceedings of the International Scientific Conference / ed. by I. A. Sorokina. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2019. P. 10–13. (In Russ.).
3. Braichevsky M. Yu. Excavations at the third Gorodsky settlement // Archaeological sites of the Ukrainian SSR. Vol. 3. Kiev: Publishing House of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, 1952. P. 187–196. (In Ukr.).
4. Vasilyeva R. V. “Tired to Wander. Time to return home...” // Archaeological News. 2005. № 12. P. 11–25. (In Russ.).
5. Vyvezhev R. I. Excavations of the “Small settlement” of the chronicled Gorodesk // Short communications of the Institute of Archaeology of the Ukrainian SSR. Kiev: Publishing House of the Ukrainian SSR Academy of Sciences, 1960. Vol. 10. P. 124–135 (In Russ.).
6. Galkin T. O. Angelina Vasilyevna Dmitrievskaya: The difficult fate of V. A. Gorodtsov’s student // Essays on the history of Russian archaeology. Issue VI. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2022. P. 389–397. (In Russ.).
7. Galkin T. O. The collection of pottery from the Palezkoye settlement (Based on archival data and Museum Collections) // Problems of archaeology of Eastern Europe: Proceedings of the 15th All-Russian Archaeological Conference of students and postgraduate students (November 26–27, 2020, Rostov-on-Don, Taganrog) / Southern Federal University. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Publishing House, 2020. P. 130–135. In Russ.).
8. Galkin T. O. “She is an archaeologist by profession”: A. V. Dmitrievskaya’s works in the 1920s and 1930s // Soviet Archaeology before and after the Great Patriotic War (the second half of the 1930s – the end of the 1940s): Proceedings of the International Scientific Conference / ed. by I. A. Sorokina. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2021. P. 23–24. (In Russ.).

9. Gorodczov V. A. Raskopki «Chasty'kh kurganov» bliz Voronezha v 1927 g. [Excavations of the "Frequent Kurgans" near Voronezh in 1927] // *Sovetskaya arkheologiya*. Vy'p. 10. Moscow – Leningrad: Iz-vo AN SSSR. 1947. P. 13–28. (In Russ.).
10. Gorodtsov M. V. Vyatka mound burials near the village of Myakinina, Moscow Province and Uyezd // *Proceedings of the archaeology section of the Institute of Archaeology and Art History of the Russian Academy of Sciences*. Vol. IV. V. A. Gorodtsov on the 40th anniversary of his scientific career. Moscow: Russian Academy of Sciences, 1928. P. 542–558. (In Russ.).
11. Dmitrevskaya A. V. Paletskiye kurgany // *Sovetskaya Arkheologiya*. Vol. IV. Moscow; Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR. 1937. P. 289–299. (In Russ.).
12. Dmitrevskaya A. Report of the city expedition of 1946 // *Archaeological monuments of the Ukrainian SSR*. Kiev: Publishing House of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, 1949. Vol. I. P. 47–49. (In Ukr.).
13. Evtyukhova L. A. The settlement near the village of Prislon // *Proceedings of the archaeology section of the Institute of Archaeology and Art History of the Russian Academy of Sciences*. Vol. IV. V. A. Gorodtsov on the 40th anniversary of his scientific career. Moscow: Russian Academy of Sciences, 1928. P. 213–219. (In Russ.).
14. Zhuk A. V. V. P. Levasheva and the pre-Minusinsk period of her activity. I. Family, University // *Herald of Omsk University*. 2001. № 3 (21). P. 61–64. (In Russ.).
15. Zhuk A. V. V. P. Levasheva in the pre-Minusinsk period of her activity. State Historical Museum. Arrival in Omsk // *Herald of Omsk University*. 2002. № 1 (23). P. 59–61. (In Russ.).
16. Zvizdetsky B. A. On the time of the chronicle town of Gorodets // *Soviet Archaeology*. 1990. № 1. P. 42–56. (In Russ.).
17. Kapustin K. M., Zhurukhina O. Yu. Glassware from Gorodskoye (based on research materials from the 1940s – 1950s) // *Archeology and Ancient History of Ukraine*. 2016. № 1 (18). P. 104–109. (In Ukr.).
18. Kitova L. Yu. History of Siberian archaeology (1920s–1930s): Study of metal age monuments. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2007. 272 p. (In Russ.).
19. Klein L. S. Patriarch of Paleolithic studies. P. P. Efimenko // Klein L. S. History of Russian archaeology: Teachings, schools, and personalities. Vol. II. St. Petersburg: Eurasia, 2014. P. 60–78. (In Russ.).
20. Krapivina E. In the swamps: From the notes of a peat mine] // *Neva*. 1999. № 1. P. 201–204. (In Russ.).
21. Kuza A. V. Old Russian settlements of the 10th–13th centuries. Archaeological sites. Moscow: Hristianskoe izdatel'stvo. 1996. 256 p. (In Russ.).
22. Kuzminykh S. V., Belozerova I. V. Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences in the Fates of National Archaeology // *Povolzhskaya Arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)*. 2018. № 1 (23). P. 321–341. <https://doi.org/10.24852/pa2018.1.23.321.341> (In Russ.).
23. Kuzminykh S. V., Belozerova I. V. Correspondence between A. V. Gorodtsov and D. N. Lev (1933–1941) // *Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 2014. № 1. P. 229–294. (In Russ.).
24. Kyzlasova I. L. About archaeologist V. P. Levasheva and her father, Archpriest P. N. Levashev // *Man and antiquities: In memory of Alexander Alexandrovich Formozov (1928–2009)* / ed. by S. I. Kamenetsky and A. N. Sorokin. Moscow: Grif and K, 2010. P. 751–769. (In Russ.).

25. Mongait A. L. Ryazan land. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1961. 390 p. (In Russ.).
26. Myakininsky burial mounds. Myakininsky archaeological complex in the Moscow region. Materials of rescue archaeological research. Vol. 21 / Engovatova A. V. et al. Moscow: IA RAS, 2018. 344 p. (In Russ.).
27. Perlov I. P. Zaisk fortifications of the 16th–17th centuries. Zaraysk: Zaisk Regional Museum, 1927. 49 p. (Proceedings of the Zaisk Regional Museum. Vol. I). (In Russ.).
28. Ravdonikas V. I. Staraya Ladoga (From the results of archaeological research in 1938–1947)] // Soviet Archeology. Vol. 11. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1949. P. 5–54.
29. Sergiyeva M. S. Bone and horn products from the Small Gorodskoye Hillfort // Archaeology and Early History of Ukraine. 2020. № 1 (34). P. 192–201. (In Ukr.).
30. Silaeva O. A. Society of Friends of the Historical Museum (1918–1930) // Museum and Government. Part II. From the life of museums / ed. by S. A. Kasparinskaya. Moscow: NIIK, 1991. P. 104–123. (In Russ.).
31. Strizhova N. B. The dialogue between archaeologists: Fragments of a correspondence between P. S. Uvarova and V. A. Gorodtsov (on materials of OPI of State Historic Museum) // Brief Communications of the Institute of Archaeology. Issue 242. Moscow: ID YaSK; Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`. 2016. P. 245–252. (In Russ.).
32. Syrovatko A. S. The collection of the Paletsky settlement from the funds of the Zaisk Museum of Local Lore // Brief reports of the Institute of Archeology. Issue 212. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, 2001. P. 81–89. (In Russ.).
33. Tretyakov P. N. On the history of the pre-class society of the Upper Volga region // From the history of the tribal society on the territory of the USSR. Moscow; L.: Sotsgiz, 1935. P. 97–180. (Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture. Issue 106). (In Russ.).
34. Tretyakov P. N. Slavyanskaya (Dneprovskaya) expedition of 1940 // Brief reports of the Institute of the History of Material Culture / ed. by S. N. Bibikov. Issue 10. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1941. P. 120–124. (In Russ.).
35. Formozova A. A. Peter Petrovich Efimenko // Russian archaeologists in the period of totalitarianism: Historiographical essays. 2nd ed. Supplement. Moscow: Znack, 2006. P. 109–161. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-262-85-101

Кувшинова Елена Евгеньевна

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

kuvshinovae@mgpu.ru; ORCID: 0009-0005-7151-2833

Кокарева Ольга Владимировна

кандидат исторических наук

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

kokarevao@mgpu.ru; ORCID: 0009-0004-7204-9353

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ, ПОДВЕДОМСТВЕННЫХ МОСКОВСКОМУ ОТДЕЛУ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ: 1939–1940 (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦГА МОСКВЫ)

Аннотация. Статья посвящена изучению состояния московского образования в 1939–1940 гг. Исследование документов из фонда Р-528 (Московский городской отдел народного образования — Мосгорono) Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГА Москвы) позволило авторам определить факторы влияния и главные тенденции в работе системы московского образования накануне войны. Огромная сеть столичных образовательных учреждений включала учреждения различного уровня, выполнявших разные функции — образования, воспитания, организации детского досуга, подготовки педагогических кадров, методического сопровождения учебного процесса, — и требовала напряженного внимания со стороны Мосгорono. К 1939 г. значительно выросло количество школ в Москве, однако школьных зданий по-прежнему не хватало, многие школы работали в две смены. Количество учителей и качество их подготовки интенсивно росло, значительное число московских педагогов имело высшее образование, особенно среди преподавателей 5–10-х классов, их подготовка велась с учетом потребностей растущего города. С приближением войны в московских школах было введено обязательное военное обучение и подготовка школьников к сдаче норм ГТО, «Ворошиловский стрелок», по противовоздушной и противохимической обороне и санитарному делу. К организации активного насыщенного и развивающего досуга детей и подростков привлекалась широкая общественность в лице шефствующих предприятий, районных комитетов партии, родителей и компаний, управляющих коммунальным хозяйством.

Ключевые слова: история образования, московское образование, Мосгорono, строительство школ, педагогические кадры, педагогические институты, педагогические училища, военная подготовка школьников.

Для цитирования: Кувшинова Е. Е., Кокарева О. В. Деятельность образовательных учреждений, подведомственных Московскому отделу народного образования,

в предвоенные годы: 1939–1940 (по материалам ЦГА Москвы) // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2026. № 2 (62). С. 85–101. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-262-85-101>

Original article

UDC 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-262-85-101

Kuvshinova Elena E.

Moscow City University

Moscow, Russia

kuvshinovae@mgpu.ru; ORCID: 0009-0005-7151-2833

Kokareva Olga V.

Candidate of Historical Sciences

Moscow City University

Moscow, Russia

kokarevao@mgpu.ru; ORCID: 0009-0004-7204-9353

ACTIVITIES OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS SUBORDINATE TO THE MOSCOW DEPARTMENT OF PUBLIC EDUCATION IN THE PRE-WAR YEARS: 1939–1940 (BASED ON THE MATERIALS OF THE CENTRAL STATE ARCHIVE OF MOSCOW)

Abstract. The article is devoted to the study of the Moscow education system in 1939–1940. The study of documents from the R-528 fund of the Moscow City Department of Public Education of the Central State Archive of Moscow allowed the authors to identify the main factors of influence and the main trends in the work of the Moscow education system on the eve of the war. The huge network of educational institutions in the capital included institutions of various levels and performed various functions – education, upbringing, organization of children’s leisure, training of teaching staff and methodological support of the educational process — and required intense attention from the Moscow City Department of Public Education. By 1939, the number of schools in Moscow had grown significantly, but there were still not enough school buildings, and many schools operated in two shifts. The number of teachers and the quality of their training in Moscow grew rapidly, a significant number of Moscow teachers had higher education, especially among teachers in grades 5–10, and their training was tailored to the needs of a growing city. With the approach of the war, compulsory military education was introduced in Moscow schools and schoolchildren were trained to pass the standards of the GTO, Voroshilovsky Strelak, in anti-aircraft and chemical defense and sanitary matters. The general public, represented by patronizing enterprises, district party committees, parents and companies managing public utilities, was involved in organizing active, rich and developing leisure activities for children and adolescents.

Keywords: history of education, Moscow education, Moscow City Department of Public Education, school construction, teaching staff, pedagogical institutes, pedagogical colleges, military training of schoolchildren.

For citation: Kuvshinova E. E., Kokareva O. V. Activities of educational institutions subordinate to the Moscow Department of Public Education in the pre-war years: 1939–1940 (based on the materials of the Central State Archive of Moscow) // *MCU Journal of Historical Studies*. 2026. № 2 (62). P. 85–101. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-262-85-101>

Введение. С 2000-х годов в условиях непрерывной трансформации российского образования исследователи активно обращаются к опыту советского времени, в том числе изучается история педагогики и народного образования в довоенный период. В 2000–2010-х гг. появляется ряд работ, посвященных анализу различных аспектов развития советской системы образования, затрагивающих и время накануне Великой Отечественной войны. Исследования В. К. Криворученко и С. В. Квитко, Л. И. Анайкиной, Е. И. Васильковской посвящены изучению роли государства и идеологии в строительстве системы образования¹, М. Н. Гущина и Д. В. Колыхалов рассмотрели вопросы организации народного образования и деятельности государственных органов в этой сфере². Школьное строительство, вопросы развития всеобщего обучения в семилетних и десятилетних школах и проблемы подготовки педагогических кадров для школ подробно изучались авторами, обращавшимися к истории советского образования в первой половине XX в. в различных регионах страны: в Воронежской области, на Урале и в Сибири, в Башкирии³. В последние годы ученые обратили внимание на изучение вопросов законодательного и нормативного регулирования системы образования в советский период⁴; комплексное исследование В. Б. Помелова посвящено

¹ *Криворученко В. К., Квитко С. В.* Единство образования и воспитания в общеобразовательной школе (1917–1941 гг.): Исторический опыт и уроки. М., 2004; *Анайкина Л. И.* Партийно-государственная политика в сфере народного образования в РСФСР (1922–1991 гг.). М., 2001; *Васильковская Е. И.* Власть и формирование советской модели школьной системы: начало 1930-х – начало 1950-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006.

² *Гущина М. Н.* Деятельность Народного комиссариата просвещения РСФСР в 1936 – июне 1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; *Колыхалов Д. В.* Государственная политика в области развития школьного образования в России в 1900–1941 гг. М., 2013.

³ *Чуев С. А., Пыльнев Ю. В.* Народное образование в Воронежской области накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945). Воронеж, 2009; *Алексеев С. М.* Система образования Иркутской области (1917–1956 гг.): опыт, проблемы, решения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2003; *Анашкин Э. Н.* Становление и развитие системы подготовки кадров преподавателей для педагогических вузов и средней школы на Урале: 1920–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2010; *Асадуллина Г. А.* Средние педагогические учебные заведения Башкирской АССР в 1919–1956 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2015.

⁴ *Перова М. А.* Законодательное регулирование системы образования в советской России 1917–1930-х гг. и его влияние на становление уклада советской школы (на материалах Курганского и Шадринского округов) // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2017. № 47. С. 69–74; *Хаминов Д. В.* Администрирование и нормативное регулирование советской системой общего, среднего и высшего образования в контексте государственной политики и идеологии в СССР (историко-правовой аспект) // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 479. С. 273–285.

изучению организационных и научно-педагогических тенденций российского образования в первой половине XX в. (открытие опытно-показательных образовательных учреждений, организация школьных коммун и школьных городков, развитие отечественной педологии, скаутское движение), а также анализу теоретической и практической деятельности отечественных педагогов этого периода⁵. Авторы всех названных исследований концентрируют внимание на процессах, происходивших в системе образования в 1930-х гг., но уделяют минимальное внимание состоянию образования в 1939–1941 гг., рассматривая это время как финал развития системы образования в предвоенный период. Более подробно состояние системы образования рассмотрено в исследованиях, посвященных истории народного образования накануне и в годы Великой Отечественной войны. Однако, анализируя состояние школьного образования, его качество, обеспеченность школы педагогическими кадрами в 1939–1941 гг., авторы таких работ концентрируют внимание прежде всего на вопросах военной подготовки школьников и работе военных спецшкол накануне войны⁶.

Материалы по истории московского образования представлены преимущественно мемориально-справочными изданиями, сборниками документов и воспоминаниями⁷. Особое место в изучении истории московского образования занимают работы, посвященные изучению московских школ и московского учительства в годы Великой Отечественной войны⁸. Единственный исторический обзор развития системы образования в Москве изложен в публикации «Образование в Москве. История и современность», подготовленной в 2000 г. на основе архивных материалов. Краткие сведения о состоянии московского образования в 1939–1949 гг. представлены в отдельной главе указанного издания, посвященной развитию народного образования в Москве в 1917–1941 гг.⁹.

Ход и результат исследования. Обработка архивных материалов фонда Р-528 (Московский городской отдел народного образования — Мосгорон) ЦГА Москвы и последующий анализ этих документов позволяет выделить основные факторы влияния на систему московского образования, определить

⁵ Помелов В. Б. Тенденции развития российского образования первой половины XX в. Киров, 2020.

⁶ Чуев С. А., Пыльнев Ю. В. Указ соч. С. 5–42; Волкова И. В. Советская школа предвоенных времен: вклад в воспитание поколения победителей // Отечественная и зарубежная педагогика. 2023. Т. 1. № 6 (96). С. 180–194.

⁷ Педагоги Москвы: биографическая энциклопедия. Т. 1. М., 2007; Педагогические династии Москвы / отв. ред. Е. С. Кушель. Кн. 1–4. М., 2005–2009; Московское образование в годы войны, 1941–1945 / авт.-сост.: А. Ю. Бурлинова, Е. Е. Кувшинова. М., 2007; Вера моя, совесть моя, песня моя — Россия: ветераны педагогического труда о жизни и судьбе / сост. Л. А. Черниченко. М., 2022.

⁸ Овчинников А. В. Московское учительство в годы Великой Отечественной войны. М., 2010; Волкова И. В. Московские школы в канун и в начале Великой Отечественной войны: истоки победы // Проблемы современного образования. 2013. № 5. С. 90–101.

⁹ Образование в Москве. История и современность. М., 2000. С. 123–157.

главные тенденции в ее работе накануне войны. По результатам сравнительного анализа исторической записки к описи фонда Р-528 ЦГА г. Москвы с составом и содержанием дел описи № 1 за 1939–1941 гг. можно утверждать, что структура Мосгороно к этому времени стала более разветвленной по сравнению с предыдущим периодом, поменялись названия отделов и секторов. На начало 1939 г. в структуре Мосгороно были следующие структурные подразделения: 1) управление делами; 2) планово-финансовый сектор; 3) школьный отдел; 4) дошкольный сектор (с 1941 г. — сектор дошкольной работы); 5) управление детскими домами (с 1941 г. — сектор детских домов); 6) сектор по образованию взрослых; 7) внешкольный сектор; 8) сектор учительских кадров (с 1940 г. — сектор кадров); 9) сектор подготовки учителей (педагогических кадров); 10) управление ремонта и оборудования (с 1940 г. — хозяйственный сектор) с группами: а) группа учета и заготовки капитального оборудования; б) ремонта и эксплуатации; 11) сектор оздоровительных школ (с 1940 г. — сектор оздоровительных, вспомогательных и с особым режимом школ); 12) сектор библиотек; 13) бухгалтерия (с 1941 г. — главная бухгалтерия); 14) группа статистики; 15) аттестационная группа; 16) группа военной подготовки и физического воспитания (с 1941 г. — группа военной подготовки); 17) ревизирская группа; 18) группа по ремонту детских учреждений; 19) сектор контроля исполнения; 20) спецгруппа; 21) сектор капитального строительства на хозрасчете; 22) методический совет¹⁰.

С октября 1939 г. заведующим Мосгороно вместо А. Д. Сергеевой был назначен А. Г. Орлов¹¹. В 1940 г. в системе Мосгороно было девять методических кабинетов, два детских сада, 14 детских домов, девять оздоровительных школ, семь средних специальных школ, две детские библиотеки, три школы взрослых, восемь педагогических училищ, три неполные средние школы для детей с нервными заболеваниями; в районном подчинении — 276 детских сада, 42 детских дома, 126 школ взрослых, 12 Домов пионеров, восемь домов детской художественной самодеятельности, 24 детских парка культуры и отдыха, пять детских городков, три детских клуба, 10 станций юных техников, четыре станции юных натуралистов, семь детских туристических станций, 21 детская спортивная школа, 74 детские библиотеки, 21 фильмотека, 13 учебных комбинатов, 50 методических кабинетов, шесть домов учителя и детская оборонная станция¹². Огромная сеть столичных образовательных учреждений требовала напряженного внимания со стороны Мосгороно.

¹⁰ Краткая историческая справка об Отделе народного образования Исполнительного Комитета Московского городского Совета депутатов трудящихся (Мосгороно) на 1 января 1952 года // Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. Р-528. Оп. 1. Т. 1. Л. III–VI.

¹¹ Образование в Москве. История и современность. С. 131.

¹² Краткая историческая справка об Отделе народного образования Исполнительного Комитета Московского городского Совета депутатов трудящихся (Мосгороно) на 1 января 1952 года // ЦГА Москвы. Ф. Р-528. Оп. 1. Т. 1. Л. IX.

В городском подчинении на 1940 г. находилось 632 школы¹³, две трети которых были подчинены непосредственно Мосгорно, остальные находились в ведении Наркомпроса, других ведомств и районов. Различная ведомственная принадлежность учреждений образования усложняет обработку статистических данных. Так, по изданию «Образование в Москве. История и современность», в городе к 1939 г. было 679 школ¹⁴, а к 1941-му — почти 700¹⁵, тогда как в письме секретарю МК и МГК ВКП (б) А. С. Щербакову в конце 1939 г. заведующий Мосгорно А. Г. Орлов пишет, безусловно, округляя, об имеющихся в городе 600 школах¹⁶. Согласно исторической справке заведующего Мосгорно «Народное образование за 40 лет существования советского государства», подготовленной в 1957 г., за три года, с 1938-го по 1941-й, было построено еще 98 школ¹⁷. Таким образом, в Москве в это время их количество приблизилось к 700, причем количество начальных школ сократилось более чем в два раза: их реорганизовывали в семилетние школы или закрывали. Зато значительно выросло число средних школ: с 413 в 1938 г. до 514 в 1941 г.¹⁸

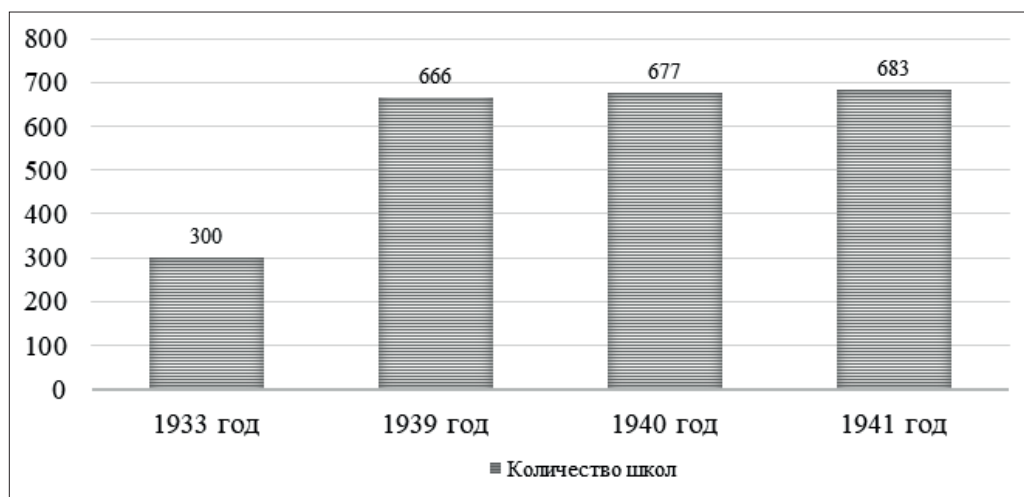

Рис. 1. Общее количество московских школ в 1933–1941 гг.¹⁹

Строились школьные здания нового типа — школы-дворцы с большими и светлыми классами, широкими коридорами и необходимым оборудованием. Между тем документы свидетельствуют, что намеченные темпы строительства

¹³ Краткая историческая справка об Отделе народного образования Исполнительного Комитета Московского городского Совета депутатов трудящихся (Мосгорно) на 1 января 1952 года. Л. VIII.

¹⁴ Образование в Москве. История и современность. С. 130.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ЦГА Москвы. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 678. Л. 6.

¹⁷ Там же. Д. 1530. Л. 46.

¹⁸ Там же. Л. 47.

¹⁹ Там же.

школьных зданий снижались с приближением войны и намеченный на 1939 г. план по строительству не был реализован: вместо запланированных 60 школ²⁰ утверждено к строительству было только 26²¹.

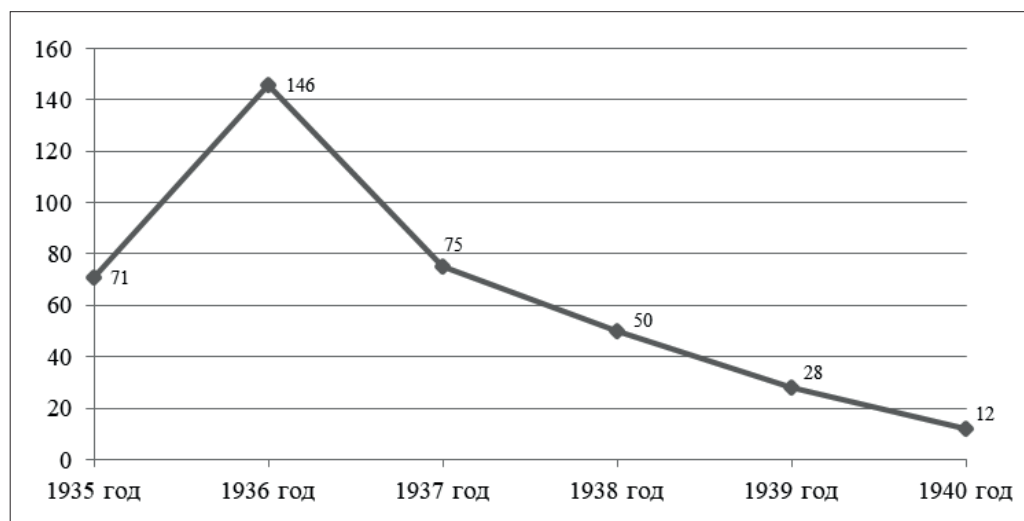

Рис. 2. Динамика строительства школ в Москве в 1935–1940 гг.²²

Городу, в связи с его ростом и увеличением количества обучающихся, школ не хватало. Не была закончена программа обучения неграмотных и малограмотных взрослых²³, и отделом школ ЦК ВКП (б) готовилось введение раздельного обучения мальчиков и девочек. Все эти обстоятельства требовали нового строительства, поскольку занятия проводились посменно и из 700 школ только около 200 работали в одну смену²⁴.

Московская образовательная система как образцовая площадка для строительства советской школы находилась под неусыпным ведомственным контролем Наркомпроса РСФСР, Всесоюзного комитета по делам Высшей школы и партийным контролем ЦК, МК и МГК ВКП (б), районных комитетов партии. Партийные решения и правительственные постановления требовали немедленной реализации, но этому препятствовали различные факторы: усложнение программ, недостаточная обеспеченность учебными пособиями и оборудованием, недостаточная подготовленность учителей, которые, в свою очередь, не могли должным образом повысить качество преподавания. Остро стояла проблема второгодничества. На начало изучаемого периода, в конце 1938 г., только 2 600 московских учителей добились полной успеваемости

²⁰ ЦГА Москвы. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 571. Л. 10.

²¹ Там же. Д. 668. Л. 66.

²² Там же. Д. 1530. Л. 46.

²³ Там же. Д. 669. Л. 118.

²⁴ Образование в Москве. История и современность. С. 130.

своих классов²⁵. В конце 1937 г. в московских школах работали 17 133 учителя²⁶. Для сравнения: в 1927 г. их было 7 600, а в 1940 г. — 20 742²⁷, менее половины которых имели высшее образование²⁸ (см. рис. 3). Только среди учителей, преподававших в 5–10-х классах, доля окончивших вузы достигала 74 %²⁹.

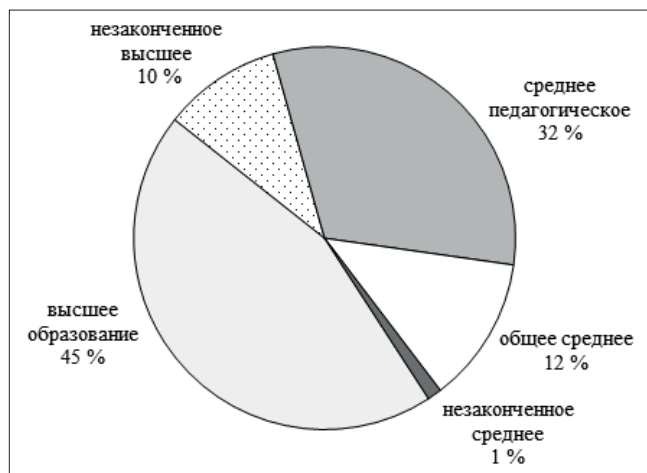

Рис. 3. Состав московских учителей в зависимости от уровня образования в 1940/1941 учебном году³⁰

В Москве к 1938 г. работали десять вузов педагогического профиля, из них семь — педагогические институты, включая два института иностранных языков, и три — учительские, в которых готовили учителей 5–7-х классов³¹. Мосгоромо подчинялись следующие педагогические вузы: Московский городской педагогический институт, Московский городской учительский институт, Московский городской учительский художественный институт, Институт глухонемых со средней школой и интернатом, Институт слепых, Московский учительский институт иностранных языков³².

В соответствии с планом третьей пятилетки с ежегодным ростом числа учащихся в школах Москвы резко возрастала потребность в учителях. Московский городской педагогический институт в 1939/1940 учебном году принял на дневное обучение на факультет русского языка и литературы 120 чел., на математический факультет — 120 чел., исторический — 60 чел.; на вечернее отделение

²⁵ ЦГА Москвы. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 587. Л. 1.

²⁶ Там же. Л. 11.

²⁷ Там же. Д. 1530. Л. 49.

²⁸ Образование в Москве. История и современность. С. 135.

²⁹ Там же. Д. 1530. Л. 50.

³⁰ Там же. Л. 49.

³¹ Образование в Москве. История и современность. С. 133.

³² Краткая историческая справка об Отделе народного образования Исполнительного Комитета Московского городского Совета депутатов трудящихся (Мосгоромо) на 1 января 1952 года // ЦГА Москвы. Ф. Р-528. Оп. 1. Т. 1. С. 5.

на факультет русского языка и литературы — 100 чел., на математический факультет — 90 чел., исторический — 60 чел.³³ В том же учебном году в институте планировалось открыть дневной факультет естествознания для подготовки учителей естествознания и химии³⁴. В феврале 1940 г. было принято решение об организации при институте шестимесячных подготовительных курсов для учителей арифметики 5-х классов, что позволяло им в дальнейшем продолжить обучение на вечернем отделении физико-математического факультета института³⁵. Московский городской учительский институт готовил к выпуску в 1940/1941 учебном году 92 учителя иностранного языка. Этого было недостаточно, поэтому в Мосгороно было принято решение об организации при институте с 1 ноября того же года десятимесячных курсов иностранных языков для подготовки учителей 5–7-х классов³⁶.

По решению МГК ВКП (б)³⁷ и Президиума Моссовета от 25 февраля 1938 г. в системе Мосгороно был создан Московский городской институт усовершенствования учителей³⁸, его директором назначена заведующая Мосгороно А. Д. Сергеева³⁹. Перед институтом ставились задачи проведения систематической работы по повышению общепедагогической, политической и специальной подготовки учителей путем организации краткосрочных и долгосрочных курсов усовершенствования с отрывом и без отрыва от работы и проведению через эти курсы в течение пяти лет всех учителей Москвы⁴⁰. В ноябре 1939 г. в целях улучшения наглядности в преподавании было принято решение об организации при институте кабинета наглядных пособий для младших классов, в первую очередь по основным предметам: русскому языку и литературе⁴¹. Планировалось изучать опыт работы педагогов по визуализации преподавания и распространять его по московским школам. С декабря 1939 г. для усовершенствования педагогического мастерства учителей рисования, пения и музыки был открыт прием 200 человек на факультет художественного воспитания института⁴².

В 1937 г. педагогические техникумы Москвы, готовившие специалистов для начальной школы и дошкольных учреждений, были переименованы в педагогические училища⁴³. На 1939/1940 учебный год в системе образования Мосгороно было девять училищ: шесть школьных, одно дошкольное, одно музыкальное и одно физкультурное с определенными контингентами приема (см. рис. 4).

³³ ЦГА Москвы. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 668. Л. 104 об.

³⁴ Там же. Л. 105.

³⁵ Там же. Д. 765. Л. 13.

³⁶ Там же. Д. 669. Л. 52.

³⁷ Там же. Д. 587. Л. 11.

³⁸ Там же. Д. 573. Л. 14.

³⁹ Образование в Москве. История и современность. С. 131.

⁴⁰ ЦГА Москвы. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 573. Л. 15.

⁴¹ Там же. Д. 669. Л. 98.

⁴² Там же. Д. 573. Л. 135.

⁴³ Образование в Москве. История и современность. С. 134.

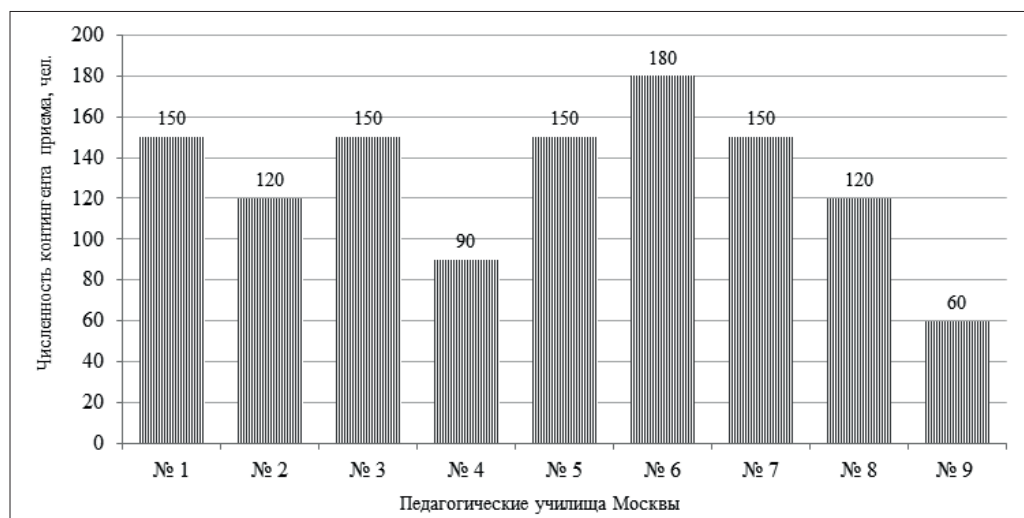

Рис. 4. Прием в московские педагогические училища в 1939/40 учебном году⁴⁴

Поскольку не все учителя Москвы успешно проходили аттестационные комиссии и особенно остро проявлялись проблемы с обучением дошкольных работников, в массовом порядке не имевших обязательного семилетнего образования, открывались наборы на вечерние отделения училищ. С целью повышения качества учебно-воспитательной работы в 1940 г. в педучилищах Москвы было организовано социалистическое соревнование. За высокие показатели обучения Мосгорно учредило «Красное переходящее знамя имени 3-й сталинской пятилетки»⁴⁵. В сентябре 1940 г. оно было вручено педагогическому училищу № 1⁴⁶. Тем не менее, несмотря на все предпринимаемые меры, в школах наблюдался кадровый голод и помимо институтов и училищ подготовки педагогов, имевших профессиональное образование, но длительное время не работавших, занимались на краткосрочных курсах, где за четыре месяца готовили по 300–400 чел. преподавателей русского языка и математики⁴⁷.

Методическое руководство деятельностью учителя в 1939 г. требовало серьезного внимания, над этим работали методический совет Мосгорно, районные методические кабинеты и Дом учителя. Серьезные нарушения были выявлены в преподавании истории в школах в 1938 г., впервые введенной на основе нового учебника «Краткий курс истории СССР», изданного под общей редакцией профессора А. В. Шестакова в 1937 г. Подобные примеры нарушений приводятся в докладной записке заместителя заведующего отделом школ МГК ВКП (б) Зорина, поданной секретарям МГК ВКП (б) Угарову, Братановскому и Пронину⁴⁸. Для массовой подготовки учителей к преподаванию

⁴⁴ ЦГА Москвы. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 668. Л. 44.

⁴⁵ Там же. Д. 765. Л. 1.

⁴⁶ Там же. Д. 766. Л. 80–81.

⁴⁷ Там же. Д. 572. Л. 54.

⁴⁸ Там же. Д. 587. Л. 5-7.

истории в 3–4-х классах Мосгороно в Доме учителя были организованы курсы по новой истории, методике и педагогике истории и работе в музее, где лекторами выступали профессора В. К. Никольский и А. Г. Липкин⁴⁹. Результаты не заставили долго ждать: учебная и воспитательная работа в школе достигла должного уровня. 22 августа 1940 г. вышел приказ Мосгороно «О руководстве домашней работой учащихся», в котором привлекалось внимание к выполнению учащимися домашних заданий и указывалось на необходимость давать на дом такие задания, при выполнении которых для учеников очевидна цель и значение работы, предъявлять точные и ясные требования к результатам, следить за самостоятельной работой учеников и оценивать ее. Были выдвинуты предложения в Наркомпрос о введении отдельной четвертной оценки за прилежное выполнение домашних заданий⁵⁰.

Строгость и ответственность, дисциплина и контроль стали характерной чертой предвоенного времени. Усилился контроль Мосгороно за деятельностью учебных комбинатов и учету контингента школьников⁵¹. К январю 1939 г. была закончена выдача и заполнение трудовых книжек работникам сети учреждений Мосгороно, введенных по Постановлению СНК СССР 20 декабря 1938 г.⁵² По постановлению СНК СССР от 14 октября 1938 г. «О порядке учета специалистов, имеющих высшее образование» и в соответствии с приказом Наркомпроса РСФСР в начале 1939 г. в системе образования Москвы в кратчайшие сроки был проведен учет специалистов, имеющих высшее образование⁵³, в том числе и по военно-учетным специальностям.

С усложнением международной обстановки в 1937 г. в столице были открыты пять специальных военных школ. Они готовили кадры для артиллерийских военных училищ⁵⁴. По Положению о специальных школах СНК СССР от 9 апреля 1938 г. отбор в 8, 9 и 10-е классы военных школ проводился по всем районам Москвы; принимались лучшие учащиеся мужского пола, прошедшие медицинское освидетельствование⁵⁵. По приказу Мосгороно от 11 марта 1939 г. для набора в спецшколы устанавливалась персональная ответственность директоров массовых школ, директоров спецшкол и заведующих районными отделами образования: каждый район города должен был обеспечить набор в одну из пяти спецшкол. На 1939/1940 учебный год был установлен контингент набора в 216 человек в 8-е классы спецшкол и заполнение вакантных мест в 9-х и 10-х классах⁵⁶. В спецшколах были оборудованы предметные кабинеты и специальные лаборатории: физические, химические, биологические, черчения,

⁴⁹ ЦГА Москвы. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 573. Л. 43.

⁵⁰ Там же. Д. 528. Л. 18-25.

⁵¹ Там же. Д. 669. Л. 139; Д. 765. Л. 25.

⁵² Там же. Д. 668. Л. 6.

⁵³ Там же. Л. 7.

⁵⁴ Образование в Москве. История и современность. С. 150.

⁵⁵ ЦГА Москвы. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 668. Л. 60.

⁵⁶ Там же. Л. 59–60.

военные, артиллерийские, а также тир⁵⁷. По постановлению СНК СССР от 6 ноября 1940 г. в Москве открылись еще две спецшколы — военно-морская и военно-воздушная⁵⁸. Летние сборы школ проводились в Кубинке Звенигородского района Московской области⁵⁹, учащиеся школ обязаны были в школах, на улицах города и в летних лагерях носить военную форму установленного образца и иметь при себе ученические билеты⁶⁰.

В реалиях 1939 г. и с укреплением общей обороноспособности страны огромную важность имела массовая военная подготовка населения, в том числе и школьников. В программы учебных заведений города была включена обязательная военная подготовка, создавались условия для оборонной работы, вводился штат военруков. Учащиеся сдавали нормы оборонных значков: «Готов к труду и обороне» (ГТО), «Ворошиловский стрелок», «Готов к противовоздушной и химической обороне» (ПВХО), — а также по санитарной подготовке. Число сдавших норму «Ворошиловский стрелок» выросло в 1939/1940 учебном году на 14 % по сравнению с предыдущим годом, ПВХО — на 42 %, по санитарной подготовке — на 56 % (см. рис. 5).

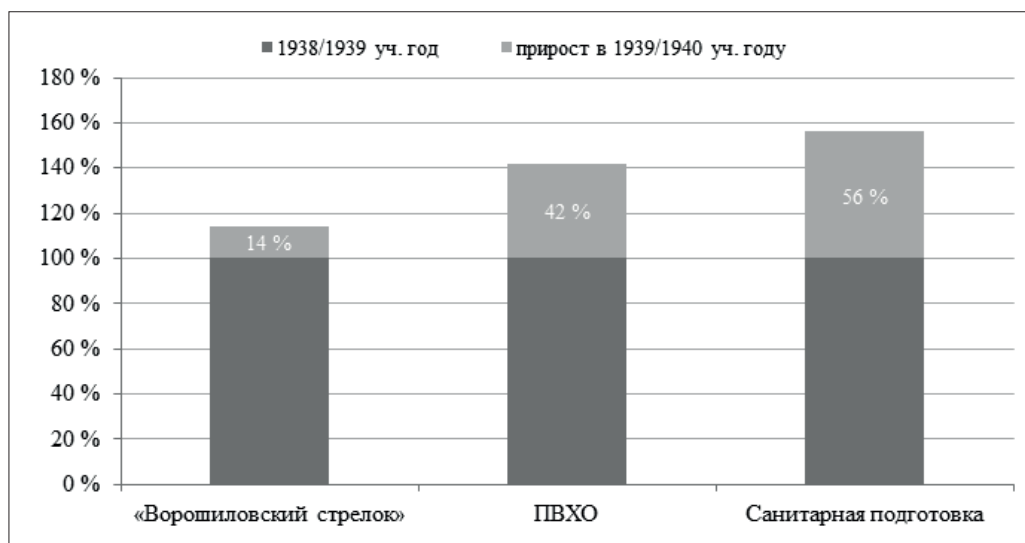

Рис. 5. Рост числа учеников, сдавших нормы для получения оборонных значков, в 1939/1940 учебном году⁶¹

В школах и педагогических училищах за 1938/1939 учебный год было подготовлено 5 900 инструкторов ПВХО, создано 150 групп самозащиты⁶².

⁵⁷ ЦГА Москвы. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 573. Л. 57.

⁵⁸ Образование в Москве. История и современность. С. 150.

⁵⁹ ЦГА Москвы. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 573. Л. 48; Д. 668. Л. 128.

⁶⁰ Там же. Д. 669. Л. 94.

⁶¹ Там же. Л. 15.

⁶² Там же.

Многие учебные заведения получили коллективные значки ПВХО, а их военные руководители за успешное проведение военно-массовой работы были премированы.

С укреплением материальной базы всей системы московского образования в 1939–1941 гг. и с изменением местных бюджетов на 1940 г. по постановлению Президиума Моссовета от 20 декабря 1939 г. детские дома, имевшие общегородское значение, из районного подчинения переходили на городской бюджет. С 1 января 1940 г. шесть детских домов передавались Мосгорно вместе с их дачными постройками⁶³. Детские дома ремонтировались, переоборудовались, расширяли площади и увеличивали контингенты детей, как, например, в латышском детском доме имени Карла Маркса⁶⁴ и детском доме № 57 Пролетарского района⁶⁵. При обследовании работы школ при детских домах обнаружилось недостаточное внимание к ним со стороны районных отделов народного образования, поэтому на особый контроль Мосгорно ставилась методическая работа учителей детских домов⁶⁶.

В рассматриваемый период активно развивался сектор внешкольной работы. Внешкольные учреждения Мосгорно: Городской дом пионеров, Городской дом учителя, Городской дом юных натуралистов, Городская детская туристско-экскурсионная станция, клубы юных автомобилистов и юных моряков, Театр кукол и Театр теней — имели тесные связи с системой образования, обеспечивая насыщенный и разнообразный досуг школьников как в учебное время, так и на каникулах. Районные агробиостанции в 1938 г. переименовали в станции юных натуралистов, включив в круг их обязанностей работу с детьми и обеспечение школ раздаточным материалом⁶⁷. В июне 1939 г. в целях расширения юннатской работы, оказания методической помощи учителям и поддержки работы кружков в Ленинградском районе была организована Городская станция юных натуралистов⁶⁸. На станциях юных натуралистов московские школьники проводили эксперименты по выращиванию в открытом грунте дынь, привитых на тыквах, занимались кролиководством, а результаты их деятельности предполагалось демонстрировать на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, открытие которой планировалось на 1 августа 1939 г.⁶⁹

После окончания учебных занятий в школах организовывалась летняя работа с детьми, за которую отвечали директора школ, шефствующие предприятия и жилищно-арендные кооперативные товарищества (ЖАКТ). В районах города повсеместно открывались физкультурные и оздоровительные площадки, библиотеки-читальни, уголки техники, игротеки. Городской детской

⁶³ ЦГА Москвы. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 765. Л. 2.

⁶⁴ Там же. Д. 572. Л. 56.

⁶⁵ Там же. Д. 573. Л. 68.

⁶⁶ Там же. Д. 572. Л. 60.

⁶⁷ Там же. Д. 573. Л. 49.

⁶⁸ Там же. Д. 668. Л. 129.

⁶⁹ Там же. Д. 668. Л. 91–91об.

экскурсионной станцией организовывались экскурсии и походы по Подмосковию, все внешкольные учреждения привлекали детей в кружки, проводили смотры, конкурсы, соревнования⁷⁰. С 1938 г. Мосгороно была развернута интенсивная деятельность по кинофикации и кинообслуживанию школ, училищ, внешкольных учреждений. Была организована Центральная городская фильмотека, кино-кабинет Мосгороно, шесть районных и восемь межрайонных фильмотек. Директора школ, заведующие дошкольными и внешкольными учреждениями обязаны были планировать и проводить мероприятия с показом кино и обеспечивать методическую обработку опыта его использования⁷¹.

В 1939 г. было учреждено звание заслуженного учителя РСФСР, присужденное двадцати пяти московским педагогам: директорам образцовых московских школ № 29, и № 201, учителям школ № 175, 456, 329 и др.⁷² Одной из отмеченных этим званием стала Александра Николаевна Морозова — сурдопедагог в Институте глухонемых детей, представленная на присвоение этого звания за 55 лет работы в институте⁷³. За реализацию постановления ЦК ВКП (б) и СНК о персональном звании учителя были премированы председатели и члены аттестационных комиссий⁷⁴. К 1938/1939 учебному году московская система образования имела мощный кадровый потенциал педагогов с многолетним стажем работы. Их добросовестное отношение к делу и высокое качество работы было отмечено вынесением официальных благодарностей, награждением грамотами и ценными подарками, зафиксированными в приказах Мосгороно⁷⁵.

Заключение. Проведенное исследование ретроспективной архивной информации о работе системы Мосгороно в 1939 – первой половине 1941 г. показало, что обработка даже небольшого массива документации, отложившегося в фонде Р-528 Мосгороно ЦГА Москвы за указанный период, может дать ясное представление о работе всей системы московского образования.

1. За 1939 – первую половину 1941 г. сеть учреждений московской системы образования значительно выросла: было построено 100 новых школ, общее их количество увеличилось до 700.

2. С организацией Института усовершенствования учителей, увеличением контингентов приема в другие учительские институты, возникновением новых факультетов и направлений подготовки выросло количество московских учителей и качество их подготовки, около 50 % педагогов уже имели высшее образование.

3. Подготовка учителей и дошкольных работников по педагогическим специальностям в девяти московских училищах проводилась на основании

⁷⁰ ЦГА Москвы. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 668. Л. 96–98.

⁷¹ Там же. Д. 573. Л. 45–47.

⁷² Образование в Москве. История и современность. С. 136.

⁷³ ЦГА Москвы. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 573. Л. 53.

⁷⁴ Там же. Д. 668. Л. 134.

⁷⁵ Там же. Д. 572, 573, 668, 669.

выявленных потребностей растущего города, данных о построенных школах и количестве обучающихся в них детей.

4. Приближение войны проявлялось введением штата военруков, обязательным обучением военному делу в массовых школах, организацией семи специальных военных школ для старшеклассников 8–10-х классов, подготовкой к сдаче норм ГТО, ПВХО, «Ворошиловский стрелок» и санитарного дела, а также укреплением материальной базы детских домов.

5. Сеть внешкольных учреждений Мосгороно была чрезвычайно разнообразна и приспособлена для организации активного насыщенного и развивающего досуга детей и подростков, к ее организации, помимо учреждений Мосгороно, привлекалась широкая общественность в лице шефствующих предприятий, районных комитетов партии, родителей и организаций, управляющих коммунальным хозяйством.

6. В 1939 г. было учреждено звание «Заслуженный учитель РСФСР», это звание получали лучшие педагоги города, их успешная деятельность отмечалась официальными благодарностями и ценными подарками.

Литература

1. Алексеев С. М. Система образования Иркутской области (1917–1956 гг.): опыт, проблемы, решения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2003. 32 с.
2. Анайкина Л. И. Партийно-государственная политика в сфере народного образования в РСФСР (1922–1991 гг.). М.: Секачев, 2001. 303 с.
3. Анашкин Э. Н. Становление и развитие системы подготовки кадров преподавателей для педагогических вузов и средней школы на Урале: 1920–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2010. 26 с.
4. Асадуллина Г. А. Средние педагогические учебные заведения Башкирской АССР в 1919–1956 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2015. 23 с.
5. Васильковская Е. И. Власть и формирование советской модели школьной системы: начало 1930-х – начало 1950-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006. 23 с.
6. Волкова И. В. Московские школы в канун и в начале Великой Отечественной войны: истоки победы // Проблемы современного образования. 2013. № 5. С. 90–101.
7. Волкова И. В. Советская школа предвоенных времен: вклад в воспитание поколения победителей // Отечественная и зарубежная педагогика. 2023. Т. 1. № 6 (96). С. 180–194. <https://doi.org/10.24412/2224-0772-2023-96-180-194>
8. Гущина М. Н. Деятельность Народного комиссариата просвещения РСФСР в 1936 – июне 1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 29 с.
9. Криворученко В. К., Квитко С. В. Единство образования и воспитания в общеобразовательной школе (1917–1941 гг.): Исторический опыт и уроки. М.: Нац. Ин-т Бизнеса, 2004. 355 с.
10. Колыхалов Д. В. Государственная политика в области развития школьного образования в России в 1900–1941 гг. М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2013. 175 с.
11. Образование в Москве. История и современность / Правительство Москвы. Моск. ком. образования, Моск. гор. об-ние архивов; Юшин И. Ф. [и др.]. М.: Изд-во об-ния “Мосгорархив”, Моск. учеб., 2000. 413 с.

12. Овчинников А. В. Московское учительство в годы Великой Отечественной войны / Российская акад. образования, Ин-т теории и истории педагогики. М.: УРАО ИТИП, 2010. 92 с.

13. Перова М. А. Законодательное регулирование системы образования в советской России 1917–1930-х гг. и его влияние на становление уклада советской школы (на материалах Курганского и Шадринского округов) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 47. С. 69–74. <https://doi.org/10.17223/19988613/47/9>

14. Помелов В. Б. Тенденции развития российского образования первой половины XX в. Киров: Вятский государственный университет, 2020. 187 с.

15. Хаминов Д. В. Администрирование и нормативное регулирование советской системой общего, среднего и высшего образования в контексте государственной политики и идеологии в СССР (историко-правовой аспект) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 273–285. <https://doi.org/10.17223/15617793/479/29>

16. Чуев С. А., Пыльнев Ю. В. Народное образование в Воронежской области накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945). Воронеж: Изд.-полиграфический центр Воронежского гос. ун-та, 2009. 169 с.

References

1. Alekseev S. M. The education system of the Irkutsk region (1917–1956): experience, problems, solutions: abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Irkutsk, 2003. 32 p. (In Russ.).

2. Anaikina L. I. Party and state policy in the sphere of public education in the RSFSR (1922–1991). Moscow: Sekachev, 2001. 303 p. (In Russ.).

3. Anashkin E. N. Formation and development of the teacher training system for pedagogical universities and secondary schools in the Urals: 1920–1941: abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Chelyabinsk, 2010. 26 p. (In Russ.).

4. Asadullina G. A. Secondary pedagogical educational institutions of the Bashkir ASSR in 1919–1956: abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Ufa, 2015. 23 p. (In Russ.).

5. Vasilkovskaya Ye. I. Power and the formation of the Soviet model of the school system: early 1930s – early 1950s: abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Saratov, 2006. 23 p. (In Russ.).

6. Volkova I. V. Moscow schools on the eve of and at the beginning of the Great Patriotic War: the source of victory // Problems of Modern Education. 2013. № 5. P. 90–101. (In Russ.).

7. Volkova I. V. Soviet school of pre-war times: contribution to the education of the generation of winners // Domestic and Foreign Pedagogy. 2023. Vol. 1. № 6 (96). P. 180–194. <https://doi.org/10.24412/2224-0772-2023-96-180-194> (In Russ.).

8. Gushchina M. N. The activities of the People's Commissariat of Education of the RSFSR in 1936 – June 1941: abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Moscow, 2009. 29 p. (In Russ.).

9. Krivoruchenko V. K., Kvitko S. V. The unity of education and upbringing in secondary schools (1917–1941): Historical experience and lessons. Moscow: National Institute of Business, 2004. 355 p. (In Russ.).

10. Kolykhalov D. V. State policy in the field of school education development in Russia in 1900–1941]. Moscow: Moscow University for the Humanities, 2013. 175 p. (In Russ.).

11. Education in Moscow. History and modernity / Government of Moscow. Moscow Committee of Education, Moscow City Association of Archives; Yushin I. F. [et al.]. Moscow: Publishing House of the Moscow City Archives; Moscow textbook, 2000. 413 p. (In Russ.).
12. Ovchinnikov A. V. Moscow teaching during the Great Patriotic War / Russian Academy of Education, Institute of Theory and History of Pedagogy. Moscow: URAO ITIP, 2010. 92 p. (In Russ.).
13. Perova M. A. Legislative regulation of an education system in the Soviet Russia 1917–1930s and its influence on the Soviet school (on materials of Kurgan and Shadrinsk districts)] // Tomsk State University Journal of History. 2017. № 47. P. 69–74. <https://doi.org/10.17223/19988613/47/9> (In Russ.).
14. Pomelov V. B. Trends in the development of Russian education in the first half of the 20th century. Kirov: Vyatka State University, 2020. 187 p. (In Russ.).
15. Khaminov D. V. Administration and regulation of the Soviet system of general, secondary and higher education in the context of State policy and ideology in the USSR (A historical and legal aspect)] // Tomsk State University Journal. 2022. № 479. P. 273–285. <https://doi.org/10.17223/15617793/479/29> (In Russ.).
16. Chuev S. A., Pylnev Yu. V. Public education in the Voronezh region on the eve and during the Great Patriotic War (1939–1945)]. Voronezh: Publishing and Polygraphic Center of the Voronezh State University, 2009. 169 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК: 94(571,51) «1948/1953»: 343.814

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-262-102-116

Печерский Владимир Арнольдович

кандидат исторических наук

Хакасский научно-исследовательский институт языка,

литературы и истории

Абакан, Россия

volody75.75@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8969-0604

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРОРСКИХ ОРГАНОВ
ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЕЙ
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1948–1953)**

Аннотация. В статье анализируются проблемы функционирования прокурорских органов исправительно-трудовых лагерей Красноярского края в 1948–1953 гг. Отмечается, что при росте количества заключенных выросла и преступность в местах заключения. Основными видами преступлений, которые совершали заключенные, являлись побег и бандитизм. Вольнонаемные работники в основном занимались хищениями, а солдаты охраны уличались в воинских преступлениях.

Ключевые слова: Красноярский край, послевоенный период, прокурорские органы, правосудие, преступность, исправительно-трудовые лагеря, прокуратура исправительно-трудовых лагерей.

Для цитирования: Печерский В. А. Деятельность прокурорских органов исправительно-трудовых лагерей Красноярского края в послевоенный период (1948–1953) // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2026. № 2 (62). С. 102–116. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-262-102-116>

Original article

UDC: 94(571,51) «1948/1953»: 343.814

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-262-102-116

Pechersky Vladimir A.

Candidate of Historical Sciences

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History

Abakan, Russia

volody75.75@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8969-0604

ACTIVITIES OF THE PROSECUTORIAL AUTHORITIES OF THE CORRECTIONAL LABOR CAMPS OF THE KRASNOYARSK REGION IN THE POST-WAR PERIOD (1948–1953)

Abstract. The article analyzes the problems of functioning of the prosecutorial bodies of correctional labor camps in the Krasnoyarsk Region in 1948–1953. It is noted that with the increase in the number of prisoners, crime in places of detention also increased. The main types of crimes, committed by the prisoners, were escapes and banditry. Freelance workers were mainly engaged in embezzlement; and the guard soldiers were convicted of war crimes.

Keywords: Krasnoyarsk Region, post-war period, prosecutorial authorities, justice, crime, correctional labor camps, prosecutor's office of correctional labor camps.

For citation: Pechersky V. A. Activities of the prosecutorial authorities of the correctional labor camps of the Krasnoyarsk region in the post-war period (1948–1953) // MCU Journal of Historical Studies. 2026. № 2 (62). P. 102–116. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-262-102-116>

Введение. В послевоенный период в Советском Союзе появилась особая лагерная юстиция. При лагерных подразделениях создавались специальные суды, в юрисдикцию которых входили преступления, совершавшиеся заключенными, вольнонаемными сотрудниками лагерей и солдатами охраны.

В осуществлении правосудия в лагерных подразделениях участвовали и прокуратуры лагерей. На лагерные прокуратуры возлагались обязанности, характерные для любых прокурорских органов, но в пределах лагерных подразделений.

В научной литературе тема лагерных прокуратур отражена весьма скромно. Можно выделить лишь две статьи Д. Н. Шкаревского¹.

¹ Шкаревский Д. Н. Органы лагерной прокуратуры во второй половине 1930-х – начале 1950-х гг. // История государства и права. 2021. № 9. С. 45–50; *Его же*. Лагерная (пенитенциарная) прокуратура в 30-е – 50-е годы XX века // Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: материалы V Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 22 апреля, 2022 г.). Тверь, 2022. С. 232–237.

Ход и результаты исследования. В ведении прокуратуры Краевого управления исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛиК) находились два лагерных суда: собственно суд УИТЛиК УМВД Красноярского края и суд Енисейского исправительно-трудового лагеря (ИТЛ).

Летом 1945 г. в юрисдикции суда УИТЛиК находилось семь лагерных отделений: Канское, Абанское, Качинское, Ширинское, Черногорское, Минусинское, Усинское, рудник «Коммунар» и специальные лагеря. Управление находилось в Красноярске, отдельные лагерные пункты размещались на расстоянии до 300 км от краевого центра. Связь с ними поддерживалась лишь самолетами. Среднее число уголовных дел в этих лагерях достигало 50–60 в месяц².

Суд УИТЛиК начал работу 1 августа 1945 г. Дела он рассматривал, как правило, на выезде в лагерных подразделениях по месту совершения преступления. Специальной лагерной прокуратуры на тот момент в крае не было, и дела рассматривались с участием краевой или районных прокуратур³.

Образованный в феврале 1949 г. суд Енисейского ИТЛ рассматривал крайне мало дел, так как к его подсудности относились лагерные подразделения, находившиеся только в двух районах края: Северо-Енисейском и Удере́йском. Лагсуд размещался в поселке Соврудник Северо-Енисейского района в 650 км от Красноярска⁴. Создание данного суда было вызвано исключительно труднодоступностью лагерных подразделений Енисейлага.

Работа лагерных прокуратур началась в 1948 г. За этот год по всей стране ими было привлечено к уголовной ответственности 26 772 человека (см. табл. 1).

Таблица 1

**Число привлеченных к уголовной ответственности прокуратурами
лагерей Советского Союза⁵**

Наименование преступлений	В первом полугодии 1948 г.	Во втором полугодии 1948 г.
Отказы заключенных от работы	613	607
Контрреволюционные преступления	331	361
Побеги заключенных	2 257	3 604
Бандитизм и убийства	932	936
Хищения личной собственности	1 801	1 112
Хищения государственной и общественной собственности	3 780	3 079
Нарушение правил техники безопасности	185	136
Должностные преступления	266	375

² Материалы лагерного суда ИТЛ и ИТЛиК Красноярского края // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9492. Оп. 14. Д. 19. Л. 1.

³ Отчет краевого лагерного суда за 1946 г. // ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 14. Д. 76. Л. 21.

⁴ Докладная о работе лагерного суда ИТЛ БШ за 2 кв. 1949 г. // ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 14. Д. 279. Л. 19.

⁵ Обзор следственной работы прокуратур исправительно-трудовых лагерей за 2 полугодие 1948 г. // Государственный архив Красноярского края (ГА КК). Ф. Р-2057. Оп. 2. Д. 5. Л. 146.

Наименование преступлений	В первом полугодии 1948 г.	Во втором полугодии 1948 г.
Воинские преступления	588	716
Прочие преступления	2 582	2 511
Всего	13 335	13 437

Лагерные суды УИТЛиК и Енисейлага за четвертый квартал 1949 г. в подготовительных заседаниях рассмотрели 136 дел, из них с участием прокурора — 110. В связи с географической удаленностью территории подведомственной Енисейлагу прокуратура практически была лишена возможности осуществлять надзор за данным судом. За четвертый квартал из подготовительного заседания дела не возвращались, в то время как в первом квартале 1949 г. вернули на доследование из предварительного заседания 5,7 % дел, во втором — 2,5 %, в третьем — 0,9 %.

Суды УИТЛиК и Енисейского ИТЛ МВД СССР в четвертом квартале 1949 г. рассмотрели 103 дела, из них с участием прокурора — 61, или 58,2 %⁶. Лагерная прокуратура активно участвовала в заседаниях подведомственных судов. Своими приказами генеральный прокурор СССР требовал от прокуроров на местах как можно чаще принимать участие в судебных заседаниях. Прокуратуры на местах старались следовать этому указанию в меру своих сил.

Из рассмотренных судами 103 дел, расследованных каждой оперативно-чекистской частью в отдельности, вернули на доследование два дела, или 1,9 %. По сравнению с третьим кварталом 1949 г. процент возвращенных дел снизился: в третьем квартале вернули на доследование из судебного заседания 2,7 % рассмотренных дел.

Так, в связи с вновь открывшимися обстоятельствами из судебного заседания вернули на доследование дело по обвинению Г. И. Крапивина в хулиганстве. Обвиняемый служил в должности командира отделения военно-строительного отряда Абаканского отдельного лагерного пункта (ОЛП). 13 февраля 1949 г. он в состоянии опьянения дебоширил в буфете дома культуры Черногорска, а затем нанес гражданам тяжкие телесные повреждения. В судебном заседании 13 октября 1949 г. Крапивин заявил, что потерпевший Гулько находился в приятельских отношениях с оперуполномоченным, который расследовал это дело. Кроме того, обвиняемый сообщил: оперативник и Гулько требовали от него, Крапивина, 3 тыс. руб. за прекращение дела. Эти обстоятельства требовали проверки. По ее окончании дело направили в суд 10 декабря 1949 г.⁷

Определенный процент дел, передававшихся в суд, был расследован недостаточно тщательно. Работникам следственных органов порой не хватало времени проверить все обстоятельства дела перед передачей их в суд.

⁶ Доклад о работе прокуратуры лагерей и колоний УМВД Красноярского края по надзору за рассмотрением уголовных дел за 4-ый кв. 1949 г. // ГА КК. Ф. Р-2057. Оп. 2. Д. 12. Л. 13.

⁷ Там же. Л. 16–17.

За четвертый квартал по 103 делам осудили 145 чел., из них к лишению свободы были приговорены 138 чел., или 95,1 %; с применением ст. 51 УК РСФСР⁸ — двое, или 1,4 %; к исправительно-трудовым работам — двое, или 1,4 %; к условной мере наказания — один, или 0,7 %.

Оправдательные приговоры вынесли в отношении двух человек, или 1,4 % подсудимых. Оправдали В. Т. Шумейко, обвиняемого по ст. 139 УК («Убийство по неосторожности, а равно убийство, явившееся результатом превышения пределов необходимой обороны»), и П. М. Свиначенко по ст. 193-15 п «г» УК («Нарушение уставных правил караульной или конвойной службы, сопровождавшееся наступлением вредных последствий, в предупреждение которых установлен данный караул или конвой»).

3 ноября 1949 г. бригаду заключенных, в составе которой находились Шумейко и Иванов, вывели на объект работы. Вследствие того что зону объекта работ не подготовили, колона заключенных в течение примерно одного часа стояла возле объекта в ожидании. Члены бригады, чтобы согреться, стали играть в «петушинный бой», в ходе игры Шумейко и Иванов толкнули друг друга «примерно до 10 раз». Когда Шумейко надоела эта забава, он предложил Иванову прекратить борьбу, но тот не желал останавливаться и еще раз наскочил на партнера по игре. Шумейко толкнул его, Иванов повалился на землю и тут же умер. Вызванный в судебное заседание эксперт пояснил: смерть Иванова последовала от разрыва солнечного сплетения и шока. По результатам судебного следствия установили: Иванов сам наскочил на Шумейко, попал на локоть, упал и тут же умер. Прокуратура решила не опротестовывать приговор из-за отсутствия оснований.

Свиначенко привлекли к уголовной ответственности за то, что 7 июля 1949 г. он допустил побег заключенного Толстихина. В судебном заседании установили, что командир отделения Ликторович назначил Свиначенко начальником конвоя по охране бригады заключенных. Бригада работала возле зерносклада, а часть — в зерноскладе. Свиначенко оказался единственным бойцом конвоя, охранявшим шесть человек. Рабочая зона зерносклада не была обнесена положенным забором с вышками, один человек не мог наблюдать за всей бригадой. Побег совершился в тот момент, когда Свиначенко проверял заключенных внутри.

Лагерный суд в основном адекватно оценивал доказательства по делу, прокуратура же строго следила за тем, чтобы приговоры были законными, а судьи объективными. В первом квартале 1950 г., по сравнению с четвертым кварталом 1949 г., дел с участием прокурора рассмотрели меньше. Если в четвертом квартале 1949 г. рассмотрели 61 дело из 103, или 58,2 %, то за первые три месяца 1950 г.

⁸ Ст. 51 УК РСФСР 1926 г.: «В том случае, когда по исключительным обстоятельствам дела суд приходит к убеждению о необходимости определить меру социальной защиты ниже низшего предела, указанного в соответствующей данному преступлению статье настоящего Кодекса, или перейти к другой менее тяжелой мере социальной защиты, в этой статье не обозначенной, он может допустить такое отступление, но не иначе, однако, как точно изложив в приговоре мотивы, вызвавшие это отступление».

из 130 дел судом ИТЛиК было рассмотрено 90 дел, из них с участием прокурора — 57 дел, или 63 %. Суд Енисейлага рассмотрел 40 дел, все дела — без участия прокурора⁹. Увеличение числа дел привело к тому, что прокуроры не успевали участвовать в рассмотрении некоторых из них¹⁰. По 130 делам осудили 154 чел., из них к лишению свободы — 151 чел., или 98,1 %; условно — двоих, или 1,3 %; оправдали — одного.

Начальника производственного конвоя Красноярского ОЛП Енисейлага Н. С. Степанова осудили условно по ст. 193-17 п. «а» («Злоупотребление властью, превышение власти, бездействие власти, а также халатное отношение к службе лица начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии»). 31 декабря 1949 г. Степанов вывел на объект работы 39 чел. В 17 часов, после окончания работы, он посчитал заключенных, но обсчитался и увел бригаду с объекта, забыв пять человек. По прибытии к вахте отдельного лагерного пункта Степанов хватился этих пятерых и, вернувшись, привел оставленных им заключенных в зону ОЛП. Суд, с учетом того что Николай Степанович на протяжении нескольких лет по работе никаких замечаний не имел, характеризовался как один из лучших работников и что данный случай халатности не повлек тяжелых последствий, вынес условный приговор.

Осудили 11 вольнонаемных работников из общего числа 154 осужденных в первом квартале 1950 г., или 7,1 %; по ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» — одного человека, по ст. 2 — четырех человек. По одному человеку — по статьям УК 109, 110 («Превышение власти или служебных полномочий»), 142, 74 и за воинские преступления¹¹.

Верховный суд СССР утверждал подавляющее большинство приговоров, выносимых судами УИТЛиК и Енисейского ИТЛ, что говорило о достаточно качественной работе этих инстанций.

Суды Енисейлага и УИТЛиК за второй квартал 1950 г. в подготовительных заседаниях рассмотрели 98 дел, из них с участием прокурора — 91 дело, или 92,9 % к общему числу рассмотренных дел. Без участия прокурора рассмотрели семь дел, или 7,1 % от всех рассмотренных. Все эти дела рассмотрел суд Енисейского ИТЛ.

Из подготовительного заседания вернули на доследование два дела, или 2 %: Ф. В. Логинов обвинялся по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. и по ст. 109 УК. Он работал заведующим продовольственно-вещевым складом Красноярского ОЛП Енисейлага. В октябре 1949 г. он получил на базе № 3 Золотопродснаба 400 кг рыбы, но на склад ее не доставил. Кроме того, для сокрытия излишков крупы Логинов выписал фиктивную фактуру на 140 кг, которую оприходовал

⁹ Доклад о работе прокуратуры лагерей и колоний УМВД Красноярского края по надзору за рассмотрением уголовных дел за 1-ый кв. 1949 г. Л. 87.

¹⁰ Доклад о работе прокуратуры лагерей и колоний УМВД Красноярского края по надзору за рассмотрением уголовных дел за 1-ый кв. 1950 г. // ГА КК. Ф. Р-2057. Оп. 2. Д. 12. Л. 90–91.

¹¹ Там же. Л. 93–94.

по складу. В результате его деятельности материальный ущерб, нанесенный Красноярскому ОЛП, составлял 6 286 руб. Дело из предварительного заседания вернули на доследование, сославшись на неполноту проведенного расследования.

Дело по обвинению Т. П. Сацука и Р. Ф. Курнавкиной по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. состояло в следующем: Сацук, отбывая наказание в Качинском ОЛП УИТЛиК, заведовал вещевым складом. По распоряжению своего начальника Щегульного он принял под свой отчет излишки вещевого довольствия на сумму 2 527 руб., которые не оприходовал, а затем, по указанию Щегульного, Сацук раздавал вещи работникам лагеря и самому Щегульному. Досталось и сожительнице Сацука — бухгалтеру ОЛП, вольнонаемной Курнавкиной.

Поскольку Щегульный являлся офицером, чтобы ни затягивать дело, так как для его привлечения к уголовной ответственности необходима была санкция МВД СССР, в отношении его материал выделили в отдельное производство и дело направили в суд. Суд к производству это дело не принял и направили его на доследование, считая неосновательным выделение в отдельное производство материал в отношении Щегульного.

Суды УИТЛиК и Енисейлага во втором квартале 1950 г. рассмотрели 104 дела, из них с участием прокурора — 58 дел, или 55,8 % от общего числа рассмотренных дел¹² (см. табл. 2).

Таблица 2

**Рассмотрение дел по составу преступления во втором квартале 1950 г.
судами УИТЛиК и Енисейлага¹³**

Основание	Количество рассмотренных судом дел	Рассмотрено с участием прокурора	Процент участия прокурора
Ст. 58–14 (контрреволюционный саботаж) (отказ от работы)	6	83,3 %	83,3 %
Ст. 58–14 (побеги)	12	9	75 %
Ст. 82 ч. 1	8	3	37,5 %
Ст. 59–3	9	7	77,7 %
Ст. 136–138	1	—	—
Указ от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан»			
Ст. 1	2	1	50 %
Ст. 2	1	1	100 %
Указ от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества»			
Ст. 1	6	5	83,3 %
Ст. 2	15	11	73,3 %
Ст. 109	4	2	50 %

¹² Доклад о работе прокуратуры лагерей и колоний УМВД Красноярского края по надзору за рассмотрением уголовных дел за 2-ой кв. 1950 г. // ГА КК. Ф. Р-2057. Оп. 2. Д. 12. Л. 129–130.

¹³ Там же. Л. 131–132.

Основание	Количество рассмотренных судом дел	Рассмотрено с участием прокурора	Процент участия прокурора
Ст. 110	2	1	50 %
Воинские преступления	3	2	66,6 %
Прочие преступления	35	11	31,4 %

Основное внимание в прокуратуре уделяли делам о контрреволюционных преступлениях. Они выходили за рамки уголовного права и имели еще и политическое значение. За качество их рассмотрения с судей и прокуроров был особый спрос. Подобные деяния со стороны заключенных выражались в основном в отказах от работы и в побегах.

Побег из места заключения карался, согласно ст. 82 УК РСФСР, однако в военное время ряд категорий беглецов приравнивали к саботажникам и ст. 58-14 применялась к таким категориям преступников куда чаще, чем ст. 82. Опасными саботажниками и дезорганизаторами производства считались также заключенные, отказывавшиеся от работы, проходившие по той же статье.

Если в первом квартале 1950 г. с участием прокурора рассмотрели 43,9 % дел, то во втором — уже 55,8 %. По особо опасным преступлениям, как то: хищения и растраты, отказ от работы, побеги, бандитизм — во втором квартале 1950 г. суды рассмотрели 55 дел, из них с участием прокурора — 41, или 74,5 %.

Из 46 дел, рассмотренных без участия прокурора, сотрудники прокуратуры проверили 33 дела. Не подверглись проверке семь дел, рассмотренных судом Енисейлага. Из всех 104 рассмотренных дел вернули на доследование три дела, или 2,9 % от общего количества¹⁴.

Прокуроры наращивали процент своего участия в рассмотрении дел, чего от них постоянно требовали вышестоящие прокурорские органы.

По 104 делам предали суду 139 чел., из них приговорили к лишению свободы 128 чел., или 92 %; к исправительно-трудовым работам (ИТР) — двоих, или 1,5 %; оправдали — девятых, или 6,5 %.

Из вольнонаемных работников под судом оказалось шесть человек, или 4,3 % осужденных, из них понесли соответствующие наказания по ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» — один человек, по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» — один, за воинские преступления — четверо, прочие — один.

Оправдательные приговоры выносились по следующим обстоятельствам. М. В. Суздалева обвинялась по ст. 111 УК (бездействие власти). Она, работая сторожем на красноярской базе Норильстроя, уснула на посту. В это время

¹⁴ Доклад о работе прокуратуры лагерей и колоний УМВД Красноярского края по надзору за рассмотрением уголовных дел за 2-ой кв. 1950 г. Л. 131–132.

грабители сломали замок в одном из охраняемых ею складов и похитили материальные ценности на сумму 16 166 руб. В судебном заседании установили: Суздалева охраняла объект внутри зоны, где работали заключенные. Под ее надзором находилось два больших пакгауза и четыре склада с 18 дверями. Пакгаузы стояли через дорогу, по которой постоянно двигались заключенные. Для того чтобы обойти объект, требовалось 20–25 минут. Если стоять у одного пакгауза или склада, другие не просматривались. Суздалева имела высокую степень близорукости, вследствие чего не увидела, когда была совершена кража, и суд ее оправдал.

В. П. Светлого привлекли к уголовной ответственности за то, что, будучи начальником конвоя по охране бригады заключенных в составе 10 чел., не осмотрел место работы заключенных, неправильно расставил конвой, тем самым допустил побег заключенного Симоненко. В судебном заседании установили: начальником конвоя на данный объект Светлого направили впервые и перед тем как заступить в наряд по охране объекта, его не проинструктировали, он не знал, что на объекте имеется скрытое отверстие, ведущее под пол, а отсюда можно выйти за охраняемую зону. Суд вынес оправдательный приговор¹⁵.

В делах Суздалевой и Светлого имела место скорее вина начальства, нежели их самих. В первом случае охрану осуществлял явно непригодный для этого человек, во втором — обвиняемого не подготовили должным образом к осуществлению своих обязанностей.

Суды УИТЛиК и Енисейлага рассмотрели в четвертом квартале 1950 г. в подготовительных заседаниях 82 дела, из них с участием прокурора — 71, или 86,8 %. Все дела, переданные в суд Енисейлага, рассматривались без прокурора. В этом квартале в судебных заседаниях было рассмотрено 74 дела, из них с участием прокурора — 42, или 56,5 % от общего числа¹⁶.

Количество дел, рассмотренных судами, подведомственными прокуратуре УИТЛиК, в четвертом квартале снизилось. Это было связано с тем, что в зимнее время сокращалось число побегов, наиболее распространенного среди заключенных вида преступлений.

Данные, приведенные в таблице 3, свидетельствовали о том, что по особо опасным преступлениям, а именно по делам о хищениях, растратах, бандитизму, убийствам, отказу от работы, воинским преступлениям и контрреволюционным преступлениям в данном квартале рассмотрели 32 дела, из них с участием прокурора — 28, или 87,5 % (в предыдущем квартале — 84,7 %). Без участия прокурора рассмотрели 32 дела, из них работники прокуратуры проверили 19 дел. Большое количество дел, рассмотренных без участия прокурора, объяснялось тем, что суд Енисейлага рассмотрел в последнем квартале 1950 г. 10 дел, все, как обычно, без участия прокурора.

¹⁵ Доклад о работе прокуратуры лагерей и колоний УМВД Красноярского края по надзору за рассмотрением уголовных дел за 1-ый кв. 1950 г. // ГА КК. Ф. Р-2057. Оп. 2. Д. 12. Л. 90–91.

¹⁶ Там же. Д. 18. Л. 25.

Таблица 3

**Количество дел по составу преступления, рассмотренных судами
УИТЛиК и Енисейлага в четвертом квартале 1950 г.¹⁷**

Основание	Количество рассмотренных судом дел	Рассмотрено с участием прокурора	Процент участия прокурора
Ст. 58-14 (отказ от работ)	4	3	75 %
Ст. 58-10	1	1	100 %
Ст. 58-14 (побеги)	12	6	50 %
Ст. 82 ч. 2	13	1	7,7 %
Ст. 59-3	12	11	91,7 %
Ст. 136–138	3	2	66,6 %
Указ от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества»			
Ст. 1	3	2	66,6 %
Ст. 2	7	5	71 %
Ст. 109	1	1	100 %
Воинские преступления	1	1	100 %
Прочие преступления	13	6	46,1 %

Из 74 дел, рассмотренных двумя судами, вернули на доследование из судебного заседания только одно (1,3 %), в предыдущем квартале — два (1,9 %)¹⁸.

В июне 1951 г. прокуратура УИТЛиК была упразднена; ее функции передали прокуратуре ИТЛ Енисейстроя, которая осуществляла надзор за следующими лагерными подразделениями: 1) Главное управление ИТЛ Енисейстроя; 2) Управление ИТЛиК УМВД Красноярского края; 3) Управление Енисейлага МВД СССР; 4) Управление Юго-Западного ИТЛ Енисейстроя МВД СССР; 5) Управление Красноярского порта Норильлага МВД СССР.

Прокуратуре ИТЛ Енисейстроя оказались поднадзорны 40 лагерных подразделений и ряд геологических экспедиций и партий геологического управления Енисейстроя. Под ее надзором находились фабрики и заводы, на которых работал вольнонаемный состав численностью 26 тыс. человек. На 1 января 1952 г. в лагерных отделениях всех поднадзорных управлений ИТЛ содержалось 42 139 заключенных, в том числе мужчин — 33 665, женщин — 8 474. Из них несовершеннолетних — 72 чел.¹⁹

Осуществлять надзор за большим количеством территориально разбросанных лагерных подразделений, где содержались десятки тысяч заключенных, должен был значительный штат (см. табл. 4).

¹⁷ Доклад о работе прокуратуры лагерей и колоний УМВД Красноярского края по надзору за рассмотрением уголовных дел за 1-ый кв. 1950 г. Л. 25–25 а.

¹⁸ Там же. Л. 25 а.

¹⁹ Доклад о работе прокуратуры ИТЛ и «Енисейстроя» МВД СССР за 2 пол. 1952 г. // ГА КК. Ф. Р-2057. Оп. 2. Д. 25. Л. 4–7.

Таблица 4

Штат прокуратуры ИТЛ Енисейстроя на 1 января 1952 г.²⁰

Должность	Фамилия	Специальное звание	Стаж работы
Прокурор	Шадрин	Младший советник юстиции	Неизвестно
Заместители прокурора	Векслер	Юрист 1 класса	С января 1951 г.
	Селезнёв	Младший юрист	С июня 1950 г.
	Мишина	Юрист 3 класса	С апреля 1950 г.
Помощники прокурора	Падалко	Юрист 3 класса	Был переведен в эту прокуратуру после ликвидации прокуратуры УИТЛиК УМВД по КК в сентябре 1951 г.
	Полчанинов	Юрист 3 класса	С августа 1950 г. после окончания юридической школы
	Александров	Без звания	С августа 1951 г. по окончании Казанской юридической школы
	Богачёв	Без звания	С августа 1951 г. по окончании Саратовского юридического института
Старший следователь	Демьяненко	Младший юрист	С января 1951 г.

При этом пять сотрудников продолжали обучение в заочном юридическом институте: Мишина — на третьем курсе, Полчанинов и Падалко — на втором, Александров и Селезнёв — на первом. Полностью укомплектовать штат прокуратуры удалось только в августе 1951 г., когда в ее состав ввели двух молодых юристов, уже окончивших учебные заведения.

Между сотрудниками прокуратуры были поделены обязанности: прокурор осуществлял общее руководство, Векслер — надзор за следствием и судом, ему помогал Падалко. Мишина занималась общим надзором, ей помогали Полчанинов и Александров. Селезнёв и Богачёв работали в Юго-Западном главном производственном управлении и ИТЛ Енисейстроя, в обслуживание которых входили все подразделения Абаканского куста²¹.

Во втором полугодии 1951 г. в подведомственных прокуратуре лагерях привлекли к уголовной ответственности 123 чел., или 0,29 % от общего числа заключенных, вольнонаемных и солдат охраны.

Интенсивность работы старшего следователя прокуратуры была невысокой. За второе полугодие 1951 г. он закончил расследование всего восьми уголовных дел. Работал он фактически пять месяцев (в августе 1951 г. был

²⁰ Доклад о работе прокуратуры ИТЛ и «Енисейстроя» МВД СССР за 2 пол. 1952 г. Л. 2–3.

²¹ Там же. Л. 3.

в отпуске), ежемесячная нагрузка составляла в среднем 1,6 дела. На 1 января 1952 г. у него в производстве находилось только одно дело. Незначительная месячная нагрузка старшего следователя объяснялась отсутствием достаточных ассигнований на командировочные расходы. По этой причине за июль – декабрь 1951 г. он ни разу не выезжал за пределы Красноярска и расследовал материалы только по делам, возникавшим в городе. Выезду старшего следователя на места совершения преступлений мешала также территориальная удаленность и труднодоступность подведомственных прокуратуре лагерных подразделений.

По статьям дела, которыми занимался старший следователь, подразделялись так: ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» — два дела; ч. 1 указа от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование», ст. 58-10, ст. 193-5 п. «а» и ст. 193-7 п. «г», ст. 73 ч. 1, ст. 75-1 — по одному делу. По данным расследованиям старший следователь привлек к уголовной ответственности 13 чел., из них шестеро вольнонаемных²².

Во втором полугодии 1952 г. по ИТЛ Енисейстроя привлекли к уголовной ответственности 149 чел., из них 96 заключенных, 36 вольнонаемных, 17 военных. По УИТЛиК — 48 чел., из них 45 заключенных и три солдата охраны²³.

По ОЛП Енисейстроя число фактов бандитизма, умышленных убийств, нанесения тяжких телесных повреждений и побегов снизилось. Так, если в первом полугодии 1952 г. по этим видам преступлений было привлечено к уголовной ответственности 43 заключенных, то во втором — 23. В ОЛП УИТЛиК, наоборот, по этим видам преступлений во втором полугодии привлекли на 19 чел. больше, чем в первом.

Рост преступности среди заключенных УИТЛиК в основном объяснялся тем, что с марта 1952 г. в ведение этого лагеря из Норильского ИТЛ передали транзитно-пересыльный лагерный пункт, который не отвечал требованиям пересыльной тюрьмы и не обеспечивал необходимой изоляции вновь поступившего буйного, склонного к насилию элемента, в связи с чем имели место неоднократные случаи «бандитских проявлений», сопровождавшиеся убийствами заключенных, осужденных за общеуголовные преступления²⁴. По территории края проходила Транссибирская железнодорожная магистраль, поэтому он служил транзитным регионом для транспортировки осужденных из центральной части страны в Восточную Сибирь и на Дальний Восток. В дороге заключенные из разных группировок зачастую оказывались в одних помещениях и начиналось выяснение отношений.

В лагерях Енисейстроя 13 заключенных привлекли к суду по ст. 110 (превышение власти), причем по одному делу они являлись нарядчиками и бригадирами. Всем им предъявили обвинение в том, что, отбывая наказание в Туимском

²² Доклад о работе прокуратуры ИТЛ и «Енисейстроя» МВД СССР за 2 пол. 1952 г. Л. 39.

²³ Доклады и спецдонесения в Прокуратуру СССР о режиме и условиях содержания заключенных // ГАКК. Ф. Р-2057. Оп. 1. Д. 31. Л. 77.

²⁴ Там же.

лагерном отделении, они, по инициативе бывшего старшего нарядчика, заключенного Савоськина и его помощника Скуратова, организовались в группу, которая при попустительстве администрации лагеря терроризировала заключенных, прибывавших с этапами. Особенно жестоким избиениям подвергались заключенные, принадлежавшие к так называемым вора в законе. Их заставляли отречься от воровских традиций. Всем потерпевшим участники группы угрожали расправой, если они пожалуются администрации или обратятся в санчасть. С сентября 1951 по август 1952 г. они избили 37 заключенных. Один из них, Звонарёв, умер через 20 суток после избиения, ряд других узников не в состоянии были выходить на работу в течение длительного времени. Материалы, касавшиеся виновности в этих избиениях начальника лагерного отделения майора Белокура, бывшего начальника отделения режима и оперативной работы майора Белокопытова и других лиц, выделили в отдельное производство.

Расследование по делу закончилось 15 декабря 1952 г., и суд принял дело к производству. Данное дело расследовалось при активном содействии работников прокуратуры: с участием прокурора допросили 31 чел.²⁵ Вора в законе традиции преступного мира запрещали работать. Однако нарядчиков и бригадиров это не устраивало, они отвечали за выполнение производственного плана, от этого зависел срок их пребывания в заключении. Занимавшие лагерные должности заключенные решили призвать воров в законе к порядку. Сделали они это незаконными методами при помощи администрации, так как в этом вопросе их интересы совпадали. Однако закон защищал всех заключенных и прокуратура не могла закрыть глаза на эти факты, поэтому для тех, кто организовывал и поощрял избиения, все закончилось уголовным делом.

За второе полугодие 1952 г. прокуратура отчиталась о принятых мерах по борьбе с преступностью:

1) 30 сентября 1952 г. по результатам проверки транзитно-пересыльного лагерного отделения УИТЛиК сделали представление начальнику УМВД края и секретарю Красноярского крайкома КПСС. После этого руководство УМВД и УИТЛиК произвели переоборудование лагерного отделения, развернули строительство двух каменных барачных камерной системы, необходимых для изоляции «активного уголовно-бандитствующего элемента» и враждующих между собой заключенных. Работников лагеря, допустивших ослабление режима содержания заключенных, наказали в административном порядке. Начальника транзитно-пересыльного лаготделения Трифонова и начальника УИТЛиК Сатюкова, как не справившихся с работой, отстранили;

2) в декабре изучили и обобщили судебную практику по делам о «бандитских проявлениях», убийствах, нанесении тяжких телесных повреждений в лагерях Енисейстроя за первые 10 мес. 1952 г. По результатам обобщения начальнику управления ИТЛ Енисейстроя 23 декабря 1952 г. сделали представление, в котором

²⁵ Доклады и спецдонесения в Прокуратуру СССР о режиме и условиях содержания заключенных // ГА КК. Ф. Р-2057. Оп. 1. Д. 31. Л. 77–78.

прокуратура потребовала разработать план мероприятий для предотвращения распространения бандитизма;

3) 30 августа 1952 г. сделали представление начальнику УИТЛиК по результатам проверки лагерного отделения № 6. В этом представлении прокуратура потребовала принять меры к раздельному содержанию заключенных, осужденных за бандитизм, разбойные нападения и убийства, и лиц, осужденных за ненасильственные преступления. Однако при проверке в декабре 1952 г. Черногорского, Ладейского и Цемзаводского лагерных пунктов прокуратура установила: особо опасные преступники еще не были изолированы от остального контингента, в связи с чем 31 декабря 1952 г. по этому вопросу начальнику УМВД и начальнику УИТЛиК сделали новое представление. В результате опасных преступников направили для содержания в Ладейский лагпункт;

4) за вторые шесть месяцев 1952 г. в целях усиления мер по борьбе с хищениями государственного имущества прокуратура произвела проверки по вопросам порядка хранения, транспортировки, учета и охраны материальных ценностей на пяти транспортно-перевалочных базах. При проверке лагерных подразделений в каждом отдельном случае сотрудники прокуратуры настояли на отстранении от работы по охране и учету материальных ценностей заключенных, осужденных за хищения и растраты²⁶.

Порой только давление прокурорских органов могло заставить руководство лагерных подразделений принять должные меры, и это давление должно было оказываться регулярно, для чего прокуратура разработала комплекс мер по борьбе с ростом преступности.

В первом полугодии 1953 г. по делам режимно-оперативных отделов, подведомственных прокуратуре лагерей, и прокуратуры к уголовной ответственности привлекли 165 чел., в том числе 112 заключенных, 38 вольнонаемных и 15 солдат военизированной охраны.

Преступность по лагерям Енисейстроя снизилась, а по лагерям УИТЛиК выросла. Это объяснялось, во-первых, тем, что за январь – июнь 1953 г. в УИТЛиК из других ИТЛ поступила значительная часть «отрицательного контингента», среди которого имелись члены враждующих группировок; во вторых, тем, что в некоторых лагерных подразделениях, несмотря на неоднократные требования прокуратуры, заключенные, осужденные за общеуголовные преступления, до мая – июня 1953 г. продолжали содержаться совместно с лицами, отбывавшими наказание за особо опасные преступления²⁷.

Начавшийся после реализации указа от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» процесс массового освобождения узников привел к определенной неразберихе в местах заключения. Смещение членов различных группировок заключенных провоцировало акты насилия.

²⁶ Доклады и спецдонесения в Прокуратуру СССР о режиме и условиях содержания заключенных. Л. 79–80.

²⁷ Там же. Л. 203.

Заключение. По окончании Великой Отечественной войны количество заключенных в стране выросло, соответственно поднялась и преступность в местах заключения. Перед судом рисковали предстать как заключенные, так и вольнонаемные работники и солдаты военизированной охраны. В соответствии с их положением и совершались преступления: сидельцы совершали побег и отказывались от работы, вольнонаемные работники уличались в основном в экономических преступлениях, а стрелки конвоя в воинских преступлениях.

Работники прокуратуры поддерживали обвинение по уголовным делам в лагерных судах, ставя своей целью объективный разбор таких дел. Дела, в рассмотрении которых прокуроры не принимали участия, они все равно проверяли.

Лагерная прокуратура составляла представления о причинах, способствовавших нарушению закона и направляла их руководству ИТЛ, но руководители исправительно-трудовых лагерей не всегда имели возможность устранить эти проблемы, а иной раз им было выгодно существующее положение вещей.

Успешно осуществлять свои функции прокурорским работникам мешали специфические природно-географические условия Красноярского края. Огромные расстояния, тяжелый климат и слаборазвитые пути сообщения серьезно затрудняли перемещения между различными лагерными подразделениями. По этим причинам суд Енисейлага остался без прокурорского надзора.

Литература

1. Шкаревский Д. Н. Лагерная (пенитенциарная) прокуратура в 30-е – 50-е годы XX века // Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: материалы V Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 22 апреля, 2022 г.). Тверь: НИИ ФСИН России, 2022. С. 232–237.

2. Шкаревский Д. Н. Органы лагерной прокуратуры во второй половине 1930-х – начале 1950-х гг. // История государства и права. 2021. № 9. С. 45–50. <https://doi.org/10.18572/1812-3805-2021-9-45-50>

References

1. Shkarevsky D. N. The camp (penitentiary) prosecutor's office in the 30s – 50s of the 20th century // Promising areas of scientific research on the history of the penal enforcement system of the Russian Federation: proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference (Moscow, April 22, 2022). Tver: Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2022. P. 232–237. (In Russ.).

2. Shkarevsky D. N. Camp prosecution authorities in the second half of the 1930s to the early 1950s // History of the State and Law. 2021. № 9. P. 45–50. <https://doi.org/10.18572/1812-3805-2021-9-45-50> (In Russ.).

Научная статья

УДК 94 (3)

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-262-117-126

Алексеев Константин Александрович

кандидат философских наук

Тверской институт (филиал)

Московского гуманитарно-экономического университета

Тверь, Россия

alekseev.k@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9131-6331

ПРЕОДОЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОЙ ЛИНИИ РАЗЛОМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИНДОАРИЙЦЕВ

Аннотация. Статья посвящена одной из ключевых проблем индоевропеистики (называемых также линиями разлома), а именно направлению миграций индоарийцев на Иранское плато и времени их появления здесь; от решения этих вопросов зависит место и время диалектной дивергенции индоарийцев и иранцев и, соответственно, время и место бытования прежде неразделенной индоиранской группы диалектов. В статье приводятся данные в пользу направления миграций индоарийцев с Волги через степи Казахстана и оазисы Средней Азии в Тепе-Гиссар (Иран), устанавливаются поворотные точки на этом пути и даты их прохождения. В целом статья вписывает индоарийские миграции в более широкий контекст этнических процессов, протекавших в евразийских степях в бронзовом веке.

Ключевые слова: индоевропейцы, индоарийцы, митохондриальные гаплогруппы, Тепе-Гиссар, Заман-Баба, ямная культура.

Для цитирования: Алексеев К. А. Преодоление центрально-азиатской линии разлома происхождения индоарийцев // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2026. № 2 (62). С. 117–126. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-262-117-126>

Original article

UDC 94 (3)

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-262-117-126

Alekseev Konstantin A.

Candidate of Philosophical Sciences

Tver Institute (branch)

of Moscow Humanitarian Economic University

Tver, Russia

alekseev.k@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9131-6331

**OVERCOMING THE CENTRAL ASIAN FAULT LINE
IN THE ORIGIN OF THE INDO-ARYANS**

Abstract. This article addresses one of the key issues in Indo-European studies (also known as *fault lines*), namely, the direction of Indo-Aryan migrations to the Iranian plateau and the time of their arrival there. The solution to these questions determines the time and place of dialect divergence between Indo-Aryans and Iranians, and, accordingly, the time and place of the formerly undivided Indo-Iranian dialect group. The article summarizes the evidence supporting the direction of Indo-Aryan migrations from the Volga through the steppes of Kazakhstan and the oases of Central Asia to Tappeh Hesar (in Iran), establishing turning points along this route and the dates of their passage. Overall, the article places Indo-Aryan migrations within the broader context of ethnic processes that took place in the Eurasian steppes during the Bronze Age.

Keywords: Indo-Europeans, Indo-Aryans, mitochondrial haplogroups, Tappeh Hesar, Zaman Baba, yamnaya culture.

For citation: Alekseev K. A. Overcoming the Central Asian fault line in the origin of the indo-aryans // MCU Journal of Historical Studies. 2026. № 2 (62). P. 117–126. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-262-117-126>

Введение. На данной стадии индоевропейских исследований практически не возникает сомнений в том, что индоарийцы пришли на исторические места обитания из Тепе-Гиссара (Северо-Восточный Иран) через ареал Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (Дашлы-3)¹.

Однако само появление индоарийцев в Северо-Восточном Иране вызывает ряд вопросов. Так, Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова полагают, что индоарийцы пришли в Северо-Восточный Иран непосредственно с Армянского нагорья (из Восточной Анатолии), последний же ареал рассматривается как изначальная прародина всех индоевропейцев²; гипотеза В. А. Сафронова строится

¹ *Алексеев К. А.* К вопросу о путях миграций носителей индоарийских диалектов в долину Инда // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 11 (161). С. 1–5.

² *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. 2. Тбилиси, 1984. С. 914–915.

на том, что индоарийцы обитали в Приазовье и на Кубани и, таким образом, пришли в Иран через Кавказ³.

Этим гипотезам противоречит локализация ближайших языковых родичей индоарийцев — иранцев — в степях от Волги до Енисея (андроновская общность). Точка зрения Е. Е. Кузьминой на этнический характер андроновской общности получила широкое признание, в том числе среди западных индоевропеистов⁴.

По существу, перед нами две концепции: либо индоарийцы приходят в Иран с Северного Кавказа, либо из Волго-Уральских и Казахских степей. Данное противоречие Дж. П. Мэллори, а вслед за ним К. Ренфрю назвали *центрально-азиатской линией разлома* индоевропейской проблемы⁵.

В настоящей статье мы попытаемся преодолеть эту линию разлома и доказать обоснованность степного происхождения индоарийцев.

Ход и результаты исследования. Для начала определим, имеются ли хотя бы какие-то элементы степной культуры в Тепе-Гиссаре.

В квадрате DF89, в могиле № 13, относимой к периоду позднего Гиссара II – раннего Гиссара III, было обнаружено ямное захоронение молодой женщины: тело скорчено на правом боку, головой на север, в сопровождении типичной для Тепе-Гиссара черно-серой полированной керамики и небольшого количества охры⁶. Последний атрибут погребального ритуала авторы раскопок в Тепе-Гиссаре непосредственно связывают с обрядом погребения в среднеазиатской культуре Заман-Баба, ссылаясь на раскопки, проведенные там Е. Е. Кузьминой⁷.

Прежде чем перейти к анализу культуры Заман-Баба, мы должны сказать, что перед нами — материальное доказательство непосредственного проникновения населения из Средней Азии в Иран, причем это был не случайный занос какой-то блуждающей группы, а вполне целостный коллектив, в котором были и женщины, и, вероятно, дети. На новом месте жительства, в Тепе-Гиссаре, они продолжили сохранять свои погребальные традиции и, несомненно, язык, мифологию и духовные ценности; иными словами, сохранили арийскую идентичность, которую впоследствии донесли до долины Инда.

При этом мигранты даже по внешнему облику (антропологическому типу) резко отличались от местных жителей. Население Тепе-Гиссара II–III было темно-пигментированным средиземноморским⁸, тогда как арийские мигранты

³ Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. С. 213, 215.

⁴ Ренфрю К. Индоевропейская проблема и освоение евразийских степей: вопросы хронологии // Вестник Древней истории. 2002. № 2 (241). С. 31.

⁵ Ренфрю К. Указ. соч. С. 30.

⁶ Tosi M., Bulgarelli G. M. The stratigraphic sequence of squares DF88/89 on south hill, Tappeh Hesar // Tappeh Hesar: Reports of the restudy project, 1976. Firenze, 1989. P. 51.

⁷ Кузьмина Е. Е. Могильник Заман-Баба // Советская этнография. 1958. № 2. С. 24–33.

⁸ Худавердян А. Ю. О некоторых антропологических аспектах индоевропейской проблемы // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 19 (90). Вып. 16. С. 8, 11.

отличались светлой пигментацией: термин *svitnya* (светлый) используется в «Ригведе» для описания внешности арийских богов⁹.

В системной связи с ямной могилой 13 из квадрата DF89 оказывается могила № 2 из квадрата DF29, относимая к тому же переходному периоду позднего Гиссара II – раннего Гиссара III. Покойный — молодой мужчина (H629) 25 лет от роду — был погребен с браслетами на запястьях под полом дома. В момент захоронения дом мог быть нежилым, вероятно, он использовался как семейный (родовой) склеп¹⁰. Тем не менее перед нами очень древний — неолитический — обычай интрамурального захоронения не только на территории поселения, но даже внутри жилого (или прежде жилого) дома. Одним словом, молодой мужчина из могилы № 2 квадрата DF29 явно родился и вырос в среде автохтонного населения Тепе-Гиссара и по традиционным обрядам своих отцов и дедов был похоронен.

Очень важно, что могила № 2 квадрата DF29 имеет вполне однозначную датировку: 4265 ± 25 BP (PSUAMS-1914, 2315 г. до н. э. по традиционной некалиброванной шкале), что предполагает дату рождения погребенного — около 2340 г. до н. э. Но еще более важно, что этого мужчину, погребенного по местным традициям, можно отнести к митохондриальной гаплогруппе HV¹¹, представители которой обнаруживаются как в бассейне Дуная, так и среди ведических арийцев в долине Инда¹².

Таким образом, можно утверждать следующее: мать покойного из могилы № 2 квадрата DF29 была носительницей все той же митохондриальной гаплогруппы HV, которая маркирует индоарийских мигрантов; они прибывают в Тепе-Гиссар из Заман-Баба в период позднего Гиссара II – раннего Гиссара III, точнее около 2340 г. до н. э.; тогда же мать покойного из могилы № 2 квадрата DF29 вступила в брак с местным мужчиной; ребенок, родившийся в этом браке и умерший 25 лет от роду, явно принадлежал к традиционной культуре своего отца и был похоронен по традициям отцовского рода. Можем ли мы утверждать, что перед нами явное свидетельство патрилинейного счета родства и патрилокальности брака — женщина переходит в род своего мужа, и все ее дети принадлежат к роду своего отца?

С другой стороны, молодая женщина из могилы № 13 квадрата DF89 была похоронена по степным традициям мигрантов. Вне зависимости от ее брачного статуса, при ее захоронении были сохранены погребальные обычаи ее арийского рода и титульная принадлежность к нему.

⁹ Лелеков Л. А. К новейшему решению индоевропейской проблемы // Вестник Древней истории. 1982. № 3. С. 33.

¹⁰ Gürsan-Salzmann A. The new chronology of the Bronze Age settlement of Tepe Hissar. Philadelphia, 2016. P. 204, 222.

¹¹ The genomic formation of South and Central Asia / Narasimhan V. M. et al. // Science. 2019. Vol. 365. Supplementary materials. Text S1. P. 60; Data S1.

¹² Алексеев К. А. К вопросу о происхождении индо-иранцев и тохар в свете новейших данных генетики // Genesis. 2020. № 12. С. 34–43.

Учитывая высокий статус женщин в обществах Центральной Азии в бронзовом веке¹³, мы не допускаем, что имел место обмен женами между мигрантами и автохтонами в Тепе-Гиссаре. Скорее перед нами пример дуального счета родства, при котором индивид считается принадлежащим родам обоих родителей. Отражение этого мы обнаруживаем в ведических текстах: *адитьи* (включая Индру) происходят от праматери Адити (и, таким образом, это явный пережиток матрилинейности); существа противоположного класса — *даитьи* — происходят от родной сестры Адити — Дити и являются извечными культурными противниками адитьев.

В обоих случаях имеет место матрилинейность, но только представители одного класса существ являются вождями, богами и хранителями духовных ценностей арийцев, а другого, по существу, — демонами. Отчего это зависит? От локализации брака — эндогамного (в случае с Адити, внутри арийского рода-племени) или экзогамного (возможно, в случае с Дити, взявшей мужа из автохтонного населения)? Или от самого индивида в момент взросления, когда он выбирает дальнейшую доминирующую принадлежность к роду, обычаям и даже погребальным традициям отца или матери (если брак был смешанный)?

В любом случае мы полагаем, что у арийцев до прихода в долину Инда существовал матрилинейный счет родства и, вероятно, право женщины самой выбирать себе мужа, в том числе из чужого рода-племени.

Какова была первичная численность арийских мигрантов в Тепе-Гиссаре? В квадрате DF29 лишь 1 из 13 могил (7,6 %) указывает на смешанные браки и, соответственно, присутствие миграционного компонента. В квадрате DF89 исследовано всего две могилы (№ 12, 13), одна из которых (№ 13 — 50 %) является захоронением мигрантки из Степи. По совокупности можно говорить, что доля мигрантов при переходе к периоду *среднего Тепе-Гиссара III-B* составляла от 13 до 29 %.

Возможно, от момента первого появления арийцев в Тепе-Гиссаре около 2340 г. до н. э. в дальнейшем имела место инфильтрация мигрантов и увеличение их доли в общей численности населения.

Эта инфильтрация, как указали итальянские археологи М. Тоси и Дж. М. Булгарелли, происходила из культуры Заман-Баба¹⁴. Ареал этой культуры располагался в районе Бухары. Могилы — ямного и катакомбного типа, погребения совершались в скорченном положении на боку и сопровождались обилием охры¹⁵. Подобный ритуал транслируется в могиле № 13 квадрата DF89 Тепе-Гиссара.

Е. Е. Кузьмина выдвинула гипотезу о двух фазах в развитии Заман-Баба: более ранняя, ямная, синхронизируется с Тепе-Гиссаром III-B и более поздняя, катакомбная, синхронизируется с Тепе-Гиссаром III-C¹⁶. Если принимать

¹³ Массон В. М. Центральная Азия // История человечества. М., 2003. Т. 2. С. 410.

¹⁴ Tosi M., Bulgarelli G. M. Op. cit.

¹⁵ Кузьмина Е. Е. Указ. соч. С. 24.

¹⁶ Там же. С. 33.

эту гипотезу как рабочую, то для этнической истории индоарийцев первостепенное значение приобретает именно ямная фаза. Иными словами, в переходный период *позднего Гиссара II – раннего Тепе-Гиссара III* (именуемого также Гисар III-А, условная датировка — 2340–2300 гг. до н. э.) индоарийцы прибывают на это поселение именно как носители ямной культурной традиции.

На протяжении следующей фазы Гиссара III-В (2300–1910 гг. до н. э.) отношения складывались по принципу колонии и метрополии: основная часть индоарийцев предположительно проживала в Заман-Баба; в Тепе-Гиссаре жила лишь незначительная часть арийских колонистов (диаспора), не ставших элитой гиссарского общества и не изменивших его культурного облика.

Возникновение поселения арийцев в Заман-Баба и их миграция в Тепе-Гиссар, очевидно, происходят почти одновременно. На это указывает датировка ямных древностей, наиболее глубоко проникших в южном направлении. Таковыми древностями являются ямные погребения в могильнике Кумсай на реке Уил в Актюбинской области Казахстана. Авторы раскопок отмечают использование охры в могилах и северную ориентировку погребенных¹⁷, что впоследствии транслируется в погребение № 13 квадрата DF89 Тепе-Гиссара.

Для могильника Кумсай получена лишь одна радиоуглеродная дата — 4290 ± 40 BP (Beta-290781, 2340 г. до н. э. по традиционной некалиброванной шкале)¹⁸. К сожалению, авторы раскопок не указывают, из какой конкретно могилы получены образцы для анализа, однако отмечают, что все погребения были совершены в течение небольшого промежутка времени¹⁹, т. е. практически одновременно. Таким образом, полученную дату можно условно распространить на все ямные захоронения Кумсая в диапазоне 2380–2300 гг. до н. э.

Действительно индоарийцы мигрировали из Волго-Уральского ареала ямной культуры через степи Казахстана и Бухарский оазис в направлении Ирана стремительно, проходя каждый пункт в течение жизни одного поколения. Условно можно говорить, что арийцы прибыли в долину Уила и начали возводить первые курганы в Кумсае около 2380 г. до н. э.; около 2360 г. до н. э. индоарийцы предположительно основали Заман-Баба, а уже к 2340 г. до н. э. они достигли Тепе-Гиссара.

На каждом этапе этого большого пути арийцы оставляли позади какую-то часть носителей своего языка и культуры: могильник Кумсай продолжил функционировать и после ухода части арийцев в Заман-Баба, а сама культура Заман-Баба продолжила бытовать после ухода некоторой части населения в Тепе-Гиссар. При такой квантовой миграции сохранить культурно-лингвистическую и духовную идентичность, предположительно, смогли только

¹⁷ Хаванский А. И., Бисембаев А. А. К истории археологических исследований Западного Казахстана (бронзовый век) // Современная научная мысль. 2023. № 6. С. 266.

¹⁸ Бисембаев А. А., Мамедов А. М., Дуйсенгали М. Н., Китов Е. П. Предварительные итоги исследования ямного могильника Кумсай в 2010 г. // Древний Тургай и Великая Степь: сб. науч. статей. Кустанай; Алма-Ата, 2015. С. 367–368.

¹⁹ Там же. С. 367.

те арийцы, которые ушли в Тепе-Гиссар. Остальные группы арийцев в конечном счете оказались в тупике и были ассимилированы новыми волнами мигрантов.

Где, когда и при каких обстоятельствах произошла дивергенция индоиранской группы диалектов? Мы уже отмечали, что ритуальным идентификатором индоиранцев как еще неразделенной этнолингвистической группы были скорченные погребения на боку, левом (II обрядовая группа по Н. Я. Мерперту) и правом (IV обрядовая группа по нашей классификации). Почти в равных пропорциях обе эти обрядовые формы встречаются в животиловской группе памятников на Херсонщине и в Запорожье (2560–2365 гг. до н. э.)²⁰.

На Волге оба обряда появляются синхронно, что говорит о том, что индоиранская общность еще не разделилась. Мы датировали момент прихода индоиранцев на Волгу около 2350 г. до н. э. по аналогам из очень далекой Аладжи-Хююк в Анатолии²¹. С учетом того, что в 2340 г. до н. э. арийцы уже сепаратно прибыли в Тепе-Гиссар, успев пройти через Кумсай и Заман-Баба, ранее предложенная датировка должна быть понижена до 2400 г. до н. э. Это будет вполне соответствовать датировке царского некрополя в Аладже-Хююке (2400–2300 гг. до н. э.), приводимой Л. И. Авиловой²².

Обратим внимание, что в Кумсае встречается амбивалентный животиловский обряд погребения на левом и правом боку (курган 4, погребения: 2, 4, возможно 6)²³. Эти два-три погребения составляют 23 % из 11 исследованных. Однако мы убеждены, что Кумсай является памятником уже сугубо арийским: курганы были возведены в степях Казахстана уже после распада индоиранской группы. Очевидно, что дивергенция происходит около 2400 г. до н. э. непосредственно в момент прихода индоиранцев на Волгу, возможно в результате конфликта из-за доступа к водным ресурсам и пастбищам (на что указывают ведические мифы о похищении небесных коров, небесных вод и пахтанье океана). При этом арийцы, сохраняя животиловские традиции, практически сразу уходят в Кумсай, увлекая за собой какую-то часть местного (ямного) населения. Классическая ямная I ОГ (скорчено на спине — три погребения из 11) составляет 27 %, остальные погребения либо неопределенны, либо являют собой какие-то маргинальные обряды (на животе, сидя)²⁴. Очевидно, доля арийцев в той группе ямного населения, которую они в качестве элиты увлекли с Волги в свою долгую миграцию, была вполне достаточной, чтобы привить остальным участникам корпоративной миграции свой язык и духовные ценности. В конечном счете все древние ямники, ушедшие с Волги, стали истинными арийцами, поклоняющимися Индре и Адити.

²⁰ Алексеев К. А. Иранские племена в волго-уральских степях в бронзовом веке // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2023. № 4 (52). С. 11, 14.

²¹ Там же. С. 10.

²² Авилова Л. И. Анатолийские клады металлических изделий: очерки металлопроизводства и культурного контекста. М., 2018. С. 27.

²³ Бисембаев А. А., Мамедов А. М., Дуйсенгали М. Н., Китов Е. П. Указ. соч. С. 363.

²⁴ Там же. С. 360.

Заключение. После проведенного анализа хотелось бы вернуться к гипотезе Е. Е. Кузьминой о двух фазах в развитии Заман-Баба и высказать свою гипотезу о побудительных причинах миграции арийцев уже из Тепе-Гиссара.

Как известно, синхронно с полтавкинской культурой (2350–2000 гг. до н. э.) в Приуралье бытовала некоторая группа катакомбников, оставивших основное погребение кургана Новый Кумак²⁵. В дальнейшем новокумакский (синташтинский) горизонт, имеющий иранскую этническую принадлежность, около 2000 г. до н. э. перекрывает немногочисленные катакомбные погребения за Волгой и Уралом. Но именно в этот период (Тепе-Гиссар III-С) в Заман-Баба начинает бытовать катакомбный погребальный обряд²⁶. Предположительно, катакомбники, изгнанные с Южного Урала иранцами формирующейся андроновской общности, прибывают в Заман-Баба (около 2000 г. до н. э.).

Возможно, часть ямного (арийского) населения Заман-Баба подчинилась новой элите и была ассимилирована, но другая часть вполне могла уйти к своим сородичам, проживавшим в диаспоре в Тепе-Гиссаре III-В. Прибытие избыточного числа мигрантов (хотя оно и не фиксируется археологически), несомненно, вызывало социальное напряжение в Тепе-Гиссаре, которое потребовало практически немедленного (что и объясняет отсутствие археологических свидетельств) ухода избыточного арийского населения на восток — в Бактрию. Это случается в последние годы бытования Тепе-Гиссара III-В (2000–1910 гг. до н. э.). Таким образом, даже разделившись за 400 лет до этого, иранцы и арийцы продолжали оказывать влияние на судьбы друг друга, и формирование иранской андроновской общности вызвало цепную реакцию, приведшую ведических арийцев в долину Инда.

Литература

1. Авилова Л. И. Анатолийские клады металлических изделий: очерки металлопроизводства и культурного контекста. М.: Институт археологии РАН, 2018. 248 с.
2. Алексеев К. А. Иранские племена в волго-уральских степях в бронзовом веке // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2023. № 4 (52). С. 6–17. <https://doi.org/10.25688/20-76-9105.2023.52.4.01>
3. Алексеев К. А. К вопросу о происхождении индо-иранцев и тохар в свете новейших данных генетики // Genesis: исторические исследования. 2020. № 12. С. 34–43. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2020.12.34080>
4. Алексеев К. А. К вопросу о путях миграций носителей индоарийских диалектов в долину Инда // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 11 (161). С. 1–5. <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.161.61>
5. Бисембаев А. А., Мамедов А. М., Дуйсенгали М. Н., Китов Е. П. Предварительные итоги исследования ямного могильника Кумсай в 2010 г. // Древний Тургай

²⁵ Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.

²⁶ Кузьмина Е. Е. Указ. соч. С. 33.

и Великая Степь: часть и целое. Сб. науч. статей, посвященный 70-летию юбилею Виктора Николаевича Логвина. Костанай; Алматы: [Б. и.], 2015. С. 359–368.

6. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: в 2 ч. Ч. 2. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. С. 440–1330.

7. Кузьмина Е. Е. Могильник Заман-Баба // Советская этнография. 1958. № 2. С. 24–32.

8. Лелеков Л. А. К новейшему решению индоевропейской проблемы // Вестник Древней истории. 1982. № 3 (161). С. 31–37.

9. Массон В. М. Центральная Азия // История человечества. Т. 2. III тысячелетие до н. э. – VII в. до н. э. М.: ЮНЕСКО, 2003. С. 405–414.

10. Ренфрю К. Индоевропейская проблема и освоение евразийских степей: вопросы хронологии // Вестник Древней истории. 2002. № 2 (241). С. 20–32.

11. Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1989. 400 с.

12. Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977. 82 с.

13. Хаванский А. И., Бисембаев А. А. К истории археологических исследований Западного Казахстана (бронзовый век) // Современная научная мысль. 2023. № 6. С. 263–269. <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2023-6-263-269>

14. Худавердян А. Ю. О некоторых антропологических аспектах индоевропейской проблемы // Научные ведомости Белгородского госуниверситета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 19 (90). Вып. 16. С. 5–15.

15. Gürsan-Salzman A. The new chronology of the Bronze Age settlement of Tepe Hisar, Iran. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2016. 387 p.

16. Tappé Hesar: Reports of the restudy project, 1976 / ed. by R. H. Dyson, Jr. and S. M. Howard. Firenze: Casa Editrice le Lettere, 1989. 152 p.

17. The genomic formation of South and Central Asia / Narasimhan V. M. et al. // Science. 2019. Vol. 365. P. 997–1002.

References

1. Avilova L. I. Anatolian metal hoards: essays on metal production and cultural context. Moscow: Institute of Archeology RAS, 2018. 248 p. (In Russ.).

2. Alekseev K. A. Iranian tribes in the Volga-Ural steppes in the Bronze Age // MCU Journals of Historical Studies. 2023. № 4 (52). P. 6–17. <https://doi.org/10.25688/20-76-9105.2023.52.4.01> (In Russ.).

3. Alekseev K. A. On the issue of the origin of the Indo-Iranians and Tocharians in the light of the latest genetic data // Genesis: a historical research. 2020. № 12. P. 34–43. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2020.12.34080> (In Russ.).

4. Alekseev K. A. On the issue of the migration paths of speakers of Indo-Aryan dialects to the Indus Valley // International Scientific Research Journal. 2025. № 11 (161). P. 1–5. <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.161.61> (In Russ.).

5. Bisembaev A. A., Mamedov A. M., Duisengali M. N., Kitov E. P. Preliminary results of the study of the Kumsay pit burial ground in 2010 // Ancient Turgay and the Great Steppe: part and whole. A collection of scientific articles dedicated to the 70th anniversary of Viktor Nikolaevich Logvin. Kostanay; Almaty: [N. p.], 2015. P. 359–368. (In Russ.).

6. Gamkrelidze T. V., Ivanov Vjach. Vs. Indo-European and Indo-Europeans: A reconstruction and historical typological analysis of a proto-language and a proto-culture: in 2 part. Part 2. Tbilisi: Publishing House of the Tbilisi State University, 1984. P. 440–1330. (In Russ.).
7. Kuzmina E. E. The Zaman-Baba burial ground // Soviet Ethnography. 1958. № 2. P. 24–32. (In Russ.).
8. Lelekov L. A. On the latest solution of the Indo-European problem // Journal of Ancient History. 1982. № 3 (161). P. 31–37. (In Russ.).
9. Masson V. M. Central Asia // History of Humanity. Vol. 2. III millennium BC – VII century BC. Moscow: UNESCO, 2003. P. 405–414. (In Russ.).
10. Renfrew C. The Indo-European problem and the exploitation of the Eurasian steppes: questions of time depth // Journal of Ancient History. 2002. № 2 (241). P. 20–32. (In Russ.).
11. Safronov V. A. Indo-European Homelands. Gorky: Volga-Vyatka Book Publishing House, 1989. 400 p. (In Russ.).
12. Smirnov K. F., Kuzmina E. E. The origin of the Indo-Iranians in the light of the latest archaeological discoveries. Moscow: Nauka, 1977. 82 p. (In Russ.).
13. Khavansky A. I., Bisembayev A. A. On the history of archaeological research in Western Kazakhstan (Bronze Age) // Modern Scientific Thought. 2023. № 6. P. 263–269. <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2023-6-263-269> (In Russ.).
14. Khudaverdyan A. Yu. About some anthropological aspects of the Indo-European problem // Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science. Economics. Information Technologies. 2010. № 19 (90). Issue 16. P. 5–15. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94(474.2)

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-262-127-142

Смирнов Максим

аспирант

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Калининград, Россия

maksmirn@inbox.ru; ORCID: 0009-0003-6850-0730

ИДЕОЛОГИЯ «ВАПСОВ» ГЛАЗАМИ ЭСТОНСКОЙ ПОЛИЦИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация. В начале 1930-х гг. Эстонская Республика ощутила на себе последствия мирового экономического кризиса. Нарастающие экономические проблемы привели к крупному внутриполитическому кризису, итогом которого стало принятие новой конституции и последовавший за этим военный переворот и установление личной диктатуры Константина Пятса, временно исполнявшего обязанности президента страны. Одним из ключевых участников развернувшегося конституционного кризиса стал Эстонский союз участников Освободительной войны — ветеранская организация, активно агитировавшая за изменение конституции и борьбу с коррупционным режимом партийной элиты. Именно обвинение Союза в подготовке фашистского переворота стало основанием для введения особого положения и захвата власти Пятсом. Представленная статья посвящена изучению риторики представителей Союза в период конституционного кризиса — тема, до сих пор не рассматривавшаяся в отечественной историографии. В качестве источника используются не публиковавшиеся ранее материалы уголовного делопроизводства в отношении Союза из национального архива Эстонии. Автор приходит к выводу, что рассмотренные материалы уголовного дела не позволяют однозначно классифицировать Союз как фашистскую организацию. Более того, отмечается и тот факт, что подавляющее большинство материалов, отобранных в рамках уголовного дела, являются преимущественно безобидной политической агитацией, не представляющей угрозы государственному строю страны.

Ключевые слова: движение «вапсов», Эстонский союз участников Освободительной войны, Первая Эстонская Республика, Эстония, идеология, риторика, фашизм.

Для цитирования: Смирнов М. Идеология «вапсов» глазами эстонской полиции: по материалам уголовного дела // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2026. № 2 (62). С. 127–142. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-262-127-142>

Original article

UDC 94(474.2)

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-262-127-142

Smirnov Maksim

Graduate Student

Immanuel Kant Baltic Federal University

Kaliningrad, Russia

maksmirn@inbox.ru; ORCID: 0009-0003-6850-0730

THE IDEOLOGY OF THE “VAPS” THROUGH THE EYES OF THE ESTONIAN POLICE: BASED ON CRIMINAL CASE MATERIALS

Abstract. In the early 1930s, the Republic of Estonia felt the effects of the global economic crisis. The growing economic problems led to a major domestic political crisis, which resulted in the adoption of a new constitution and the subsequent military coup d'état and the establishment of the personal dictatorship of Konstantin Päts, the interim president of the country. One of the key participants in the unfolding constitutional crisis was the Estonian Liberation War Veterans' Union, a veterans' organisation that actively campaigned to change the constitution and fight against the corrupt regime of the party elite. It was the Union's accusation of preparing a fascist coup that became the basis for the imposition of the state of emergency and Päts' seizure of power. This article explores the rhetoric of the Union representatives during the constitutional crisis, a topic that has not yet been addressed in Russian historiography. It uses as a source the previously unpublished materials of the criminal proceedings against the Union from the Estonian National Archives. The author concludes that the criminal case materials examined do not allow for the unequivocal classification of the Union as an explicit fascist organization. Moreover, it is also noted that the vast majority of the materials selected in the criminal case are mostly harmless political propaganda that does not pose a threat to the stability of the country.

Keywords: «Vaps» movement, Estonian Union of Participants in the War of Independence, First Republic of Estonia, Estonia, ideology, rhetoric, fascism.

For citation: Smirnov M. The ideology of the “vaps” through the eyes of the Estonian police: based on criminal case materials // MCU Journal of Historical Studies. 2026. № 2 (62). P. 127–142. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-262-127-142>

Введение. Первая половина 1930-х гг. в молодой Эстонской Республике знаменовалась значительными экономическими и политическими потрясениями. Хотя стране удалось достичь определенных экономических успехов в 1920-е гг., мировой экономический кризис сильно ударил по ее благосостоянию. Введенные ограничения на импортную продукцию в Великобритании и Германии обрушили внешнюю торговлю Эстонии на 60 %, отказ от золотого стандарта в той же Великобритании и падение курса фунта, к которому была привязана эстонская крона, также привели

к обесцениванию эстонской национальной валюты. Закономерным итогом инфляции стало разорение фермеров: общий долг эстонских земледельцев составлял 100 миллионов крон, — после чего ситуация была признана критической и тысячи ферм ушли с молотка для ликвидации задолженности. Не лучше обстояли дела и с городским населением: массовая безработица и банкротство предприятий привели к повсеместному падению уровня жизни¹.

На фоне экономических затруднений особо остро были обнажены изъяны политической системы страны. Согласно действующей с 1920 г. конституции², парламент страны — Рийгикогу (от *эст.* Riigikogu — государственное собрание) — обладал крайне широкими полномочиями, фактически объединив в себе законодательную и исполнительную ветви власти: правительство страны назначалось парламентом и было полностью ему подотчетно, Рийгикогу мог распускать правительство и назначать новое по своему усмотрению. При всем этом должности президента как уравнивающей силы в стране не было. Как следствие, работа правительства была неминуемо сопряжена с постоянным вмешательством со стороны законодательной власти, развалы коалиций и межпартийные конфликты приводили к регулярным отставкам кабинета, что делало процесс выработки и принятия непопулярных решений крайне трудоемким и сложным. Хотя система и продержалась более десяти лет, но справиться с вызовами экономического кризиса ей не удалось: ни парламент, ни правительство не смогли предложить эффективного решения для стабилизации финансового положения государства, что сильно обострило общественное недовольство — все чаще звучали обвинения в коррупции, закулисных сделках, разложении существующих политических партий. Наиболее перспективным решением для выхода из ситуации виделось усиление исполнительной власти, что требовало изменения Основного закона страны.

Процесс выработки новой конституции проходил сложно, на фоне экономического упадка, внутриполитической борьбы и под давлением общественности. Результатом этих событий стал полномасштабный конституционный кризис с 1932 по 1934 г. После нескольких референдумов в ноябре 1933 г. была принята новая конституция, которая вводила выборную должность президента страны с широкими полномочиями³. Тем не менее президентские выборы так и не состоялись: в марте 1934 г., в самый разгар президентской гонки, Константин Пятс, видный эстонский политик, временно исполняющий обязанности главы государства, при поддержке генерала армии Йохана Лайдонера осуществил государственный переворот, установив режим личной диктатуры⁴.

¹ Conditions of democracy in Europe, 1919–1934: Systemic case-studies / ed. by D. Berg-Schlosser, J. Mitchell. Houndmills, 2000. P. 118.

² Eesti Vabariigi Põhiseadus. <https://www.riigiteataja.ee/failid/1920.html> (дата обращения: 01.12.2025).

³ Eesti rahvusaarhiiv (Национальный архив Эстонии, ERA). F. 80. N. 5. S. 2038. Lk. 33.

⁴ История Эстонии / А. Крийска и др.; пер. с эст. Э. Вяря. Таллинн, 2020. С. 276.

Авторитарное правление Пятса продолжалось вплоть до утраты страной независимости в 1940 г. Несмотря на диктаторские полномочия, Пятсу не удалось сохранить эстонскую государственность.

Формальным поводом для введения режима особого положения в стране и последовавшей узурпации власти стало обвинение организации «Эстонский союз участников Освободительной войны» (*эст.* Eesti Vabadussõjalaste Liit — EVL), члены которого были больше известны под своим разговорным названием «вапсы», в подготовке фашистского переворота. «Вапсы», представленные ветеранами войны за независимость, первые годы существования республики практически не участвовали в политической жизни страны, ограничиваясь поддержкой ветеранов и их семей. Однако с наступлением экономического и конституционного кризиса «вапсы» оказались втянуты в самый центр внутривнутриполитической борьбы. Позиционируя себя как внепарламентскую силу, «вапсы» противопоставляли себя «коррупционерам и жуликам» в Рийгикогу, активно агитировали за изменение конституции и введение должности президента в стране. К 1933 г. влияние «вапсов» возросло многократно, сделав движение неотъемлемой частью политической жизни страны. Именно «вапсовский» проект конституции был принят на всенародном референдуме в 1933 г. и стал новым Основным законом страны. После этого «вапсы» приняли решение бороться за власть до конца: общественная организация была реорганизована в полноценную политическую партию и приняла участие в местных выборах, в то время как генерал Ларка, лидер движения, стал одним из фаворитов президентской гонки, прямым конкурентом как Пятса, так и Лайдонера. В марте 1933 г. на фоне захвата власти Пятсом организация была обвинена в подготовке фашистского переворота и запрещена, а ее члены арестованы⁵.

Обоснованность подобных обвинений остается дискуссионным вопросом в эстонской историографии. Эстонской полиции в ходе расследования не удалось найти явных доказательств вины членов организации; спустя год следствия все обвиняемые были выпущены на свободу с минимальными или условными сроками. Тем не менее имидж «вапсов» как эстонских фашистов закрепился: так, в советской историографии они именовались «эстонскими гитлеровцами»⁶. Разумеется, определенные предпосылки для создания образа фашистов у «вапсов» имелись: уже современники (прежде всего в лице идеологических противников движения — социалистов) отмечали схожесть «вапсов» с фашистскими движениями эпохи, как внешнюю («вапсы» являлись в целом парамилитаристской организацией со строгой иерархией и военной символикой, носили нарукавные повязки, использовали римский салют), так и идеологическую («вапсы» ратовали за духовное очищение нации, обширное усиление

⁵ Riigi Teataja. 1934. № 22.

⁶ История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней) / под ред. Г. И. Наана. Таллин, 1953. С. 405.

полномочий исполнительной власти, критиковали эстонский парламентаризм, занимали яркую антимарксистскую позицию). Вместе с тем эстонские историки Андерс Касекамп⁷, Рейн Маранди⁸, Яак Валге⁹ и др., изучавшие различные идеологические аспекты движения и проводившие сравнительные параллели, в том числе и с Национал-социалистической немецкой рабочей партией (НСДАП), отмечали ряд ключевых отличий между традиционным фашизмом и воззрениями «вапсов», относя их к крайне правым силам, но не к полноценному фашизму (однако Касекамп, например, признает, что при использовании менее строгих определений идеологии «вапсов» действительно можно теоретически отнести к фашистам)¹⁰.

В рамках данного дискурса ключевое положение занимает и само определение понятия «фашизм», поскольку четкое значение данного термина остается дискуссионным в современной науке. Вывести однозначное и всеобъемлющее определение идеологии, а также выявить ее основные характеристики и признаки пытались такие исследователи фашизма, как Эрнст Нольте, Роджер Гриффин¹¹, Майкл Манн¹², Стэнли Пейн¹³ и др., однако до сих пор консенсуса по данному вопросу не наблюдается. В рамках статьи в качестве определения будут использоваться общие признаки фашизма, сформулированные в работах Стэнли Пейна¹⁴, Майкла Манна¹⁵ и Роджера Гриффина¹⁶. В их число входят: антикоммунизм, национализм, этатизм, корпоративизм, агрессивный милитаризм и стремление к внешней экспансии, авторитаризм и вождизм («фюрер-принцип»), склонность к насилию, а также наличие центральной идеи о реформировании или возрождении общества по новому, «идеальному» образцу с опорой на традиции, коллективизм и мистицизм. Как отмечалось в трудах Касекампа, едва ли «вапсы» соответствовали всем традиционно приписываемым фашизму характеристикам: они не принимали идеи этатизма, ставя нацию превыше государства, но при этом национализм не вырождался в нетерпимость — «вапсы» не имели конфликтов с национальными меньшинствами Эстонии. Не были характерны для движения и идеи внешней экспансии, агрессивного милитаризма или насилия. Представители движения также отрицали

⁷ Kasekamp A. The radical right in interwar Estonia. Houndmills, 2000.

⁸ Marandi R. Must-valge lipu all: Vabadussõjalaste liikumine Eestis 1929–1937. 1. [osa], Legaalne periood (1929–1934). Stockholm, 1991.

⁹ Valge J. Eesti vabadussõjalased ja Saksa natsionaalsotsialistid: ideoloogia, poliitiline taktika ja kontaktid // Tuna. Ajalookultuuri ajakiri. 2009. № 3. P. 50–62.

¹⁰ Kasekamp A. Fascism by popular initiative: The rise and fall of the Vaps Movement in Estonia // Fascism. 2015. Vol. 4. № 2. P. 155–168.

¹¹ Griffin R. Studying Fascism in a Postfascist Age: From New Consensus to New Wave? // Fascism. 2012. Vol. 1. № 1. P. 1–17.

¹² Манн М. Фашисты / пер. с англ. Н. Алексеевой и др.; под науч. ред. А. Дюкова. СПб., 2023.

¹³ Stanley G. Pain. A History of Fascism, 1914–1945. Wisconsin, 1995.

¹⁴ Ibid. P. 7.

¹⁵ Манн М. Указ. соч. С. 28–34.

¹⁶ Griffin R. Op. cit.

обвинения в авторитаризме и вождизме, хотя и выражали амбиции по единоличному управлению страной, но строго в рамках парламентаризма. Тем не менее это было националистическое парамилитаристское движение, направленное на массовую мобилизацию общества, с ядром идеологии в форме революционного возрождения и оздоровления нации с опорой на коллективизм, а также с ярко выраженным антимарксистским элементом. Как следствие, в рамках более широких определений или отдельных теорий (например, придерживаясь исключительно определения Гриффина) «вапсов», безусловно, можно классифицировать как региональный вариант общеевропейского фашизма¹⁷.

Важно отметить тот факт, что автор представленной статьи стремится внести свой вклад в данный дискурс путем анализа и оценки устной риторики «вапсов» в период конституционного кризиса, однако не ставит перед собой цели дать комплексную оценку идеологии движения в целом. Сравнительный анализ всех элементов идеологии движения и последующая классификация организации в контексте принадлежности к общеевропейскому феномену фашизма выходят за рамки данной статьи.

В статье предпринята попытка расширить представление об идеологии «вапсов» на примере их устных выступлений, зафиксированных в материалах уголовного делопроизводства эстонской полиции. Поскольку «вапсы» были стихийным и популистским движением, так и не получившим власти, полноценной идеологической концепции за короткое время их существования разработано не было. Как следствие, печатные материалы и устные выступления представителей движения в рассматриваемый период являются наиболее обширным и подробным источником информации по идеологическим воззрениям членов организации. Данная статья концентрируется именно на устных выступлениях представителей движения, ввиду того что письменные материалы «вапсовской» пропаганды уже достаточно подробно изучены в эстонской историографии. Ввиду специфики рассматриваемого в статье источника логично предположить, что эстонская полиция отдавала предпочтение наиболее общественно опасным заявлениям, уличающим организацию в противозаконной деятельности. Таким образом, речи и заявления «вапсов», отображенные в материалах уголовного дела о подготовке государственного переворота в стране, являются наиболее яркими и идеологически окрашенными экземплярами пропагандистской работы организации, что позволяет сделать определенные выводы о степени радикализации движения в целом.

Ход и результат исследования. Всего в материалах уголовного дела приведены 52 выдержки из публичных выступлений различных представителей движения за период с сентября 1933 по март 1934 г. Среди приведенных в материалах дела встречаются имена как ключевых членов движения: лидера

¹⁷ Kasekamp A. Fascism by popular initiative: The rise and fall of the Vaps Movement in Estonia. P. 155–168.

организации генерала Андерса Ларки, его заместителя Артура Сирка, руководителя пропаганды Хьялмара Мяэ и др., — так и рядовых или малоизвестных членов. Обозначены 12 выдержек как Программа борцов за свободу и основные тезисы программы борцов за свободу. Выдержки речей в данном разделе преимущественно посвящены прямым обещаниям «вапсов» в ходе президентской гонки, а также их заявлениям об итальянском фашизме, немецком национал-социализме и т. п. В раздел под названием «Речи деятелей EVL, при помощи которых развивалась деятельность и преследовались цели, представляющие опасность для общественного порядка и безопасности» объединены 40 оставшихся выдержек. Речи в данном разделе носят более общий характер и преимущественно посвящены острой критике различных государственных органов, прежде всего политических партий страны¹⁸.

Доминирующей темой практически во всех приведенных в источнике отрывках являются экономические проблемы государства. «Вапсы» регулярно обращаются к эмоционально окрашенному описанию страданий населения, вызванных экономическим упадком, продвигая в том числе и националистическую риторику. Так, в марте 1934 г., во время публичной речи в поселке Лаатре, Хьялмар Мяэ заявил: «Если дальше так жить, через 4 года страна станет банкротом. Правительство обязуется искать иностранные рынки сбыта, но все доселе заключенные торговые договоры были невыгодны для Эстонии, продолжается завоз товаров, которых и так у нас в избытке. <...> Десять миллиардов центов из национального капитала вывезено за границу, из-за чего государство недополучило 35 миллионов крон в налоговых доходах. Очевидно, что прежнее руководство не верит в сохранение независимости Эстонии, но в нее нерушимо верят борцы за свободу»¹⁹. До этого, в феврале того же года, он также заявлял о засилье иностранцев на рынке труда в стране, в то время как 30 000 эстонских граждан остаются без работы²⁰. В сентябре 1933 г., незадолго до народного референдума по изменению конституции, Карл Подрятсик так описывал положение страны: «Наше государство переживает тяжелые времена в экономической жизни, правит безработица, продукты питания стоят дорого, однако фермеры получают крайне малую плату за сельскохозяйственные продукты. Государственная казна пуста и вряд ли найдутся деньги для выплаты зарплат, хотя гражданин платит государству высокие налоги, как прямые, так и косвенные. Все это вина нашей правительственной системы»²¹.

«Вапсы» повсеместно использовали бедственное положение страны для описания сложившейся ситуации и для нападок на политические партии и отдельных лиц, а также приуменьшали роль мирового экономического кризиса, списывая экономические проблемы исключительно на внутреннюю коррупцию и неудачную конституцию Эстонии. Разумеется, подобная риторика являлась

¹⁸ ERA. F. 1. N. 7. S. 124. Lk. 306–326.

¹⁹ Ibid. Lk. 323.

²⁰ Ibid. Lk. 323–324.

²¹ Ibid. Lk. 312.

популизмом и пропагандой, основной целью которой было взбудоражить слушателей и потенциальных избирателей, а не предложить реальные действия по разрешению сложившейся ситуации. Активно использовалась эмоционально окрашенная риторика и софистические приемы для создания выгодного образа «вапсов» среди слушателей. В частности, современная экономическая разруха противопоставлялась идеализированному описанию экономического подъема в первые дни после Освободительной войны, упоминались выплаченные Россией репарации и социальная идиллия. Например, Михаил Калм во время агитации перед изменением конституции, в сентябре 1933 г. утверждал: «В начале независимости мы процветали; получили 15 миллионов золотых рублей от России, жили свободно, а страна и люди не знали нужды. Больше этого нет. Везде страдания, барыжничество и банкротство. Все это следствие политической коррупции»²². К подобной риторике Калм возвращался и после принятия конституции в 1934 г. Йоханнес Креек в октябре 1933 г. также отмечал единение общества («чиновника, рабочего и крестьянина») после Освободительной войны, противопоставляя его нынешнему разделению городских и деревенских жителей и обвиняя народное представительство в систематическом развале страны на протяжении последних 15 лет²³. В феврале 1934 г. Август Конгас пошел еще дальше, утверждая, что политики начали делить землю и разбазаривать государственные ресурсы еще до окончания войны, и заявил о необходимости полностью заменить политическую элиту для построения «народного государства»²⁴.

Следует отметить, что риторика «вапсов», приведенная в источнике, часто носит явно антикапиталистический характер, направлена в том числе на критику большого бизнеса, корпоративного руководства и других капиталистических аспектов экономической жизни. Так, в январе 1934 г. Карл Подрытсик заявлял: «Наше правительство не беспокоится о материальном благополучии народа, но заботится о директорах. При сокращении чиновнического аппарата в Нарве был уволен заместитель префекта, но на его месте была создана новая должность префекта, с более высокой зарплатой; где-то увольняют городского, но нанимают комиссара; повсеместно увольняют портье, но набирают директоров. Если борцы за свободу возьмут власть в свои руки, мы начнем увольнять сверху вниз»²⁵. Он же ранее заявлял о тесных связях политиков и крупного бизнеса: «...во всех предприятиях или бизнесах директором наверняка является какой-нибудь партийный туз или его близкий родственник, из-за чего все (государственные) деньги, выданные предприятиям, оседают в карманах директоров или владельцев»²⁶. Собирательный образ неких директоров или «закулисных интриг партий и бизнесменов» повсеместно встречается в приведенной в материалах

²² ERA. F. 1. N. 7. S. 124. Lk. 311.

²³ Ibid. Lk. 315.

²⁴ Ibid. Lk. 320.

²⁵ Ibid. Lk. 319.

²⁶ Ibid. Lk. 312.

дела риторике, в частности в речах Артура Сирка, Хьялмара Мяэ, Виллема Раудсеппа и др.

На этом фоне также надо отметить, что в приведенных в уголовном деле отрывках сравнительно немного критики или нападок на главных идеологических противников «вапсов» — социалистов. Данное поведение не является характерным для движения в целом, поскольку «вапсы» находились в постоянной политической борьбе с левым крылом эстонской политики, яростно критикуя его на страницах своей газеты и в уличной агитации, а в 1933 г. и вовсе выступили с предложением запретить деятельность партии социалистов в стране²⁷. Впрочем, учитывая тот факт, что эстонская полиция занималась прежде всего поиском улик по делу о государственной измене, конфликт «вапсов» с социалистами скорее всего, не представлял особого интереса для следствия. В приведенных отрывках имеются лишь отдельные упоминания социализма в качестве отрицательной характеристики, без ярко выраженного антимарксизма. Например, в феврале 1934 г. Орхвиль сетовал: «В Эстонской республике похожая ситуация, когда укрывателей коммунистов назначают министрами, а расхитителей миллионов никак не наказывают»²⁸. В том же месяце о продолжающейся борьбе «вапсов» против марксизма также заявлял Эрих Румм²⁹, а чуть позже Эдуард Юул критиковал Рийгикогу за отклонение предложенного «вапсами» законопроекта о борьбе с марксизмом и запрете социалистической партии в стране³⁰.

Как уже отмечалось ранее, виновником всех бед в речах «вапсов» выступали так называемые традиционные партии, управлявшие страной с 1920-х гг. В приведенных в источнике вырезках «вапсы» не разделяли партийных акторов, используя собирательный образ «партийного государства», «партийных кадров», «партийных людей» в качестве мишени своей критики. С партийной коррупцией и неудовлетворительным управлением страной с 1920-х гг. связывались абсолютно все трудности в истории страны, прежде всего экономические. Красноречиво иллюстрирует позицию «вапсов» речь, произнесенная Карлом Кондасом в сентябре 1933 г.: «Народное представительство мешало и препятствовало работе правительства — пытались его развалить. Из-за ошибочной экономической политики произошло полное обнищание народа. Пиком анархии и коррупции политических партий стали 1923 и 1924 гг., результатом чего было прискорбное восстание 1 декабря. Восстание, конечно, подавили, но страна так и не встала на правильный путь. У нас отсутствует власть, которая не позволила бы растоптать волю народа. <...> За 15 лет нас так и не сумели убедить в том, что у нас имелись политические партии. У нас были политизированные банды, беспорядок и анархия»³¹. В данном случае в косвенную вину партиям дополнительно ставится попытка государственного

²⁷ ERA. F. 80. N. 5. S. 2053. Lk. 2.

²⁸ Ibid. F. 1. N. 7. S. 124. Lk. 322.

²⁹ Ibid. Lk. 309.

³⁰ Ibid. Lk. 325.

³¹ Ibid. Lk. 314.

переворота 1 декабря 1924 г., организованная действующими в подполье коммунистами³². После принятия новой конституции «вапсы» активно использовали данный факт в своей риторике, постоянно напоминая о том, что традиционные партии страны являются представителями старого порядка и будут не в состоянии реализовать идеалы, заложенные в «вапсовской» конституции. Как следствие, священным долгом «вапсов» являлось продолжение борьбы за власть ради «спасения» нового Основного закона, а президентская гонка виделась прямым продолжением народного референдума. Подобная риторика использовалась, в частности, кандидатом в президенты Андерсом Ларкой в январе 1934 г.³³

По мере нарастания темпов президентской гонки «вапсы» также начинают отдельные выпады в сторону других кандидатов в президенты страны: основным вектором атаки по-прежнему служит принадлежность или связи кандидатов с традиционными партиями страны, что в глазах «вапсов» делает их якобы пособниками и виновниками коррупционных махинаций и разрушения страны. В частности, Юри Сассиан и Вольдемар Принтс в феврале 1934 г. обвиняли Константина Пятса в «сговоре с антигосударственными элементами, якшании с социалистами, служении собственным интересам вместо народных», одновременно сетуя на то, что «при Пятсе страна не освободится от социалистического влияния»³⁴. Такую же точку зрения высказал и Подрятсик, обличая в своей речи в январе 1934 г. Пятса как «чистой воды политика, заинтересованного прежде всего в набивании своих карманов». В той же речи Подрятсик обвинил и генерала Лайдонера в попустительстве, назвав его «безмолвным наблюдателем» за разворовыванием и дележкой государственных средств³⁵. В марте 1934 г. Кяпакуст также обвинил Лайдонера в бездействии и партийной коррупции за время его службы в качестве депутата Рийгикогу, назвав его «жалким торгашом»³⁶. На фоне критики своих оппонентов «вапсы» противопоставляют им образ генерала Ларки как человека внесистемного и с политикой до сих пор не связанного, что твердой рукой наведет порядок в доме и остановит массовые хищения народного капитала.

Разумеется, критика «вапсов» не всегда была безосновательной: время от времени они активно использовали громкие скандалы в политическом поле страны для выдвижения своих обвинений в сторону политических партий. Следует отметить, что едва ли эта критика была добросовестной. Так, активно критиковались непопулярные, но совершенно законные и обоснованные решения парламента, прежде всего выплата компенсаций немецким помещикам за национализированные земли. В 1933 г., в разгар конституционного кризиса, правительство страны в рамках программы о модернизации флота приняло решение о продаже двух устаревших военных кораблей Перу (позже

³² Taylor N. Estonia: A modern history. London, 2018. P. 45–48.

³³ ERA. F. 1. N. 7. S. 124. Lk. 318.

³⁴ Ibid. Lk. 322.

³⁵ Ibid. Lk. 318.

³⁶ Ibid. Lk. 325.

вырученные средства использовались для постройки двух современных подводных лодок). «Вапсы» не преминули выставить данное решение как саботаж обороноспособности страны и пример вопиющей партийной коррупции. Активно упоминались дела Адо Бирка и Исаака Цитрона в качестве примеров попустительства коррупции и безнаказанности³⁷. Однако в обоих случаях «вапсы» упустили некоторые детали и освещали события однобоко, апеллируя к чувствам аудитории, а не к фактам: Адо Бирк, бывший премьер-министр страны и посол Эстонии в Москве, в 1926 г. оказался в центре скандала, после того как в советской прессе были опубликованы подписанные им материалы критического характера о внешней политике Эстонии. Как позже выяснится, Адо Бирк попал под влияние НКВД и насильно удерживался в СССР, но сумел сбежать из-под стражи и найти убежище в норвежской миссии. В 1927 г. Бирк вернулся в Эстонию и предстал перед судом, но, учитывая обстоятельства дела, был полностью оправдан³⁸. Исаак Цитрон, крупный эстонский магнат еврейского происхождения, в 1932 г. оказался в центре большого финансового скандала: он проводил финансовые махинации для получения дополнительного финансирования от государства, но был разоблачен и осужден на два года тюремного заключения³⁹. Таким образом, даже в случае конкретных примеров непопулярных решений правительства или общественных скандалов критика «вапсов» оставалась преимущественно популизмом и пропагандой, а не добросовестной попыткой дать непредвзятую оценку ситуации. Сами же «вапсы» старательно избегали давать конкретные обещания или предлагать собственные варианты решения экономических проблем. По большей части обещания «вапсов» носили общий характер: остановить коррупцию, разогнать ворье, снизить зарплаты чиновникам, конфисковать имущество подозрительно обогатившихся людей, навести порядок и спасти дух нации.

Анализируя все вышеперечисленное, едва ли можно говорить о том, что риторика «вапсов», представленная в источнике, имела по-настоящему преступный характер и несла угрозу для общественного порядка или благополучия. «Вапсы», безусловно, являлись популистами, и их критика политической системы или отдельных личностей не имела под собой существенных оснований, однако в их риторике не встречается явных призывов к насилию, восстанию или другим общественно опасным действиям. Разумеется, некоторые выражения можно трактовать двояко. Например, в январе 1934 г. Карл Кондас заявил, что «в случае новой власти 50 % Тоомпеа (замок, на территории которого размещался эстонский парламент. — М. С.) отправится за решетку». В том же месяце Пауль Телг призвал «уничтожить тот дух в Тоомпеа, что хочет уничтожить нас». Карл Кондас также обещал продолжать борьбу

³⁷ ERA. F. 1. N. 7. S. 124. Lk. 318–322.

³⁸ Цыплин В. Г. Советско-эстонские отношения в середине 1920-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2016. Т. 16. Вып. 2. С. 147–151

³⁹ Postimees. 1933. 30 июля.

и в том случае, если «нас загонят в подполье»⁴⁰. В сентябре 1933 г., в разгар политических волнений в преддверии народного референдума об изменении конституции, Карл Подрятсик заявил, что в случае, если референдум попытаются отменить, это будет прямой атакой на народную свободу, в случае чего «будет действовать право сильного»⁴¹. Из всего источника только одну вырезку можно трактовать как непосредственно прямую угрозу применить насилие. В январе 1934 г. в своей речи Карл Подрятсик произнес следующее: «Мы должны сражаться до последней капли крови, и, быть может, нерушимая преданность Союзу нас не убьет, но настанет время, когда мы покончим с вами»⁴². Однако и в этом случае нельзя однозначно утверждать в отношении кого направлена угроза, а также следует учитывать, что фраза может трактоваться двояко ввиду использованной лексики.

Таким образом, по-настоящему агрессивная и опасная для правящего режима лексика в приведенных в источнике материалах отсутствует и лишь сравнительно малая часть политической риторики «вапсов» может трактоваться в качестве угроз общественному порядку. Более того, можно предположить, что эстонская полиция испытывала трудности со сбором компрометирующего материала, поскольку среди вырезок встречаются в том числе и речи, не имеющие никаких прямых нападок в сторону государства, партий или отдельных лиц, не говоря уже о призывах к насилию или хаосу. Например, отдельно зафиксирована одна фраза генерала Андерса Ларки, произнесенная им во время церемонии освящения флагов ряда подразделений EVL в марте 1934 г.: «Эти флаги — символы нашей борьбы. Если родина того потребует, эти флаги станут боевым знаменем»⁴³. В данном случае следует отметить, что, будучи ветеранской организацией, «вапсы» представляли себя как защитников страны от внешних врагов, поэтому едва ли Ларка подразумевал боевые действия против парламента и народа страны. Еще одним примером совершенно безобидной риторики в источнике является речь Паула Лаамана в сентябре 1933 г., в которой он в шуточной форме рассказывал слушателям о своем последнем визите в полицию и оплате штрафа⁴⁴.

Вместе с тем в представленных материалах встречаются вырезки, проливающие свет на отношение «вапсов» к общеевропейскому феномену фашизма и авторитаризма. Очень часто «вапсы» обращаются к примеру итальянского фашизма, позиционируя его как новаторскую и эффективную идеологию управления государством. Например, в сентябре 1933 г. Николай Хеллат положительно отзываясь об экономическом состоянии Италии: «Видим, что в Италии нет безработицы, в то время как в остальных странах она распространена повсеместно». В том же месяце Виктор Круль заявлял:

⁴⁰ ERA. F. 1. N. 7. S. 124. Lk. 320.

⁴¹ Ibid. Lk. 312.

⁴² Ibid. Lk. 318.

⁴³ Ibid. Lk. 324.

⁴⁴ Ibid. Lk. 313.

«Краснопузые считают фашизм костью в горле рабочего народа — это ложь. В Италии фашизм уничтожил политические партии, народ там един, а их вождь Муссолини — очень мудрый человек и настоящий патриот»⁴⁵. В положительном ключе характеризовались и другие тоталитарные и авторитарные режимы. В качестве положительных примеров «вапсы» упоминали Японию и «некоторые аспекты» гитлеризма, деятельность таких личностей, как Юзеф Пилсудский и Энгельберт Дольфус⁴⁶. Вместе с тем в представленных материалах «вапсы» настаивали на том, что они не считают себя фашистами или нацистами, утверждая, что в чистом виде ни одна из этих идеологий не подходит для эстонского государства.

Впрочем, следует отметить авторитарные нотки в риторике «вапсов» в отношении партийной системы страны. Помимо вышеупомянутой критики «вапсы» регулярно призывают к «полному перевороту» партийного устройства Эстонии, зачистке всего государственного аппарата, аргументируя это тем, что старая политическая элита будет препятствовать «вапсам» и не сумеет добросовестно выполнить стремления, заложенные в новой конституции. Разумеется, «вапсы» не призывали к прямым действиям и не заявляли об амбициях по захвату власти; наоборот, они подчеркивали нежелание сосредоточивать всю власть в стране в своих руках. Тем не менее заявления о том, что «власть можно обуздать властью», «у нас в планах полный переворот политической системы», «необходимо избавиться от ложной демократии и заменить нынешних государственных деятелей новыми»⁴⁷, можно истолковывать двояко. Наиболее показательной является речь Хьялмара Мяэ в феврале 1934 г. За два месяца до этого он заявлял, что «мы не хотим брать власть в свои руки», в этот же раз сказал: «Принятие конституции заложило основу новой системы, но необходимо также окончательно разрушить и партийную систему, чтобы этого добиться, должен стать государственным старейшиной наш идейный лидер — генерал Ларка. Также и в Рийгикогу у нас должен быть 51 % — только тогда можно надеяться, что те идеи, что мы заложили, найдут свое воплощение»⁴⁸. Следует отметить, что, согласно новой конституции, если «вапсы» получили бы пост президента и большинство в парламенте, их партия де-факто контролировала бы всю государственную власть. Можно также привести цитату Артура Сирка, второго человека в движении после генерала Ларки, которая несколько раз встречается в рассматриваемом источнике и используется в контексте рассуждений о чрезмерно авторитарном проекте конституции и обвинении «вапсов» в амбициях по захвату власти: «Там, где демократии нет — нельзя ее лишиться, так же, как нельзя установить диктатуру там, где она уже есть»⁴⁹.

⁴⁵ ERA. F. 1. N. 7. S. 124. Lk. 306.

⁴⁶ Ibid. Lk. 309.

⁴⁷ Ibid. Lk. 307.

⁴⁸ Ibid. Lk. 308.

⁴⁹ Ibid. Lk. 311.

Заключение. Рассуждая исключительно о риторике «вапсов», представленной в источнике, можно резюмировать, что она в целом согласуется с традиционным в эстонской историографии образом «вапсов» как националистического правого движения, хотя и испытавшего влияние фашистских идей. Разумеется, наибольшее беспокойство вызывает положительное восприятие различных течений фашизма в выступлениях представителей движения вкупе с явно прослеживаемыми авторитарными тенденциями. Хотя «вапсы» и не призывали к насильственному свержению демократического режима, они тем не менее стремились к установлению тотального контроля над институтами власти страны, что привело бы к авторитарной однопартийной диктатуре. Однако как и в случае обвинений в симпатии к фашизму, так и в амбициях по захвату власти «вапсы» отрекались от подобных утверждений, стремясь сохранить умеренную позицию. Из других признаков фашизма в материалах источника можно обнаружить проявления милитаризма, национализма и типичной для их идеологии идеи о «возрождении» нации с опорой на традиции прошлого. Впрочем, все эти признаки выражены крайне умеренно, в большей степени соответствуя классическому национализму, нежели радикализму фашистских движений рассматриваемого периода.

В целом фигурирующая в источнике риторика не является радикальной, а некоторые неполиткорректные заявления являлись отдельными случаями и не носили систематического характера. Более того, подобных заявлений сравнительно мало среди изучаемых материалов, что позволяет сделать осторожный вывод о том, что на практике устная пропаганда «вапсов» была даже менее радикальна, нежели как ее себе представляла эстонская полиция. Основную массу устных выступлений, представленных в источнике, можно квалифицировать как популистские и откровенно пропагандистские. «Вапсы» преимущественно прибегают к общей и пространной критике политических партий и сложившейся государственной системы, не предлагая своих решений возникающих в обществе проблем и не давая никаких обещаний на будущее. Образ «вапсов» как политических авантюристов находит свое подтверждение в материалах изучаемого источника. Разумеется, необходимо также учитывать специфику и ограничения рассматриваемых материалов, которые наложили отпечаток на представленную в них информацию, и делать общий вывод об идеях движения только на основании уголовного дела не стоит. Более полную картину пропаганды «вапсов» помогут составить прежде всего материалы периодической печати рассматриваемого периода. Политические, социально-экономические и националистические воззрения «вапсов» в контексте принадлежности организации к партиям фашистского типа представляют собой перспективное направление для будущих научных исследований.

Литература

1. История Эстонии / А. Крийска и др.; пер с эст. Э. Вяря. Таллинн: Avita, 2020. 350 с.

2. История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней) / под ред. Г. И. Наана. Таллин: Эстонское гос. изд-во, 1952. 554 с.
3. Манн М. Фашисты / пер. с англ. Н. Алексеевой и др.; под науч. ред. А. Дюкова. СПб.: Питер; Фонд «Историческая память», 2023. 592 с.
4. Цыплин В. Г. Советско-эстонские отношения в середине 1920-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2016. Т. 16. Вып. 2. С. 147–151. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2016-16-2-147-152>
5. Conditions of democracy in Europe, 1919–1934: Systemic case-studies / ed. by D. Berg-Schlosser, J. Mitchell. Houndmills: MacMillan Press LTD, 2000. 521 p.
6. Griffin R. Studying fascism in a postfascist age: From new consensus to new wave? // *Fascism: Journal of Comparative Fascist Studies*. 2012. Vol. 1. № 1. P. 1–17. <https://doi.org/10.1163/221162512X623601>
7. Kasekamp A. Fascism by popular initiative: The rise and fall of the Vaps Movement in Estonia // *Fascism*. 2015. Vol. 4. № 2. P. 155–168. <https://doi.org/10.1163/22116257-00402006>
8. Kasekamp A. The Radical Right in interwar Estonia. Houndmills: Mac-Millan Press LTD, 2000. 218 p.
9. Marandi R. Must-valge lipu all: Vabadussõjalaste liikumine Eestis 1929–1937. 1. [osa]. Legaalne periood (1929–1934). Stockholm: Centre for Baltic Studies at the University of Stockholm, 1991. 551 lk.
10. Stanley G. Pain. A History of Fascism, 1914–1945. Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1995. 613 p.
11. Taylor N. Estonia: A modern history. London: Hurst, 2018. 255 p.
12. Valge J. Eesti vabadussõjalased ja Saksa natsionaalsotsialistid: ideoloogia, poliitiline taktika ja kontaktid // *Tuna. Ajalookultuuri ajakiri*. 2009. № 3. Lk. 50–62.

References

1. History of Estonia / A. Kriiska et al.; translated from Estonian by E. Vyrya. Tallinn: Avita, 2020. 350 p. (In Russ.).
2. History of the Estonian SSR (from Ancient Times to the Present Day) / ed. by G. I. Naan. Tallinn: Estonian State Publishing House, 1952. 554 p. (In Russ.).
3. Mann M. Fascists / translated from English by N. Alekseeva et al.; ed. by A. Dyukov. St. Petersburg: Peter; Historical Memory Foundation, 2023. 592 p. (In Russ.).
4. Tsyplin V. G. Soviet-Estonian relations in the mid-1920s // *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*. 2016. Vol. 16. № 2. P. 147–151. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2016-16-2-147-152> (In Russ.).
5. Conditions of democracy in Europe, 1919–1934: Systemic case-studies / ed. by D. Berg-Schlosser, J. Mitchell. Houndmills: MacMillan Press LTD, 2000. 521 p.
6. Griffin R. Studying fascism in a postfascist age: From new consensus to new wave? // *Fascism: Journal of Comparative Fascist Studies*. 2012. Vol. 1. № 1. P. 1–17. <https://doi.org/10.1163/221162512X623601>
7. Kasekamp A. Fascism by popular initiative: The rise and fall of the Vaps Movement in Estonia // *Fascism*. 2015. Vol. 4. № 2. P. 155–168. <https://doi.org/10.1163/22116257-00402006>
8. Kasekamp A. The Radical Right in interwar Estonia. Houndmills: Mac-Millan Press LTD, 2000. 218 p.

9. Marandi R. Must-valge lipu all: Vabadussõjalaste liikumine Eestis 1929–1937. 1. [osa]. Legaalne periood (1929–1934). Stockholm: Centre for Baltic Studies at the University of Stockholm, 1991. 551 lk.
10. Stanley G. Pain. A History of Fascism, 1914–1945. Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1995. 613 p.
11. Taylor N. Estonia: A modern history. London: Hurst, 2018. 255 p.
12. Valge J. Eesti vabadussõjalased ja Saksa natsionaalsotsialistid: ideoloogia, poliitiline taktika ja kontaktid // Tuna. Ajalookultuuri ajakiri. 2009. № 3. Lk. 50–62. 2 part. Part 2. Tbilisi: Publishing House of the Tbilisi State University, 1984. P. 440–1330. (In Russ.).

Научная статья

УДК 930(47).323.1

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-262-143-157

Аманжолова Дина Ахметжановна

доктор исторических наук, профессор

Институт российской истории РАН

Москва, Россия

amanzholova19@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1684-2785

СПЕЦИФИКА НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ РЕСПУБЛИК СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Аннотация. Целью исследования является анализ специфики современной историографии, посвященной советскому прошлому республик Средней Азии и Казахстана. Актуальность ее изучения связана с интенсивными процессами в теоретико-методологическом и содержательном переосмыслении значимых событий советской истории, сыгравших принципиальную роль в судьбе народов Центрально-Азиатского региона. Показано, что специфика подходов к ним обусловлена основными трендами исторической политики, различающимися в российской, центральноазиатской, западной историографии, характером международного сотрудничества представителей научных сообществ. Выделены ключевые проблемные блоки, характерные для этих групп исторической литературы, определены общие и особенные признаки, основные достижения и сложности интерпретации советского прошлого, значение деколониального дискурса в постсоветской историографии. В Российской Федерации выделяются Москва и Санкт-Петербург, а также региональные центры с более активным вниманием к ближайшим соседям России на юге. Изучение советского проекта в республиках Средней Азии и Казахстана осуществляется в контексте общесоюзной и внешнеполитической проблематики. Интересы российских историков сосредоточены на ключевых направлениях, содержании, политическом и социокультурном значении советской модернизации с использованием традиционного и новейшего методологического инструментария. Историография республик Средней Азии и Казахстана испытывает сильное влияние западных теоретико-методологических подходов

и сосредоточена на виктимизации исторической памяти, что диктует избирательный подход к выбору тем и направлений. Получил популярность неоколониальный дискурс, заметны снижение теоретико-методологического оснащения и этноцентризм. Западная, японская историческая литература инициирует и поддерживает подобные историографические практики. Спецификой выбора тематики, хронологических периодов и внутрирегиональных акцентов отличается анализ советского прошлого региона в китайской историографии. Сделан вывод об амбивалентном состоянии исследования советского проекта, влиянии историографии на решение задач нациестроительства в постсоветских странах Центральной Азии.

Ключевые слова: историография, советское прошлое, Средняя Азия и Казахстан, нациестроительство, методология, неоколониальный дискурс, модернизация.

Для цитирования: Аманжолова Д. А. Специфика новейшей историографии о советском прошлом республик Средней Азии и Казахстана // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2026. № 2 (62). С. 143–157. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-262-143-157>

Благодарности: статья выполнена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, на 2026–2028 годы. Проект «Исторический опыт управления этнокультурным многообразием и критика “деколонизации прошлого” народов России».

Original article

UDC 930(47).323.1

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-262-143-157

Amanzholova Dina A.

Doctor of Historical Sciences, Professor

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

amanzholova19@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1684-2785

THE SPECIFICS OF MODERN HISTORIOGRAPHY ABOUT THE SOVIET PAST OF THE REPUBLICS OF CENTRAL ASIA AND KAZAKHSTAN

Abstract. The purpose of the study is to analyze the specifics of modern historiography devoted to the Soviet past of the former republics of Central Asia and Kazakhstan. The relevance of its study is associated with intensive processes in the theoretical, methodological and substantive rethinking of significant events in Soviet history that played a fundamental role in the fate of the peoples of the Central Asian region. It is shown that the specificity of approaches to them is determined by the main trends of historical policy, which differ in Russian, Central Asian, and Western historiography, and by the nature of international cooperation between representatives of scientific communities. The key problem blocks characteristic of these groups of historical literature are highlighted, common and special

features are identified, the main achievements and difficulties of interpreting the Soviet past, and the importance of “decolonial discourse” in post-Soviet historiography. In the Russian Federation, Moscow and St. Petersburg stand out, as well as regional centers with more active attention to Russia’s closest neighbors in the south. The study of the Soviet project in the republics of Central Asia and Kazakhstan is carried out in the context of all-Union and foreign policy issues. The interests of Russian historians are focused on the key directions, content, political and socio-cultural significance of Soviet modernization using traditional and modern methodological tools. The historiography of the republics of Central Asia and Kazakhstan is strongly influenced by Western theoretical and methodological approaches and focuses on the victimization of historical memory, which dictates a selective approach to the choice of topics and directions. Neocolonial discourse has gained popularity, with a noticeable decrease in theoretical and methodological equipment and ethnocentrism. Western and Japanese historical literature initiates and supports similar historiographical practices. The analysis of the region’s Soviet past in Chinese historiography differs in the specifics of the choice of subjects, chronological periods and intraregional accents. The conclusion is made about the ambivalent state of the research of the Soviet project, the influence of historiography on solving the problems of nation-building in the post-Soviet countries of Central Asia.

Keywords: historiography, Soviet past, Central Asia and Kazakhstan, nation building, methodology, neocolonial discourse, modernization.

For citation: Amanzholova D. A. The specifics of modern historiography about the Soviet past of the republics of Central Asia and Kazakhstan // MCU Journal of Historical Studies. 2026. № 2 (62). P. 143–157. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-262-143-157>

Acknowledgements: the article was prepared as part of the Program of fundamental and applied scientific research related to the study of the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening Russian identity in 2026–2028. The project is titled “Historical experience of managing ethnocultural diversity and criticism of the ‘decolonization of the past’ of the peoples of Russia”.

Введение. Исследование советского прошлого в новейшей историографии отличается сложной динамикой смены тематических приоритетов и хронологических акцентов, связанных с сохранением, разрывом или отсутствием традиций научных школ, позиционированием ученых определенных стран и влиянием исторической политики государств, уровнем международного научного сотрудничества. Внушительное место занимают пересмотр подходов и оценок, расширение тематических и проблемных полей, междисциплинарность, активное использование разнообразных теоретико-методологических наработок и новаций гуманитарного научного сообщества. Обсуждение советского прошлого республик Средней Азии и Казахстана в историографии этих стран, России и других государств имеет общие черты и специфические отличия, уточнение которых позволит определить промежуточные результаты, проблемы и перспективы дальнейшего исследования и возможностей формирования достаточно целостного представления о ключевом периоде истории республик Центрально-Азиатского региона.

Ход и результаты исследования. Интересы российских историков сосредоточены на ключевых направлениях, содержании, политическом и социокультурном значении советской модернизации с использованием традиционного и новейшего методологического инструментария. Изучение советского проекта в республиках Средней Азии и Казахстана осуществляется в контексте общесоюзной и внешнеполитической проблематики. Москва и Санкт-Петербург, а также региональные центры с более активным вниманием к ближайшим соседям России на юге (Оренбург, Омск, Барнаул, Новосибирск, Томск, Чебоксары и др.) консолидируют научные силы России. Как правило, важную роль играют форумы, позволяющие совместно с историками центральноазиатских республик конструктивно обсудить итоги и перспективы изучения ключевых проблем. Основное место российские организаторы отводят славяно-тюркскому взаимодействию на разных этапах истории, общему подвигу народов СССР в победе над нацизмом в Великой Отечественной войне, истории сотрудничества этнополитических элит, ключевым и дискуссионным сюжетам социально-экономической и культурной модернизации традиционных обществ в рамках советского проекта¹. Фундированные исследования посвящены реализации советского проекта в Средней Азии и Казахстане², истории коренизации и становления управленческой этноэлиты³, национально-территориальному размежеванию в регионе и формированию границ республик⁴, политике власти в отношении ислама в советский период⁵, исторической памяти и роли

¹ Россия и Центральная Азия: наследие прошлого и возможности будущего: сб. материалов. Томск, 2024; Славяно-тюркский мир: история и современность. Чебоксары, 2025; Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 13. Барнаул, 2025; Модернизационные процессы в Центральной Азии (XVIII – начало XXI вв.): проблемы и перспективы изучения. Новосибирск, 2025 и др.

² Аманжолова Д. А. Советский проект в Казахстане: власть и этничность. 1920–1930-е гг. М., 2019; Кадыров Ш. «Нация» племен. Этнические истоки, трансформация и перспективы государственности в Туркменистане. М., 2003; Чеботарева В. Г. РСФСР: в ликвидации колониального наследия народов Центральной Азии // Историческая и социально-образовательная мысль. 2022. Т. 14. № 2. С. 17–31.

³ Миронов Б. Н. Дерусификация управления в СССР // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 2. С. 436–458.

⁴ Бочкарева И. Б. Национально-территориальное размежевание в Средней Азии в 1924 г.: причины и влияние на этнополитические процессы в регионе // Известия Алтайского государственного университета. 2019. № 2 (106). С. 22–26; Шушкова М. Е. Национально-территориальное размежевание Средней Азии: взгляд историков Таджикистана на проблему // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сб. науч. трудов. Екатеринбург, 2018. С. 515–521; Быков А. Ю., Кожирова С. Б. Формирование границ Казахстана: дискуссии и решения первого двадцатилетия советской власти // Vostok (Oriens). 2023. № 2. С. 165–180; Аманжолова Д. А. Национально-территориальное размежевание Средней Азии и Казахстана в современной историографии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16. № 5 (151).

⁵ Россия – Средняя Азия: Политика и ислам в конце XVIII – начале XXI века. М., 2013; Бобровников В. Безбожники рисуют ислам: советская (анти)религиозная пропаганда в комментариях востоковеда // Эсимде: сайт. URL: <https://ru.esimde.org/archives/606> (дата обращения: 22.06.2026).

учебников истории в формировании общественного сознания⁶ и т. д. Российские историки рассматривают события, связанные с коллективизацией, голодом и репрессиями, как трагическую часть общей истории народов СССР, оставаясь на позиции их корректной оценки, свободной от политизации и презентизма. Конкретизируется динамика федерализации и анализируется ее региональная специфика, содержание и смысл коренизации, процессы и эффекты модернизации народов СССР, взаимоотношения руководства страны и этнополитических элит на разных этапах истории, амбивалентные механизмы и факторы обеспечения межкультурной интеграции и консолидации общества наряду с поддержкой этничности.

Историография республик Средней Азии и Казахстана испытывает заметное влияние западных теоретико-методологических подходов и сосредоточена на виктимизации исторической памяти, что диктует избирательный подход к выбору тем и направлений. Приоритет отдается раннесоветскому периоду, и он чаще всего ограничивается описанием сталинских репрессий, коллективизации и голода, экологического ущерба⁷. Создаваемый нарратив, наряду с историей культуры, становится частью политики переформатирования исторической памяти общества, нацеленного на создание образа народа-жертвы «имперского режима».

Одно из главных мест в изучении советской национальной политики, эволюции этноидентичности и межэтнических связей занимает создание национально-государственных единиц, которое увязано с судьбой этнополитической элиты и трактуется как разрыв исторической преемственности. Толкование национальных государств как тотально моноэтнических обусловило особое внимание к стремлению обосновать право на пограничные зоны с полиэтническим составом населения и деталям споров вокруг принадлежности отдельных территорий. Это касается и истории размежевания, оцениваемой в основном негативно и практически противоположно историками соседних стран, что связано со сложностями этнической картографии⁸. Как правило, не признается, что советский проект обеспечил конструирование современных наций региона, а созданные тогда республики в 1991 г. обрели независимость фактически в тех же границах.

Западная, японская историческая литература отличается тематической широтой и разнообразием оценок, инициирует и поддерживает «деколониальные» историографические практики⁹. Исследования отражают амбивалентное

⁶ Цыряпкина Ю. Н. «Эпоха социализма» в исторической памяти населения постсоветского Узбекистана // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 238–248; Россия в учебниках истории стран Ближнего и Постсоветского Востока, Китая: реферативный сборник / отв. ред. В. А. Аватков. М., 2024.

⁷ Жанбосинова А. С. Научно-исследовательские тренды исторической науки Казахстана // Исторический курьер. 2024. № 5 (37). С. 227–238.

⁸ Масов Р. К вопросу о консолидации таджикского народа и таджикистанцев // Муаррих-Историк. 2015. № 3. С. 3–8; Нарбеков А. Национально-территориальное размежевание в Средней Азии и его основные причины // Значение цифровых технологий в изучении истории Узбекистана. 2022. № 1 (01). С. 358–363.

⁹ Edgar A. Tribal nation: The making of Soviet Turkmenistan. Princeton University Press, 2004; Uyama T. Invitation, adaptation, and resistance to empires: Cases of Central Asia // Comparing

отношение западных историков к советской истории. Т. Мартин написал о советской империи «положительной деятельности»¹⁰. А. Халид признал решающую роль советской модернизации в конструировании среднеазиатских наций, их невиданном прогрессе и советскости, в то же время настаивая на колониальном характере СССР, где якобы «нерусские национальности могли считаться советскими постольку, поскольку признавали опеку над собой русского народа»¹¹. Х. Дриё подчеркивает, что «имперская периферия» обладала способностью к инициативе, располагала автономией и даже извлекала пользу из подчинения центру, не считая необходимым применять колониальную парадигму в отношении Средней Азии. В то же время она приписывает советской кинокультуре объективизацию и дегуманизацию в духе «колониального реализма», сочетавшего антиколониальную политическую риторику и колониальный дискурс¹².

В рамках единой терминологии, пишет П. Сартори, звучат призывы через «деколонизацию» истории России призвать чиновников, общество, интеллигенцию, ученых признать «колониальный характер» правления Российской империи и СССР в Центральной Азии, на Кавказе, в Сибири и Маньчжурии, поскольку в России все еще отстаивается «ошибочная идея» о естественной экспансии государства, не имеющей колониального характера¹³. Р. Суни стремится присвоить лавры родоначальника «деколонизации», поскольку давно «подчеркивал фатальную напряженность в советской национальной политике и практике, которая, с одной стороны, привела к созданию несuverенных наций внутри Советской империи, а с другой — к модернизации, ассимиляции национальностей в русифицированный советский народ. <...> Источник иронии советской истории... кроется в противоречии между советским нациестроительством и советской имперской рамкой»¹⁴. Как считают российские авторы, «сторонники американской империи... <...> развили до совершенства свою богатую политическую интуицию... сделав исследовательскую и пропагандистскую импровизацию важнейшим инструментом успеха»¹⁵. Между тем Д. Ливен ранее заметил: постколониальные исследования, ставя вопрос о модернизации как о форме колонизации,

modern empires: Imperial rule and decolonization in the changing world order. Sapporo, 2018. P. 99–117; Kurilovich M. “To speak to the Hegemon” the visions of Soviet Past in the history coursebooks of Central Asia countries // Politeja. 2023. № 1 (82). P. 395–408; Reflections on Stalinism / edited by A. Getty, L. H. Siegelbaum. Ithaca, 2024 и др.

¹⁰ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

¹¹ Халид А. Центральная Азия: От века империй до наших дней. М., 2024. С. 310.

¹² Дриё Х. Кино, нация, империя: Узбекистан, 1919–1937. СПб., 2023. С. 25.

¹³ Sartori P. What do we talk about when we talk about “decolonizing Russian history”? URL: <https://www.oew.ac.at/sice/sice-blog-what-do-we-talk-about-when-we-talk-about-decolonizing-Russian-history> (дата обращения: 08.11.2023).

¹⁴ Suny R. G. Sheila Fitzpatrick’s black comedy // Ab Imperio. 2023. № 4. С. 104, 105.

¹⁵ Медведев Н. П., Слизовский Д. Е. Империи и империя, многонациональная федеративная Россия: научный взгляд через обзор публикаций // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 3. С. 341.

не учитывают дифференциацию стран имперского типа, в которой континентальная Россия развивалась в пространстве, не являвшемся «по-настоящему новым»¹⁶, и не разрушала альтернативные системы. Спецификой выбора тематики, хронологических периодов и внутрирегиональных акцентов отличается анализ советского прошлого региона в китайской историографии¹⁷.

Основные расхождения между позицией отечественных ученых и точкой зрения той части представителей республик Средней Азии и Казахстана, которая ориентируется на западный либеральный мейнстрим, касаются попыток этноцентристской оценки советского периода на основе «постколониальной» литературы¹⁸. Термин «колонизация» используется лишь в негативной коннотации, даже если в первоисточниках она понимается как трудовая миграция и освоение новых территорий. Раннесоветский дискурс о «колониальной политике» империи практически буквально воспроизводится сторонниками «деколонизации» новых государств — историками, культурологами, социальными антропологами, философами — и распространяется на советское прошлое. Как верно заметила Б. К. Айтенова, «казахстанские историки в своих исследованиях вернулись к концепции “абсолютного зла”, господствующей в советской историографии в 20–30-х гг. XX века»¹⁹. Пролонгация представлений о «колонизированности» создает дискурс о преемственности имперской политики «угнетения» народов: «власть большевиков продолжила политику преемственности в вопросах колониализма для тюркских народов, в 20-е–30-е годы XX столетия отягощенную тоталитаризмом»²⁰.

Презентистское толкование советской государственности увязывается с противопоставлением этноцентристской интерпретации сочувственного отношения титульного народа к переселенным в годы Великой Отечественной войны представителям разных народов, незаконно обвиненных в коллаборационизме, недоказанному «злостному» замыслу советской власти, якобы ожидавшей этнического отчуждения²¹. Милосердие в отношении невинно

¹⁶ Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. С. 365.

¹⁷ Шэнь Чжэньхуа, Кун Вэйцин. Китайские исследования по истории СССР в XXI веке. Часть 1 // Новейшая история России. 2024. Т. 14. № 3. С. 751–775.

¹⁸ Бисенова А. Ж. Обзор основных терминов постколониальной теории и вопрос их «локализации» // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. 2022. № 4 (141). С. 163–171; Касымбекова Б. О децентрализации советских исследований и организации новых платформ для диалога // Ab Imperio. 2022. № 1. С. 115–120; Ауанасова А. М., Нурпеисов Е. К. Советская власть и скрытая политика неоколониализма и тоталитаризма // 1917 год: исторические судьбы народов Евразии. Алматы, 2018. С. 245–258; Акбарова К. Кино в советском Узбекистане: между ориентализмом, модернизацией и нациестроительством // Ab Imperio. 2024. № 3. С. 177–184.

¹⁹ Айтенова Б. К. Современная историография Казахстана о проблемах российской колонизации и национально-освободительного движения в казахской степи: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. С. 21.

²⁰ Ауанасова А. М., Нурпеисов Е. К. Указ. соч. С. 245–258.

²¹ Ауанасова А. М., Аяган Б. Г., Нурпеисов Е. К. Историческая основа консолидации казахстанского общества и единства нации // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 52. С. 35.

пострадавших, явленное казахами и другими жителями советского Казахстана, демонстрирует фундаментальный характер нравственных основ культуры всех народов СССР, однако не доказывает намерения государства разобщить население по этническому признаку. Вся история советской идеологической и культурной практики доказывает нацеленность на межэтническое согласие и сотрудничество, что подтвердил подвиг советского народа в низвержении нацизма в 1941–1945 гг. Попытки отказаться от понятия «Великая Отечественная война» в пользу «Второй мировой» демонстрируют игнорирование факта включенности республик в состав единого государства СССР. Устойчивая традиция отечественной и зарубежной историографии в отсчете рубежа 1941 г. не является показателем ее ущербности или некой интеллектуальной зависимости, а свидетельствует о наличии фундаментальных оснований, не связанных с краткосрочными и динамично меняющимися конъюнктурными соображениями.

А. Моррисон, отмечая концептуальные слабости постсоветского дискурса «деколонизации», вместе с тем утверждает: «В настоящее время доминирующими фигурами в истории Центральной Азии являются не российские ученые, и фальшивые российские нарративы об отношениях между Россией и Центральной Азией — отрицание колониализма, добровольное присоединение и все остальное — не имеют серьезной научной поддержки»²². Однако ситуация далеко не однозначная: нарратив бывших советских республик Средней Азии и Казахстана отличается полихромностью, взаимодействие с российскими учеными сохраняет конструктивный смысл, а оценки политики России / СССР как «колониальной» не являются доминантными²³. Интенсивность появления публикаций, активно продвигающих дискурс «деколонизации», отнюдь не означает их обеспеченность доказательным и концептуально выверенным содержанием²⁴. В российской историографии «постколониальный синдром» имеет спорадические проявления, отражая приверженность некоторых авторов либеральным конструктам «деколонизации прошлого» народов бывшего СССР²⁵. Назойливое

²² Morrison A. After the War: Central Asia without Russia. 2022 // SICE blog. URL: <https://www.oew.ac.at/sice/sice-blog/after-the-war-central-asia-without-russia> (дата обращения: 10.03.2026).

²³ Масов Р. Указ. соч. С. 3–8; Саипова К. Д. Национально-государственное строительство и его воздействие на формирование национального состава Узбекской ССР // Историческая этнология. 2025. Т. 10. № 1. С. 56–66; Жанбосинова А. С. Указ. соч. С. 227–238; Батырбаева Ш. Д., Мукажанова Г. Ж., Лоторев Е. Н., Вильская Н. В. Северный Кыргызстан как национальная окраина Российской империи в контексте дискурса деколонизации конца XIX – начала XX в. // Bylye Gody. 2025. Т. 20. № 2. С. 824–836 и др.

²⁴ Летняков Д. Э. Постколониальная теория для постсоветского пространства: возможные ограничения // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 3 (64). С. 110–118; Моргунова О. А. Деконструируя колониальность: почему в СССР не развился постколониальный дискурс // Постколониализм и современность. 2023. № 2 (2). С. 30–44; Советская модерность: критика концепта неоколониализма / Д. А. Аманжолова и др. М., 2025.

²⁵ Антрополог Сергей Абашин — о белом мужчине из метрополии и сложностях деколонизации знания / подгот. Елена Срапян. 21.02.2023 // Perito: сайт. URL: <https://perito.media/posts/dekolonizatsiya-osvobozhdaet-ot-odnikh-zavisimostei-no-neset-drugie-antropolog-sergei-abashin-o-belom-muzhchine-iz-metropolii-i-slozhnostyakh-dekolonizatsii-znaniya> (дата обращения: 11.03.2026).

навешивание клейма «постколониальности», призывы «деколонизироваться» противоречат объективным интересам стремящихся к гражданской идентичности обществ, запирая их в рамки вечной «жертвы» и лишая успешной перспективы. Признаваемые властью сложности, предметно изучаемые изъяны и даже трагедии составили драматическую сторону советского интернационального опыта. Они не являлись изначальным замыслом большевиков, что не служит оправданием, но предполагает более детальный и контекстуальный анализ противоречий и парадоксов истории нациестроительства.

Заключение. Итак, современная историография советского прошлого республик Средней Азии и Казахстана отличается полифонией оценок и тематических интересов. При заметном хронологическом перекосе в отношении раннесоветского периода заметна и страновая специфика. Усиление международного сотрудничества историков стимулирует новые подходы и более глубокое осмысление сложных вопросов. Существенные различия определяются степенью политизации представителей интеллектуального сообщества, уровнем профессионализма в использовании концептуальных новаций или попытках реанимации устаревших концептов. Утверждение об унифицирующей и репрессивной колониальной стратегии СССР создает ложное представление о привилегированной «метрополии» и неизбежно ущемленной в правах национальной «периферии». Дискуссии о смысле советскости и концепте «советский народ» в центральноазиатской историографии практически отсутствуют, а толкование советского прошлого как сталинского отражает концептуальную неразбериху. Проблематизация существа и результатов советского нациестроительства предполагает исследование качественных трансформаций и признание факта складывания нового качества этничности, роста значимости других критериев групповой и индивидуальной идентичности, что не противоречит принятым на вооружение сюжетам о древности происхождения и исторических заслугах нации, если она не рассматривается как неизменная примордиальная сущность. Востребованы исследования социально-экономических связей и взаимодействий национально-государственных и административно-территориальных единиц СССР, в том числе организующей и координирующей роли общесоюзных институтов; компаративный критический анализ практик продвижения «постколониальных» и «деколониальных» нарративов в сфере образования и культуры через иерархию создания и продвижения знаний в западноцентричной системе рейтинга изданий; анализ культурно-политического значения понятия «империя», новых подходов к «деколонизации» исторической памяти народов бывшего СССР. Осмысление преемственного культурно сложного прошлого государства-цивилизации с учетом новых гуманитарных вызовов, включая альтернативную модерность СССР, противостоявшую западной модели и ставшую привлекательным проектом для незападного мира, является актуальной научно-исследовательской задачей.

Литература

1. Айтенова Б. К. Современная историография Казахстана о проблемах российской колонизации и национально-освободительного движения в казахской степи: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. 170 с.
2. Акбарова К. Кино в советском Узбекистане: между ориентализмом, модернизацией и нациестроительством // *Ab Imperio*. 2024. № 3. С. 177–184. Рец. на кн.: Хлоя Дриё. Кино, нация, империя: Узбекистан, 1919–1937. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023. 468 с., ил.
3. Аманжолова Д. А. Национально-территориальное размежевание Средней Азии и Казахстана в современной историографии // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2025. Т. 16. № 5 (151). <https://doi.org/10.18254/S207987840035709-8>
4. Аманжолова Д. А. Советский проект в Казахстане: власть и этничность. 1920–1930-е гг. М.; СПб.: ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2019. 477 с.
5. Ауанасова А. М., Аяган Б. Г., Нурпеисов Е. К. Историческая основа консолидации казахстанского общества и единства нации // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2018. № 52. С. 33–37. <https://doi.org/10.17223/19988613/52/6>
6. Ауанасова А. М., Нурпеисов Е. К. Советская власть и скрытая политика неокOLONIALИЗМА и тоталитаризма // 1917 год: исторические судьбы народов Евразии / Евразийский национальный университет им. Л. Гумилева; отв. ред. Н. У. Шаяхметов. Алматы: Эверо, 2018. С. 245–258.
7. Батырбаева Ш. Д., Мукажанова Г. Ж., Лоторев Е. Н., Вильская Н. В. Северный Кыргызстан как национальная окраина Российской империи в контексте дискурса деколонизации конца XIX – начала XX в. // *Bylye Gody*. 2025. Т. 20. № 2. С. 824–836. <https://doi.org/10.13187/bg.2025.2.824>
8. Бисенова А. Ж. Обзор основных терминов постколониальной теории и вопрос их «локализации» // *Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение*. 2022. № 4 (141). С. 161–171. <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2022-141-4-161-171>
9. Бочкарева И. Б. Национально-территориальное размежевание в Средней Азии в 1924 г.: причины и влияние на этнополитические процессы в регионе // *Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология*. 2019. № 2 (106). С. 22–26. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2019\)2-03](https://doi.org/10.14258/izvasu(2019)2-03)
10. Быков А. Ю., Кожирова С. Б. Формирование границ Казахстана: дискуссии и решения первого десятилетия советской власти // *Vostok (Oriens)|Восток. Афроазиатские общества: история и современность*. 2023. № 2. С. 165–180. <https://doi.org/10.31857/S086919080024450-2>
11. Дриё Х. Кино, нация, империя. Узбекистан, 1919–1937 / пер. с фр. В. Петрова. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023. 462 с.
12. Жанбосинова А. С. Научно-исследовательские тренды исторической науки Казахстана // *Исторический курьер*. 2024. № 5 (37). С. 227–238. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2024-5-18>
13. Кадыров Ш. «Нация» племен. Этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований ИА РАН, 2003. 362 с.
14. Касымбекова Б. О децентрализации советских исследований и организации новых платформ для диалога // *Ab Imperio*. 2022. № 1. С. 115–120.

15. Летняков Д. Э. Постколониальная теория для постсоветского пространства: возможные ограничения // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 3 (64). С. 110–118. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2020-64-3-110-118>
16. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. М.: Европа, 2007. 678 с.
17. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / пер. с англ. О. Р. Щёлоковой. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.
18. Масов Р. К вопросу о консолидации таджикского народа и таджикистанцев // Муаррих – Историк. 2015. № 3. С. 3–8.
19. Медведев Н. П., Слизовский Д. Е. Империи и империя, многонациональная федеративная Россия: научный взгляд через обзор публикаций // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 3. С. 332–345.
20. Миронов Б. Н. Дерусификация управления в СССР // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 2. С. 436–458. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.209>
21. Модернизационные процессы в Центральной Азии (XVIII – начало XXI вв.): проблемы и перспективы изучения: сб. науч. тр. / отв. ред. В. М. Рынков; Институт истории СО РАН. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2025. 376 с. <https://doi.org/10.31518/978-5-4437-1874-3>
22. Моргунова О. А. Деконструируя колониальность: почему в СССР не развился постколониальный дискурс // Постколониализм и современность. 2023. № 2 (2). С. 30–44. <https://doi.org/10.31249/postcolonialism/2023.02.02>
23. Мустояпова А. Деколонизация Казахстана. Алматы: AmalBooks, 2022. 264 с.
24. Нарбеков А. Национально-территориальное размежевание в Средней Азии и его основные причины // Значение цифровых технологий в изучении истории Узбекистана. 2022. № 1(01). С. 358–363. <https://doi.org/10.47689/v1i01.13600>
25. Россия – Средняя Азия: Политика и ислам в конце XVIII – начале XXI века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. 480 с.
26. Россия в учебниках истории стран Ближнего и Постсоветского Востока, Китая: реферативный сборник / отв. ред. В. А. Аватков. М.: ИНИОН РАН, 2024. 155 с.
27. Россия и Центральная Азия: наследие прошлого и возможности будущего: сб. материалов Международной научно-практической конференции (Андижан, Республика Узбекистан; Томск, Российская Федерация, 20–21 февраля 2024 г.) / отв. ред.: Р. Р. Шамситдинов, С. М. Юн. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2024. 234 с.
28. Саипова К. Д. Национально-государственное строительство и его воздействие на формирование национального состава Узбекской ССР // Историческая этнология. 2025. Т. 10. № 1. С. 56–66. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.56-66>
29. Славяно-тюркский мир: история и современность: Материалы II Международной научно-практической конференции, приуроченной к 105-летию создания национальных автономий в РСФСР и 100-летию Чувашской АССР (г. Чебоксары, 25–27 июня 2025 г.) / сост. и отв. ред.: В. Н. Клементьев, Д. В. Егоров, Э. Е. Лебедев. Чебоксары: ЧГИГН, 2025. 528 с.
30. Советская модерность: критика концепта неоколониализма / Д. А. Аманжолова и др. М.: ИРИ РАН, 2025. 588 с.
31. Халид А. Центральная Азия: От века империй до наших дней / пер. с англ. А. Поповой. М.: Альпина нон-фикшн, 2024. 560 с.
32. Цыряпкина Ю. Н. «Эпоха социализма» в исторической памяти населения постсоветского Узбекистана // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 238–248. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2020-5-20>

33. Чеботарева В. Г. РСФСР: в ликвидации колониального наследия народов Центральной Азии // Историческая и социально-образовательная мысль. 2022. Т. 14. № 2. С. 17–31. <https://doi.org/10.17748/2219-6048-2022-14-2-17-31>
34. Шушкова М. Е. Национально-территориальное размежевание Средней Азии: взгляд историков Таджикистана на проблему // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сб. науч. трудов / под ред. О. В. Горбачева и Л. Н. Мазур. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 515–521.
35. Шэнь Чжихуа, Кун Вэйцин. Китайские исследования по истории СССР в XXI веке. Часть 1 // Новейшая история России. 2024. Т. 14. № 3. С. 751–775. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.314>
36. Этнография Алтая и сопредельных территорий: сб. статей по материалам 13-й Международной конференции (Барнаул, 14–16 сентября 2025 г.), посвященной 80-летию Великой Победы и Году защитника Отечества «Этнография Алтая и сопредельных территорий: память, народ, культура в военных, экстремальных и повседневных практиках». Вып. 13 / под ред. Т. К. Щегловой (отв. ред.), Е. А. Коляскиной. Барнаул: АлтГПУ, 2025. 298 с.
37. Edgar A. Tribal nation: The Making of Soviet Turkmenistan. Princeton University Press, 2004. XVI, 296 p.
38. Kurilovich M. “To speak to the Hegemon”: The visions of Soviet past in the history coursebooks of Central Asia countries // Politeja. 2023. № 1 (82). P. 395–408. <https://doi.org/10.12797/POLITEJA.20.2023.82.20>
39. Reflections on Stalinism / edited by A. Getty, L. H. Siegelbaum. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2024. 232 p. (NIU series in Slavic, East European, and Eurasian studies).
40. Suny R. G. Sheila Fitzpatrick’s black comedy // Ab Imperio. 2023. № 4. С. 103–106.
41. Uyama T. Invitation, adaptation, and resistance to empires: Cases of Central Asia // Comparing modern empires: imperial rule and decolonization in the changing world order / ed. by T. Uyama. Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, 2018. P. 99–117. (Slavic Eurasian studies; № 33).

References

1. Aitenova B. K. Modern historiography of Kazakhstan on the problems of Russian colonization and the national liberation movement in the Kazakh steppe: Dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Omsk, 2007. 170 p. (In Russ.).
2. Akbarova K. Cinema in Soviet Uzbekistan: Between orientalism, modernization, and nation-building // Ab Imperio. 2024. № 3. P. 177–184. Review of the book: Chloe Driault. Cinema, nation, empire: Uzbekistan, 1919–1937. St. Petersburg: Academic Studies Press / Bibliorossika, 2023. 468 p., ill. (In Russ.).
3. Amanzholova D. A. National-territorial demarcation of Central Asia and Kazakhstan in modern historiography // Istoriya. 2025. Vol. 16. № 5 (151). <https://doi.org/10.18254/S207987840035709-8> (In Russ.).
4. Amanzholova D. A. The Soviet project in Kazakhstan: Power and ethnicity. 1920–1930s. Moscow; St. Petersburg: Institute for Russian History of the Russian Academy of Sciences; Center for Humanitarian Initiatives, 2019. 477 p. (In Russ.).
5. Auanasova A. M., Ayagan B. G., Nurpeisov E. K. The historical basis of consolidation of Kazakhstan’s society and unity of nation // Tomsk State University Journal of History. 2018. № 52. P. 33–37. <https://doi.org/10.17223/19988613/52/6> (In Russ.).

6. Auanasova A. M., Nurpeisov E. K. Soviet power and the hidden politics of neo-colonialism and totalitarianism // 1917: The historical destinies of the peoples of Eurasia / L. Gumilyov Eurasian National University; ed. by N. U. Shayakhmetov. Almaty: Evero, 2018. P. 245–258. (In Russ.).
7. Batyrbayeva Sh. D., Mukazhanova G. Zh., Lotorev E. N., Vilskeya N. V. Northern Kyrgyzstan as a national borderland of the Russian Empire in the context of decolonization discourse of the late 19th – early 20th centuries // Bylye Gody. 2025. Vol. 20. № 2. P. 824–836. <https://doi.org/10.13187/bg.2025.2.824> (In Russ.).
8. Bissenova A. Zh. Overview of the main terms of postcolonial theory and the issue of their “localization” // Bulletin of the L. N. Gumilyov ENU. Historical sciences. Philosophy. Religion Series. 2022. № 4 (141). P. 161–171. <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2022-141-4-161-171> (In Russ.).
9. Bochkareva I. B. National-territorial delimitation in Central Asia in 1924: Causes and influence on ethnopolitical processes in the region // Izvestiya of Altai State University. Historical Sciences and Archeology. 2019. № 2 (106). P. 22–26. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2019\)2-03](https://doi.org/10.14258/izvasu(2019)2-03) (In Russ.).
10. Bykov A. Yu., Kozhirova S. B. Formation of the borders of Kazakhstan: Discussions and solutions in the first twenty years of the Soviet Era // Vostok (Oriens)'. 2023. № 2. P. 165–180. <https://doi.org/10.31857/S086919080024450-2> (In Russ.).
11. Drieu C. Cinema, nation, empire. Uzbekistan, 1919–1937 / translated from French by V. Petrov. St. Petersburg: Academic Studies Press / BibliRossika, 2023. 462 p. (In Russ.).
12. Zhanbossinova A. S. Scientific research trends of historical science of Kazakhstan // Historical Courier. 2024. № 5 (37). P. 227–238. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2024-5-18> (In Russ.).
13. Kadyrov Sh. “Nation” of tribes: ethnic origins, transformation and prospects of statehood in Turkmenistan. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2003. 362 p. (In Russ.).
14. Kasymbekova B. On the decentralization of Soviet research and the organization of new platforms for dialogue // Ab Imperio. 2022. № 1. P. 115–120. (In Russ.).
15. Letnyakov D. E. Postcolonial theory for post-Soviet countries: possible misconceptions // The Caspian Region: Politics, Economy, Culture. 2020. № 3 (64). P. 110–118. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2020-64-3-110-118> (In Russ.).
16. Lieven D. The Russian Empire and its rivals from the sixteenth century to the present / translated from English by A. Kozlik and A. Platonov. Moscow: Europa, 2007. 678 p. (In Russ.).
17. Martin T. The affirmative action empire: Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939 / translated from English by O. R. Shchelokova. Moscow: ROSSPEN, 2011. 855 p. (In Russ.).
18. Masov R. Point of view on consolidation of Tajik people and Tajikistanians // Muarrikh – Historian. 2015. № 3. P. 3–8. (In Russ.).
19. Medvedev N. P., Slizovsky D. E. Empires and empire, multinational Federative Russia: A scientific view through a review of publications // Post Soviet Studies. 2025. Vol. 8. № 3. P. 332–345. (In Russ.).
20. Mironov B. N. Derusification of Administration in USSR // Modern History of Russia. Vol. 11. 2021. № 2. P. 436–458. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.209> (In Russ.).
21. Modernization processes in Central Asia (18th – early 21st centuries): problems and prospects of research: collection of scientific papers] / edited by V. M. Rykov; Institute

of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Novosibirsk: NSU Publishing House, 2025. 376 p. <https://doi.org/10.31518/978-5-4437-1874-3> (In Russ.).

22. Morgunova O. A. Deconstructing coloniality: Why there were no postcolonial discourse in the USSR // *Postcolonialism and contemporary world*. 2023. № 2 (2). P. 30–44. <https://doi.org/10.31249/postcolonialism/2023.02.02> (In Russ.).

23. Mustoyapova A. Decolonization of Kazakhstan. Almaty: AmalBooks, 2022. 264 p. (In Russ.).

24. Narbekov A. National-territorial division in Central Asia and its main causes // *The Value of Digital Technologies in the Study of the History of Uzbekistan*. 2022. № 1 (01). P. 358–363. <https://doi.org/10.47689/vli01.13600> (In Russ.).

25. Russia – Central Asia: Politics and Islam from the late XVIII to the early XXI century. Moscow: Moscow University Press, 2013. 480 p. (In Russ.).

26. Russia in the history textbooks of the countries of the Middle and Post-Soviet East, China: Abstract collection / edited by V. A. Avatkov. Moscow: INION RAS, 2024. 155 p. (In Russ.).

27. Russia and Central Asia: Legacy of the past and opportunities for the future: Collection of materials from the International Scientific and Practical Conference (Andijan, Republic of Uzbekistan; Tomsk, Russian Federation, February 20–21, 2024) / ed. by R. R. Shamsitdinov and S. M. Yun. Tomsk: Tomsk State University Press, 2024. 234 p. (In Russ.).

28. Saipova K. D. National-state construction and its impact on the formation of the ethnic composition of the Uzbek Soviet Socialist Republic // *Historical Ethnology*. 2025. Vol. 10. № 1. P. 56–66. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.56-66> (In Russ.).

29. The Slavic-Turkic world: History and modernity: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference dedicated to the 105th anniversary of the creation of National Autonomies in the RSFSR and the 100th anniversary of the Chuvash ASSR (Cheboksary, June 25–27, 2025) / compilers and editors: V. N. Klementyev, D. V. Egorov, E. E. Lebedev. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2025. 528 p. (In Russ.).

30. Soviet modernity: A critique of the concept of neo-colonialism / D. A. Amanzholova et al. Moscow: Institute for Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2025. 588 p. (In Russ.).

31. Khalid A. Central Asia: A new history from the imperial conquests to the present / translated from English by A. Popova. Moscow: Alpina non-fiction, 2024. 560 p. (In Russ.).

32. Tsyryapkina Yu. N. Attitudes towards the socialism era in post-Soviet Uzbekistan: A study of historical memory // *Historical Courier*. 2020. № 5 (13). P. 238–248. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2020-5-20> (In Russ.).

33. Chebotareva V. G. RSFSR: in the liquidation of the colonial heritage of the peoples of Central Asia // *Historical and Social-Educational Idea*. 2022. Vol. 14. № 2. P. 17–31. <https://doi.org/10.17748/2219-6048-2022-14-2-17-31> (In Russ.).

34. Shushkova M. E. National delimitation in Central Asia in the interpretations of modern Tajik historians // *The Soviet project. 1917–1930s: Stages and mechanisms of implementation: Collection of scientific papers* / edited by O. V. Gorbachev and L. N. Mazur. Yekaterinburg: Ural University Press, P. 515–521. (In Russ.).

35. Shen Zhihua, Kong Weiqin. The Chinese Soviet studies in 21st century. Part 1 // *Modern History of Russia*. 2024. Vol. 14. № 3. P. 751–775. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.314> (In Russ.).

36. Ethnography of Altai and adjacent territories: Collection of articles based on the materials of the 13th International conference (Barnaul, September 14–16, 2025) dedicated

to the 80th anniversary of the Great Victory and the Year of the Defender of the Fatherland “Ethnography of Altai and adjacent territories: memory, people, culture in military, extreme and everyday practices”. Issue 13 / edited by T. K. Shcheglova, E. A. Kolyaskina. Barnaul: Altai State Pedagogical University, 2025. 298 p. (In Russ.).

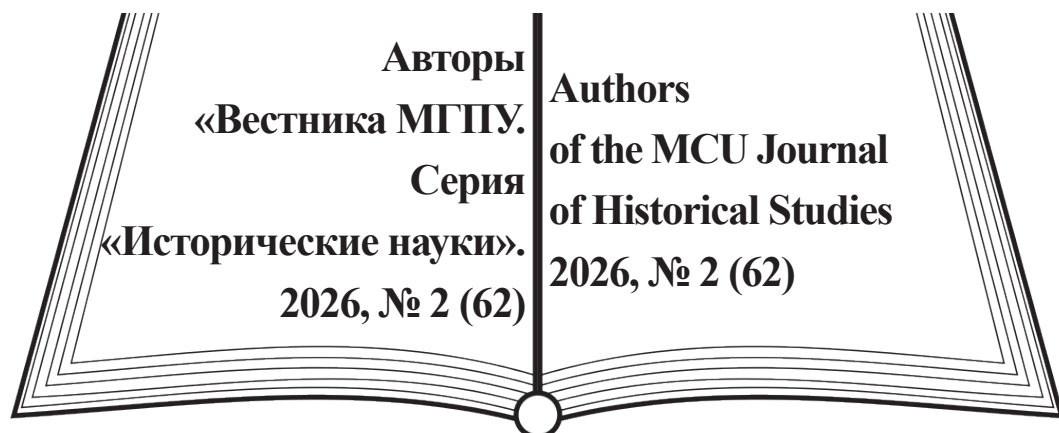
37. Edgar A. Tribal nation: The Making of Soviet Turkmenistan. Princeton University Press, 2004. XVI, 296 p.

38. Kurilovich M. “To speak to the Hegemon”: The visions of Soviet past in the history coursebooks of Central Asia countries // *Politeja*. 2023. № 1 (82). P. 395–408. <https://doi.org/10.12797/POLITEJA.20.2023.82.20>

39. Reflections on Stalinism / edited by A. Getty, L. H. Siegelbaum. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2024. 232 p. (NIU series in Slavic, East European, and Eurasian studies).

40. Suny R. G. Sheila Fitzpatrick’s black comedy // *Ab Imperio*. 2023. № 4. С. 103–106.

41. Uyama T. Invitation, adaptation, and resistance to empires: Cases of Central Asia // *Comparing modern empires: imperial rule and decolonization in the changing world order* / ed. by T. Uyama. Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, 2018. P. 99–117. (Slavic Eurasian studies; № 33).

**Авторы
«Вестника МГПУ.
Серия
«Исторические науки».
2026, № 2 (62)**

**Authors
of the MCU Journal
of Historical Studies
2026, № 2 (62)**

Алексеев Константин Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры психологических и гуманитарных наук Тверского института (филиала) Московского гуманитарно-экономического университета, Тверь, Россия.

Alekseev Konstantin A. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Psychological and Humanitarian Sciences at the Tver Institute (branch) of the Moscow Humanitarian Economic University, Tver, Russia.

E-mail: alekseev.k@mail.ru

Аманжолова Дина Ахметжановна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории Российской академии наук, Москва, Россия.

Amanzholova Dina A. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Research Fellow at the Center for the History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: amanzholova19@mail.ru

Галкин Тимур Олегович — кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Коломенско-Зарайского государственного музея-заповедника, Зарайск, Россия.

Galkin Timur O. — Candidate of Historical Sciences, Chief Researcher at the State Kolomna and Zaraysk museum-reserve, Zaraysk, Russia.

E-mail: timyrgalkin@gmail.com

Грачев Анатолий Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета, Омск, Россия.

Grachev Anatoly V. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of National History of Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia. Omsk, Russia.

E-mail: a.v.grachyov@mail.ru

Буланова Анастасия Сергеевна — аспирантка Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Bulanova Anastasia S. — Graduate Student of Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: anastasiaschar@yandex.ru

Кокарева Ольга Владимировна — кандидат исторических наук, доцент департамента истории Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Kokareva Olga V. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: kokarevao@mgpu.ru

Кувшинова Елена Евгеньевна — старший преподаватель департамента истории Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Kuvshinova Elena E. — Senior Lecturer at the Department of History, Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: kuvshinovaee@mgpu.ru

Орлов Максим Александрович — кандидат исторических наук, учитель истории «Петербургского лицея», Киров, Россия.

Orlov Maxim A. — Candidate of Historical Sciences, History teacher of the Petersburg Lyceum, Kirov, Russia.

E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Печерский Владимир Арнольдович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ), Абакан, Россия.

Pechersky Vladimir A. — Candidate of Historical Sciences of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History (KhRILLH), Abakan, Russia.

E-mail: volody75.75@mail.ru

Смирнов Максим — аспирант Института образования и гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, Калининград, Россия.

Smirnov Maksim — Graduate Student at the Institute of Education and Humanities of Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: maksmirn@inbox.ru

Юдина Елена Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент департамента физической культуры, спорта и медиакоммуникаций Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Yudina Elena Yu. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Physical Education, Sports and Media Communications of Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: yudinaeyu@mgpu.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Рецензируемый научный журнал «Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». **MCU Journal of Historical Studies** принимает к публикации оригинальные, не опубликованные ранее работы на русском и английском языках по конкретным историческим, историографическим и источниковедческим темам, содержание которых соответствует научным специальностям 5.6.1. Отечественная история и 5.6.2. Всеобщая история.

Материалы для публикации научной статьи следует направлять по адресу: vestnik_hist@mgpu.ru

Объем и форматирование

Объем научной статьи — до 40 000 знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы и графики, список литературы, без учета метаданных. Поля — по 20 мм справа, слева, сверху, снизу. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Интервал — 1,5. Красные строки — 1,25 (выставляются автоматически). Не допускаются разрывы между абзацами, автоматические переносы, автоматическая нумерация списков.

Рисунки, схемы, таблицы и графики выполняются в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения (сканирование не допускается); нумеруются в порядке упоминания их в тексте. Все изображения, представленные в статье, должны иметь подписи и ссылки на источник, если они выполнены не самим автором. Подрисуночные подписи выполняются кеглем 12; отдельно предоставляются рисунки в формате *jpeg, не менее 300 dpi точек на дюйм.

Метаданные

Метаданные приводятся до основного текста статьи на русском или английском языке в зависимости от того, на каком языке написана статья, и затем повторяются на другом языке.

Данные указываются в обозначенной последовательности без разделения запятыми:

УДК (www.teacode.com/online/udc/)

Ф. И. О. (Иванов Иван Иванович / Ivanov Ivan I.)

ученая степень и ученое звание (при наличии)

место работы

город, страна

электронная почта; ORCID.

Ниже по центру размещается *название статьи* (не более 15 слов).

После названия научной статьи следуют *аннотация* (200–250 слов) и *ключевые слова* (7–10 слов). В аннотации указываются актуальность и цель исследования, а также его основные результаты. Ключевые слова должны соответствовать теме статьи, включать основные категории и понятия, отражающие ее содержание.

Ниже ключевых слов могут быть размещены благодарности, посвящения и сведения о финансировании исследований (при наличии).

Разделы научной статьи

Введение: постановка проблемы; научная новизна и актуальность исследования; историография вопроса; источниковая база исследования.

Ход и результаты исследования: должны соответствовать целям и задачам исследования, результаты исследования представляются в максимально доказательной форме (в том числе в виде таблиц, графиков, диаграмм и т. п.).

Заключение: содержит выводы по результатам исследования в кратком систематизированном виде, по желанию автора раскрываются перспективы продолжения проведения исследований в данном направлении, даются рекомендации для практического применения результатов исследования.

Ссылки на источники

Используемые в статье источники и литература должны быть отражены в подстрочных ссылках (сносках), при оформлении которых следует руководствоваться ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: Общие требования и правила составления».

Подстрочные ссылки (сноски) на используемые в статье материалы автоматические, нумерация сквозная, кегль — 10; интервал — 1.

Литература и References

Ниже текста статьи должны располагаться разделы «Литература» и References, содержащие библиографические описания использованных научных работ (монографий, диссертаций, авторефератов и статей). В эти разделы **не включаются** источники, энциклопедии, справочники, электронные ресурсы, художественные произведения и т. п.

В разделе «Литература» приводятся названия работ на языке оригинала (русском, английском и т. п.), которые располагаются по алфавиту. Библиографические описания на языках с разной графикой оформляются в следующем порядке: 1) кириллица; 2) латиница; 3) другие виды графики, транслитерация (в русской транскрипции).

Список литературы должен составлять не менее 15 пунктов, в том числе опубликованных в зарубежных базах цитирования (Scopus, Web of Science) за последние пять лет (по отечественной истории — не менее 1/4 от общего количества пунктов, по всеобщей истории — не менее 1/3), с указанием DOI или URL национального архива для всех источников (при наличии).

В разделе References работы, написанные на русском или других языках, использующих кириллицу, приводятся в транслитерации (сайт для автоматической транслитерации: WWW.TRANSLIT.RU. Режим транслитерации — LC / Library of Congress). Их названия дублируются переводом на английский язык, заключенным в квадратные скобки. В конце библиографического описания для изданий на кириллице в скобках указывается язык оригинала: (In Russ.), (In Bulg.), (In Ukr.).

Если русскоязычный источник имеет зарегистрированные метаданные на английском языке, они приводятся в разделе References (например, MCU Journal of Historical Studies).

Литература, написанная на английском или других языках, использующих латиницу, приводится на языке оригинала. Порядок размещения работ в разделе References повторяет порядок в разделе «Литература».

Несоответствие разделов «Литература» и References предъявляемым требованиям (неполные, недостоверные и некорректные данные) является одной из причин отказа в приеме рукописи к публикации.

Научный журнал / Scientific Journal

**Вестник МГПУ.
Серия «Исторические науки».**

**MCU Journal
of Historical Studies**

2026, № 2 (62)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82088 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

кандидат исторических наук, директор, профессор
Института гуманитарных наук МГПУ *В. В. Кириллов*

Заместитель главного редактора:

доктор исторических наук, профессор *И. В. Омелянчук*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник *Т. П. Веденеева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музамилова

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 2.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 28.07.2026 г.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 10,25 печ. л. Тираж: 1 000 экз.